

Джон Ф.
КЕННЕДИ

ПРОФИЛИ
МУЖЕСТВА

Джон Ф.
КЕННЕДИ
ПРОФИЛИ
МУЖЕСТВА

John F. Kennedy

PROFILES
IN
COURAGE

Introduction by Caroline Kennedy

Foreword by Robert F. Kennedy

HarperCollins *Publishers*

Джон Ф.
КЕННЕДИ

ПРОФИЛИ
МУЖЕСТВА

МОСКВА
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
2005

УДК 327
ББК 66.4(0)
К33

Кеннеди Джон Ф.

К33 Профили мужества / Пер. с англ. Э.А. Иваняна. – М.:
Междунар. отношения, 2005. – 328 с.

ISBN 5-7133-1242-9

Джон Ф. Кеннеди, 35-й президент США (1961–1963 гг.), остался в памяти нашего народа как один из самых ярких политических деятелей Америки, а его трагическая гибель вызвала особый интерес к этой неординарной личности. Эта книга, написанная им еще за несколько лет до президентского срока и впервые издаваемая на русском языке, представляет собой не только увлекательное историко-биографическое повествование. Создав коллективный портрет выдающихся американцев, вошедших в историю проявленной ими стойкостью убеждений и верностью высоким целям, Кеннеди раскрыл и секрет собственной личности – политическое мужество.

Эта книга – его нравственное завещание, зывающее к самой высокой требовательности.

УДК 327
ББК 66.4(0)

- © Profiles of Courage. 1955, 1956 by John F. Kennedy. 1984 renewed by Jacqueline Kennedy Onassis
- © Foreword. 1964 by Robert F. Kennedy
- © Introduction. 2003 by Caroline Kennedy
- © Introduction to Russian Edition. 2005 by Edward M. Kennedy
- © Перевод с английского, исторический комментарий и послесловие Э.А. Иваняна, 2005
- © Подготовка к изданию и оформление изд-ва «Международные отношения», 2005

ISBN 5-7133-1242-9

Моей жене

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	ix
ВСТУПЛЕНИЕ	xii
ПРЕДИСЛОВИЕ	xx
АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ	xxvii
I. Мужество и политика	1
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ВРЕМЯ И МЕСТО	27
II. Джон Квинси Адамс	35
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ВРЕМЯ И МЕСТО	61
III. Дэниел Уэбстер	68
IV. Томас Харт Бентон	90
V. Сэм Хьюстон	113
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
ВРЕМЯ И МЕСТО	135
VI. Эдмунд Г. Росс	141
VII. Люшиус Квинтус Цинциннатус Ламар	170

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВРЕМЯ И МЕСТО	201
VIII. Джордж Норрис	207
IX. Роберт А. Тафт	235
X. Другие образы политического мужества	251
XI. Секрет мужества	264
ПОСЛЕСЛОВИЕ ИСТОРИКА (Еще один профиль мужества)	275

ВВЕДЕНИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Для моего брата было бы большой честью издание его книги «Профили мужества» на русском языке. Со многих точек зрения эта публикация представляется достойным символом огромного прогресса в улучшении российско-американских отношений, которое было достигнуто с того времени, когда он был президентом Соединенных Штатов, а «холодная война» между нашими странами была в самом разгаре.

Полвека тому назад его, тогда еще молодого сенатора, увлеченного изучением истории, вдохновила идея написать книгу, рассказывающую о политическом мужестве деятелей, которые, будучи избранными в высшие органы власти, сохраняли неизменную верность принципам и поступали так, как считали правильным, отчетливо понимая, что их действия вызовут недовольство избирателей и могут обречь их на поражение на следующих выборах.

Сегодня, как и прежде, политического мужества зачастую не хватает в демократических странах и тем более в странах, где оно сопряжено с физическим риском и даже риском для жизни.

Я уверен, мой брат мог бы надеяться, что публикация его книги на русском языке вызовет у российских читателей такую же реакцию, которой он ожидал на свою книгу от американцев, а именно задуматься над тем, насколько важно политическое мужество для народных избранников, и высказать большее уважение к тем из них, кто проявляет политическое мужество.

Говоря словами из его книги – еще более уместными в наступившем столетии: «В наши дни проблема политического мужества представляется более важной, чем когда-либо раньше, так как наша повседневная жизнь становится настолько насыщенной огромной мощью массовых коммуникаций, что любой непопулярный или неортодоксальный курс вызывает бурю протестов».

В эпоху после «холодной войны» демократические идеалы стали существенной частью российско-американских отношений, и теперь именно они, а не прежняя политическая идеология, определяют сами эти отношения. Я очень надеюсь, что «Профили мужества» внесут свой вклад в наш диалог об этих идеалах и приблизят нас к высокой цели взаимного понимания и дружбы.

На страницах книги российские читатели увидят яркие образы американских избранников, которые следовали своей совести, принося в жертву свою карьеру. Мой брат глубоко верил в то, что взятые из прошлого примеры отчетливо проявленного политического мужества станут источником надежды и вдохновения для живущих независимо от их партийных привязанностей и иных интересов или национальной принадлежности.

Размышляя над этой книгой, российские читатели без труда найдут подобные примеры среди соотечественников, не отступившихся от своих принципов, – деятелей разных уровней, будь то местные руководители, выступившие в поддержку непопулярных, но по-настоящему нужных экономических реформ; губернаторы, не остановившиеся перед конфликтом с могущественными финансовыми интересами ради того, чтобы сделать действительно нужное людям; или депутаты Государственной Думы, протестующие против антидемократических мер. Деятели, обладающие политическим мужеством, которое дает им силы быть твердыми и отстаивать свои принципы даже перед лицом опасностей, угрожающих им лично или их профессиональ-

ной деятельности, – таково самое надежное свидетельство прочного и свободного общества. Пусть успех долго сопутствует им.

ЭДВАРД М. КЕННЕДИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Мой отец учил всех нас, что мы никогда не можем быть слишком старыми или слишком молодыми для службы в интересах общества. Призыв, содержащийся в инаугурационной речи президента Кеннеди: «не спрашивайте, что страна может сделать для вас, – спросите, что вы можете сделать для своей страны», – подытожил его собственную жизнь и карьеру и звучит сегодня столь же верно, как и сорок лет назад. Для меня его нравоучительное наследие живет в тысячах американцев, которых он вдохновил на участие в жизни их общин, школ, соседних кварталов, в Движении за гражданские права¹ и Корпусе мира². Наша страна преобразилась энергией и одержимостью одного поколения. Сейчас мы должны понять и сказать, в чем состоит наш долг перед нашим временем.

Джон Ф. Кеннеди начал свою жизнь служения обществу в годы Второй мировой войны в южной части Тихого океана в качестве командира торпедного катера. Во время патрулирования ночью 2 августа 1943 г. торпедный катер

¹ Общественное движение, получившее широкое распространение в США в 50–60-х гг. XX в. и приведшее к принятию Конгрессом США ряда законов в интересах защиты прав граждан. Начало движения относится к 1955 г. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Американское федеральное агентство, созданное в 1961 г. по инициативе президента Джона Ф. Кеннеди в рамках Государственного департамента США в целях формирования положительного образа США в развивающихся странах мира.

РТ-109 был торпедирован японским миноносцем «Амагирри». Катер взорвался и загорелся, в результате чего члены его команды оказались выброшенными в охваченную пламенем воду. Двое из них были убиты, а один обожжен до такой степени, что не мог плыть. Схватив раненого за обрывок его спасательного жилета, лейтенант Кеннеди дотянул раненого моряка до ближайшего острова, находившегося на расстоянии трех миль. В течение следующих трех дней, испытывая недостаток пищи и воды, оба моряка прятались, опасаясь, что могут быть схвачены японцами. Каждый вечер Кеннеди проплывал по воде, кишевшей акулами, к соседним островам в поисках помощи, пока его не заметили два жителя Соломоновых островов – Эрони Кумана и Биуку Гаса. Они нашли кокосовый орех, на котором Кеннеди нацарапал послание, доставленное ими в расположенное неподалеку укрытие австралийского таможенного досмотрщика, организовавшего подмогу. Летом 2002 г. экспедиция Национального географического общества обнаружила, что легенда о мужестве, проявленном Джоном Ф. Кеннеди, жива до сих пор на далеких Соломоновых островах. Пользуясь аппаратурой с дистанционным управлением и подводными фотокамерами, исследователь Роберт Баллард и его команда обнаружили затонувший РТ-109. Члены экспедиции встретились с Эрони Кумана (чье примитивное каноэ спасло жизнь моему отцу и изменило ход истории) и его сыном, Джоном Ф. Кеннеди-Кумана.

За «беспримерное героическое поведение», проявленное моим отцом, его наградили медалью ВМС и морской пехоты, а полученное им ранение было отмечено Пурпурным сердцем¹. Следствием всего этого и стала книга «Профили мужества». В результате столкновения с японским

¹ Военская медаль, учрежденная в 1932 г. и вручаемая за одно боевое ранение.

миноносцем у отца был поврежден позвоночник, что потребовало проведения хирургической операции зимой 1954/55 г. Два года раньше он был избран в Сенат США и его заинтересовал вопрос: какими качествами следует обладать, чтобы стать выдающимся сенатором? Он был влюблен в историю, и месяцы выздоровления были посвящены чтению биографий его легендарных предшественников. Для обоих моих родителей история была не скучным и сухим предметом, а постоянным источником вдохновения. Они верили, что герои действительно существуют и что все мы можем учиться на их примере. Героями моего отца были мужчины и женщины, готовые рисковать своей карьерой, чтобы совершить нечто полезное для их страны. «Профили мужества», опубликованные в 1956 г., рассказывают об этих людях.

На постах сенатора и президента, во внешней и внутренней политике Джон Ф. Кеннеди проявил подобное мужество. В 1962 г., когда он обнаружил, что Советы создают на Кубе базы наступательных ядерных ракет, президент Кеннеди воспротивился требованиям нанести немедленный воздушный удар и избрал путь дипломатии, который предотвратил катастрофу ядерной войны. Проявленные им в ходе Кубинского ракетного кризиса «добрая воля вопреки давлению» и его здравое суждение привели к новой главе в советско-американских отношениях и сделали возможным первый договор, запретивший испытания ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. В речи, которую он произнес тем летом после окончания Кубинского кризиса, президент Кеннеди говорил о мире: «Давайте не будем закрывать глаза на наше несходство, но давайте обратим внимание на наши общие интересы и на средства, с помощью которых это несходство может быть устранено. И если мы окажемся сейчас не в состоянии покончить с нашими разногласиями, мы можем по крайней мере содействовать тому, чтобы наши

разногласия не угрожали миру. Поскольку в конечном счете самой главной точкой соприкосновения является то, что мы все живем на этой маленькой планете. Мы все дышим одним и тем же воздухом. Мы все заботимся о будущем наших детей. И мы все смертны»¹.

В 1963 г., когда весь Юг был охвачен пламенем негодования из-за невыполненного обещания гражданских прав и местная полиция боролась с мирными демонстрантами, выступавшими в защиту гражданских прав, с применением пожарных рукавов и полицейских собак, президент Кеннеди обратил всю власть федерального правительства на сторону тех, кто требовал расовой интеграции, так как именно это и следовало сделать. В транслировавшемся по телевидению обращении к нации в тот же вечер, когда он объявил мобилизацию Национальной гвардии Алабамы, чтобы обеспечить согласно судебному решению допуск двух чернокожих студентов в Университет штата Алабама, президент Кеннеди сказал: «Перед нами стоит вопрос прежде всего морального плана. Он является столь же древним, как и Библия, и столь же ясным, как и американская Конституция. Вся суть вопроса в том, должны ли все американцы обладать равными правами и равными возможностями, собираемся ли мы относиться к нашим соотечественникам – американцам так же, как мы хотим, чтобы относились к нам. Если американец по причине темного цвета кожи не может есть в ресторане, открытом для всех, если он не может послать своих детей на учебу в лучшую из возможных бесплатных средних школ, если он не может голосовать за государственных служащих, которые представляют его, если, короче говоря, он не может пользоваться всеми благами полноправной и свободной жизни, которую мы все желаем иметь, в таком

¹ Имеется в виду речь, произнесенная Дж.Ф. Кеннеди 10 июня 1963 г. в Американском университете (г. Вашингтон).

случае кто из нас согласится поменять цвет своей кожи и встать на его место? Кого из нас удовлетворят советы проявлять терпение и ждать?». В той же речи он объявил, что направит в Конгресс законопроект, запрещающий дискриминацию во всех местах общественного пользования, который и станет Законом 1964 г. о гражданских правах, принятым уже после его смерти.

Поскольку мой отец изучал историю и осознавал сложность определения мужества, он понимал также и его скромное величие. Он верил, что, рассказывая о тех, кто действовал, основываясь на своих принципах и невзирая на последствия, он может вдохновить грядущие поколения следовать их примеру. Нашему народу необходимо признать важность умения вести за собой, уважать его и требовать этого от наших лидеров. Жизнь и деятельность Джона Ф. Кеннеди вдохновили миллионы людей во всем мире и продемонстрировали истину, заключающуюся в словах Эндрю Джексона¹: «Один мужественный человек составляет большинство».

Наша семья чтит приверженность моего отца служению обществу, высоко оценивая такую приверженность и в других. В 1989 г. мы учредили премию «Профиль мужества», ежегодно вручаемую избираемому должностному лицу, стойко придерживающемуся тех самых идеалов, на которых была основана наша страна, нередко сильно рискуя при этом в личном плане. Эти мужчины и женщины, республиканцы и демократы, несущие службу на местном уровне, на уровне штата или национальном уровне, являются наследниками восьми легендарных сенаторов, жизнь которых описана в этой книге. Наше коллективное определение понятия «мужество» расширилось со времени написания «Профилей мужества»: сегодня мы воздаем

¹ Джексон, Эндрю (1767–1845), 7-й президент США (1829–1837).

должное тем, кто обладал мужеством идти на компромиссы, а также тем, кто твердо держится до конца.

Член Конгресса Хильда Солис, выросшая в одной из самых загрязненных местностей Америки, возглавила борьбу за принятие первого в нашей стране закона о санкциях за нанесение ущерба окружающей среде. Тогда она была еще молодым сенатором латиноамериканского происхождения в Сенате штата Калифорния. Утверждая, что ядовитые и вредные для здоровья отходы сбрасывались в непропорционально больших объемах вблизи местностей, где проживали представители национальных меньшинств и люди с низкими доходами, Солис успешно обеспечила поддержку этого важного законопроекта. Преодолевая упорное сопротивление, идя на компромиссы, когда это от нее требовалось, Солис сотрудничала с лидерами политических и деловых кругов, чтобы обеспечить принятие новаторского законодательства, требующего, чтобы всем населенным пунктам уделялось должное внимание с точки зрения совершенствования, применения и реализации законов по защите окружающей среды.

Конгрессмен Джон Льюис получил беспрецедентную премию «Профиль мужества» в признание высокоморального мужества, проявленного им на протяжении всей его жизни. Первопроходец Движения за гражданские права и один из основных организаторов Марша на Вашингтон в 1963 г., Льюис часто рисковал своей жизнью, бросая вызов сегрегации при проведении Рейсов свободы¹ и борясь за предоставление права голоса афроамериканцам. Невзирая на более чем сорок арестов, физических нападений и жестоких избиений, он никогда не отступал от своей веры в философию ненасилия. Его жизнь отмечена

¹ Автобусные поездки из северных штатов в южные, организованные по инициативе Конгресса расового равенства в знак протеста против расовой сегрегации на автовокзалах южных штатов (1961).

исключительным мужеством и верностью делу превращения Америки в «достойное любви сообщество людей».

Мы чтим также исключительно мужественные действия. К примеру, президент Джеральд Форд¹ получил премию «Профиль мужества» за объявленную им амнистию президенту Ричарду Никсону. Форд понял, что Америка нуждалась в том, чтобы начался процесс лечения ран, нанесенных Уотергейтом, и что он был единственным человеком, который был в состоянии сделать это возможным. Через месяц после того, как он стал президентом, Форд амнистировал Никсона, зная, что это может стоить ему самому президентского поста. В 1976 г. он проиграл Джимми Картеру² незначительным числом голосов.

Точно так же, как президентство моего отца представляло собой призыв к действию, служение интересам общества стало пониматься по-новому в наше время после 11 сентября. Душераздирающие события того дня принесли неисчислимы страдания семьям, общинам и всему нашему народу. Но в эти ужасные моменты рядовые мужчины и женщины уступали места в очереди на спасение, чтобы могли спастись другие, проявляя истинное мужество и вдохновляя новое поколение. Исключительная храбрость, проявленная нашими государственными служащими – пожарниками, полицейскими, медицинскими работниками, избранными должностными лицами, спасла тысячи жизней. Мы были вновь восхищены мужчинами и женщинами наших вооруженных сил, для которых мужество стало их карьерой. Гражданские лица, продемонстрировавшие исключительное мужество в Пентагоне, во Всемирном торговом центре и на борту самолетов, показали, что способность проявлять мужество, служить обществу заключена во всех нас.

¹ Форд, Джеральд Рудольф-младший (р. 1913), 38-й президент США (1974–1977).

² Картер, Джеймс (Джимми) Эрл (р. 1924), 39-й президент США (1977–1981).

Каждый из нас должен проявить тот дар, на который мы способны. Как сказал в одной из своих последних проповедей Мартин Лютер Кинг¹, произнесенных им незадолго до смерти, «для того, чтобы служить людям, вам не нужно обладать ученой степенью. Для того, чтобы служить людям, вам не нужно уметь грамотно говорить. Вам не нужно знать о Платоне и Аристотеле, чтобы служить людям. Вам не нужно знать эйнштейновскую теорию относительности, чтобы служить людям. Вам лишь нужно иметь сердце, преисполненное добродетелью. Душу, движимую любовью. И вы можете быть служителем на благо людей».

КЭРОЛАЙН КЕННЕДИ

2003

¹ Кинг, Мартин Лютер-младший (1929–1968), баптистский священник, один из наиболее известных лидеров борьбы за гражданские права чернокожих граждан Америки.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мужество – это то качество человека, которое особенно ценил президент Кеннеди. Он выделял тех людей, которые так или иначе демонстрировали, будь то на поле боя или на бейсбольном поле, произнося речь или борясь за достойное дело, что они не отступят, что на них можно рассчитывать.

Вот почему эта книга так отличала его личность, его убеждения. Она рассказывает о тех людях, которые, рискуя собой, своим будущим, даже благополучием своих детей, твердо отстаивали свои принципы. Он моделировал свою жизнь согласно этим идеалам. И это со временем придавало вдохновение другим.

Как когда-то говорил Эндрю Джексон, «один мужественный человек составляет большинство». Именно такое влияние президент Кеннеди оказывал на других.

Президенту Кеннеди исполнилось бы сорок семь лет в мае 1964 г. По меньшей мере половина тех дней, которые он прожил на этой земле, были днями жестокой физической боли. Он болел скарлатиной в раннем детстве и страдал от сильных болей в позвоночнике в более зрелом возрасте. В промежутке между этими отрезками жизни он переболел практически всеми возможными болезнями. Мы росли вместе и обычно шутили, говоря о том огромном риске, который грозил комару, решившему укусить Джека Кеннеди: вкусив капельку его крови, комар неизбежно должен был погибнуть. На протяжении продолжительного времени после войны он лечился

в Военно-морском госпитале Челси, перенес серьезную и болезненную операцию на позвоночнике в 1954 г., вел предвыборную кампанию 1958 г. не расставаясь с костылями. В 1951 г. во время предпринятого нами кругосветного путешествия он заболел. Мы полетели в военный госпиталь на Окинаве – у него поднялась температура до 106 градусов по Фаренгейту¹. Врачи не надеялись, что он выживет.

Но на протяжении всего этого времени я никогда не слышал от него жалобы. Я никогда не слышал, чтобы он произнес нечто, свидетельствующее о том, что, по его мнению, Господь несправедлив к нему. Те, кто его хорошо знал, могли догадаться о его страданиях лишь по некоторой бледности, разливавшейся по лицу, по более глубоким морщинам вокруг глаз, по несколько более резким словам, вырывающимся из его уст. Те же, кто не знал его хорошо, ни о чем не догадывались.

Он не жаловался на возникающие у него проблемы, так чего же я буду жаловаться на свои – к такому решению неизменно приходили люди.

Когда он боролся с болезнью, когда он сражался на войне, когда он баллотировался в Сенат, когда он противостоял могущественным интересам в Массачусетсе в борьбе за строительство канала от р. Св. Лаврентия к морю, когда отстаивал Закон о трудовой реформе в 1959 г., когда он включился в предвыборную борьбу в ходе праймериз в Западной Вирджинии в 1960 г., когда он дебатировал без предварительной подготовки с Линдоном Джонсоном в ходе съезда Демократической партии в Лос-Анджелесе, когда он полностью взял на себя вину за фиаско в Заливе Свиней, когда он боролся с производящими сталь компаниями, когда он выступил в 1961 г. и затем вновь в 1962 г. в Берлине за свободу этого города, когда он настоял на

¹ 41,1° по Цельсию.

выводе советских ракет с Кубы, когда он добивался равных прав для всех граждан нашей страны и совершал сотни других поступков, больших и малых, он всегда думал о том, чем хорошим это обернется для людей.

Он демонстрировал убежденность, мужество, желание помочь тем, кто нуждался в помощи, и искреннюю любовь к своей стране.

Благодаря его усилиям умственно отсталые и психически больные получают больший шанс на выживание, молодые – более широкие возможности получить образование и жить достойно, обретя самоуважение, больные – большее внимание к себе, весь мир – жить в мире.

Президенту Кеннеди было отпущено всего тысяча дней в Белом доме вместо трех тысяч дней, и тем не менее ему удалось совершить так много! И так много осталось того, что следует сделать!

Эта книга рассказывает о жизни тех людей, которые в свое время понимали, что необходимо делать, – и делали это. Президент Кеннеди любил цитировать Данте: «Самые горячие места в аду зарезервированы для тех, кто во времена серьезных нравственных кризисов сохраняет нейтралитет».

Если в жизни тех людей, которых описал в этой книге Джон Кеннеди, заключается урок, если его собственная жизнь и смерть преподают урок, то он состоит в том, что в нашем мире никто не может позволить себе быть сторонним наблюдателем, критиком, стоящим в стороне от событий.

Томас Карлайл¹ писал: «Мужество, к которому мы стремимся и которое мы ценим, заключается не в том, чтобы достойно умереть, а в том, чтобы мужественно жить».

¹ Карлайл, Томас (1795–1881), английский публицист, историк, философ.

Утром того дня, когда он погиб, президент Кеннеди позвонил бывшему вице-президенту Джону Нэнсу Гарнеру¹, чтобы выразить ему свое уважение. То был 95-й день рождения Джона Гарнера. Когда господин Гарнер впервые приехал в Вашингтон, весь федеральный бюджет составлял менее 500 млн. долларов. Президент Кеннеди управлял бюджетом, составлявшим около 100 млрд. долларов.

Бабушка президента Кеннеди жила в Бостоне, когда президент Кеннеди был убит. Еще при ее жизни был убит президент Линкольн².

Мы являемся молодой страной, мы растем и расширяемся, пока не убедимся, что наша планета нас больше уже не сможет вмещать. Сегодня у нас появились проблемы, о существовании которых люди не имели представления пятьдесят и даже десять лет назад.

Для того, чтобы справиться с брошенными нам вызовами, вызовами внутривнутриполитического характера: нашими брошенными городами, нашими фермами и нами самими, чтобы добиться успеха в борьбе за свободу во всем мире, в борьбе против неграмотности, голода и болезней, понадобятся вся наша энергия и таланты. Обмен любезностями, самоуверенная бездарность сослужат нам плохую службу. Нам нужны лучшие качества многих, а не всего лишь отдельных людей. Мы должны стремиться к совершенству.

Лорд Твидсмюир³, один из любимых авторов президента, писал в автобиографии: «Государственная служба – вершина карьеры, и для молодого человека она составляет

¹ Гарнер, Джон Нэнс (1868–1967), вице-президент США в двух администрациях президента Ф.Д. Рузвельта в 1933–1941 гг.

² Президент Авраам Линкольн был убит в результате покушения в 1865 г.

³ Лорд Твидсмюир, сэр Джон Бьюкэн, 1-й барон Твидсмюир Элсфилдский (1875–1940), английский государственный и политический деятель, писатель, генерал-губернатор Канады.

наиболее достойную цель. Занятие политикой по-прежнему является наиважнейшим и наиболее почетным делом».

Во многих кругах считалось модным смотреть с презрением на политическую деятельность, на тех, кто управляет страной. По-моему, президент Кеннеди изменил ситуацию, изменилось общественное представление об управлении страной. Это безусловно верно в отношении тех, кто занят этим. Но не только. Что бы мы ни думали о политике, именно в сфере управления страной принимаются решения, влияющие не только на наши судьбы, но и на будущее наших детей, уже родившихся и еще не рожденных.

Во время прошлогоднего Кубинского ракетного кризиса мы обсуждали возможность войны, обмена ядерными ударами и говорили о том, что мы можем погибнуть, — в то время вопрос о нашей личной судьбе казался таким маловажным, чуть ли не легкомысленным. Единственное, что действительно заботило его, действительно имело значение и делало ситуацию намного более опасной, чем в любом другом случае, была перспектива гибели детей в нашей стране и во всем мире — молодых людей, которые не несли вину за конфронтацию и не имели о ней представления, но чья жизнь была бы просто перечеркнута, как и жизнь всех людей. У них не было бы никакого шанса принять решение, отдать свой голос на выборах, претендовать на занятие какого-либо поста, возглавить революцию, определить свое собственное будущее.

Мы, наше поколение, такую возможность имели. И великая трагедия заключалась в том, что в случае нашей ошибки она отразилась бы не только на нас, нашем будущем, нашем доме, нашей стране, но и на жизни, будущем, домах и странах тех, кому никогда не предоставлялась возможность сыграть свою роль, сказать «да» или «нет», почувствовать себя самими собой.

Бонар-Лоу¹ говорил: «Не существует такой вещи, как неизбежная война. Если она разразится, она будет результатом поражения человеческого разума».

Это правда. Человеческий разум необходим не только нам, но и всем. Я могу добавить: если бы американский президент да и премьер Хрущев не продемонстрировали разум, то мир, в котором мы живем, был бы уничтожен.

Но будут еще новые Кубы. Будут еще новые кризисы. Перед нами стоят проблемы голодающих, забытых, бедных и погранных. Они должны получить помощь. И точно таким же образом, как были найдены решения в октябре 1962 г., должны быть найдены ответы на эти совершенно иные, все еще стоящие перед нами проблемы. Так что этот разум все еще нужен.

Джон Квинси Адамс, Дэниел Уэбстер, Сэм Хьюстон, Томас Харт Бентон, Эдмунд Г. Росс, Люшиус Квинтус Цинциннатус Ламар, Джордж Норрис и Роберт Тафт оставили нам наследие. Они появились на свет, они оставили свой след, и наша страна изменилась, потому что жили эти люди. И в той же мере, насколько высоко ценилось, возвращалось и поощрялось то, что было сделано ими и оставлено нам в наследство, наша страна и мы все будем вознаграждены.

То же самое относится и к Джону Ф. Кеннеди. Подобно жизни названных выше личностей, его жизнь имела смысл, многое значила для нашей страны, пока он был жив. Более важно, однако, то, что нам делать с тем, что было нам оставлено, с тем, что уже было начато. Он был убежден, подобно Платону, что гражданство в условиях демократии предполагает участие в управлении страной и что, как писал Фрэнсис Бэкон², «лишь Господу Богу

¹ Бонар-Лоу, Эндрю (1858–1923), английский политический деятель, премьер-министр Великобритании (1922–1923).

² Бэкон, Фрэнсис (1561–1626), английский философ, с 1617 г. — лорд-канцлер Великобритании.

и ангелам можно оставаться зрителями». Он был убежден: демократия предусматривает, что народ, живущий в ее условиях, должен и может решать свои проблемы, что он должен проявлять терпение, сдержанность, сочувствие, а также мудрость, силу и мужество в борьбе за решения, которые весьма редко легко достигаются.

Он был убежден, что нам предстоит успех, поскольку мужество тех, кто предшествовал нам на этой земле, присутствует в нынешнем поколении американцев.

«Сегодня мы не смеем забывать, что мы – наследники той первой революции. Пусть с этого места в это мгновение и до друга, и до врага долетит весть о том, что факел был передан новому поколению американцев, рожденных в этом столетии, закаленных войной, дисциплинированных трудным и горьким миром, гордящихся своим древним наследием и не желающих видеть или допускать, чтобы шаг за шагом уничтожались права человека, которым всегда был предан наш народ и которым мы ныне преданы у себя в отечестве и во всем мире».

Эта книга – не рассказы о прошлом, а книга надежды и уверенности в будущем. Все, что произойдет с нашей страной, с миром, зависит от того, как мы распорядимся тем, что другие оставили нам в наследство.

РОБЕРТ Ф. КЕННЕДИ

18 декабря 1963 г.

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

С тех пор, как я прочитал – задолго до того, как стал сенатором, – воспоминания Джона Квинси Адамса и о его борьбе с Партией федералистов, я стал интересоваться проблемами политического мужества, проявленного вопреки давлению со стороны избирателей, и тем, какое влияние оказывала на эти проблемы жизненная позиция государственных деятелей прошлого. Длительный период пребывания на больничной койке и выздоровления после операции на позвоночнике в октябре 1954 г. предоставил мне первую возможность ознакомиться с литературой и провести исследования, необходимые для осуществления моего замысла.

Я не профессиональный историк, и, хотя ответственность за все искажения фактов и неверные оценки полностью лежит на мне, я выражаю искреннюю благодарность всем, кто помогал мне в подготовке этого труда.

Я воздаю особую благодарность выдающемуся американскому институту – Библиотеке Конгресса. На протяжении многих месяцев моего отсутствия в Вашингтоне Отделы законодательных справок и обслуживания читателей с изумительной быстротой и необычайной предупредительностью выполняли все мои просьбы о книгах. Милтон Каплан и Вирджиния Дейкер из Отдела печатных оттисков и фотографий оказывали исключительно важную помощь, предлагая возможные иллюстрации. Доктор Джордж Гэллоуэй и особенно доктор Уильям Р. Тэнсилл, сотрудники аппарата Библиотеки, так же как и Артур Крок из «Нью-Йорк таймс» и профессор Джеймс Макгрегор Бернс из

Уильямс-колледжа, оказали неоценимую помощь в выборе исторических примеров для включения в книгу.

Профессор Джон Байстром из Университета Миннесоты, бывший генеральный прокурор Небраски С.А. Соренсен и почтенный Хьюго Серб, клерк законодательного собрания штата Небраска, оказали помощь в ознакомлении с доселе не опубликованной корреспонденцией Джорджа Норриса и соответствующими документами законодательного собрания штата Небраска.

Профессор Жюль Дэвидс из Джорджтаунского университета помог материалами в подготовке нескольких глав, как и мой талантливый друг Джеймс М. Лэндис, получающий удовольствие от внесения юридической точности в тайны истории.

Главы, начиная со второй по десятую, были существенно улучшены по критическим замечаниям профессоров Артура Н. Холкомба и Артура М. Шлезинджера-мл. (оба из Гарвардского университета) и профессора Уолтера Джонсона из Чикагского университета. Редакционные замечания, тесное сотрудничество и изначальное одобрение, полученное мной от Эвана Томаса из издательского дома «Харпер энд бразерс», сделали возможным выход книги.

Я благодарю Глорию Лифтман и Джейн Донован за выходящие за рамки их обязанностей усилия в неоднократном перепечатывании этой рукописи.

Наивысшая благодарность моему помощнику – исследователю Теодору С. Соренсену за бесценную помощь в подборе и подготовке материала, легшего в основу книги.

Эта книга была бы невозможна без воодушевления, помощи и критики, высказываемой с самого начала моей женой Жаклин, чью поддержку на протяжении всех дней моего излечения я никогда не смогу оценить в полной мере.

Джон Ф. Кеннеди

1955 г.

«Он хорошо знает, какие ловушки расставлены на его пути из-за личной вражды к нему... и, возможно, из-за существующих в народе заблуждений. Но он подверг опасности свою спокойную жизнь, свою безопасность, свои интересы, свою власть, даже свою... популярность... На него клеветают и его оскорбляют за приписываемые ему побуждения. Он будет помнить, что злословие является неизбежным спутником любой истинной славы; он будет помнить... что клевета и оскорбления являются обязательной частью триумфа... Он может прожить долго, он может многое сделать. Но он достиг вершины. Ему никогда не удастся превзойти того, что он делает сегодня.»

Эдмунд Бёрк, панегирик в честь Чарлза Джеймса Фокса в признание его борьбы против тирании Ост-Индской компании¹.

Палата общин, 1 декабря 1783 г.

¹ Бёрк, Эдмунд (1729–1797), английский политический деятель и публицист, видный член партии вигов. Фокс, Чарлз Джеймс (1749–1806), английский политический деятель, лидер радикального крыла партии вигов, поддерживал американскую Войну за независимость 1775–1783 гг.

I

Мужество и политика

Эта книга посвящена самому восхитительному из человеческих достоинств – мужеству. «Сохранять достоинство вопреки давлению» – так определил его Эрнест Хемингуэй¹. Это рассказ о давлении, испытанном восемью сенаторами Соединенных Штатов, и о достоинстве, с которым они противостояли ему, рискуя своими карьерами, в условиях непопулярности избранного ими курса, дискредитации их личности и иногда, к сожалению лишь иногда, добиваясь оправдания своей репутации и своих принципов.

Страна, забывшая достоинства мужества, которое было привнесено в прошлом в общественную жизнь, вряд ли может сегодня требовать это качество от ее избранных лидеров или вознаграждать их за это, – а мы действительно их забыли. Мы можем помнить, как Джон Квинси Адамс стал президентом в результате политических комбинаций Генри Клея², но мы забыли, как он, будучи молодым человеком, пожертвовал сенатской карьерой, чтобы защитить свою страну. Мы можем помнить Дэниела Уэбстера

¹ Хемингуэй, Эрнест (1899–1961), американский писатель.

² Клей, Генри (1777–1852), американский государственный и политический деятель, сенатор, государственный секретарь (1825–1829), кандидат в президенты США (1824, 1832).

за его раболепство перед Национальным банком на протяжении значительной части его личной карьеры, но мы забыли принесенную им жертву во имя национального блага на закате его карьеры. Мы не помним – и, возможно, нас это не волнует.

«Народу наплевать на то, что говорит обычный сенатор или конгрессмен, – так совсем недавно заявил миллионам своих читателей один из синдицированных газетных обозревателей. – Причиной этого безразличия является то, что услышанное вами в Конгрессе на 99% является вздором, невежеством и демагогией и недостойно доверия...».

Несколько ранее член кабинета министров записал в своем дневнике:

«Хотя я не очень готов верить в полную порочность Сената, я в очень малой степени полагаюсь на честность и правдивость значительной части сенаторов. Большинство из них представляют собой мелкую сошку, слабоумных и абсолютно не годящихся на роль сенаторов. Некоторые из них являются... вульгарными демагогами... некоторые – состоятельными людьми, купившими свои посты... [некоторые] обладают узким интеллектом, ограниченным пониманием и низменными предубеждениями...».

А еще раньше член Сената сказал своим коллегам, что «вера народа нас покидает, потому что мы неоправданно опаздываем».

Сенату известно, как много американцев разделяют сегодня эти чувства. Нам говорят, что сенаторы должны быть политиками, а политиков должно заботить лишь получение голосов, обеспечивающих победу на выборах, а вовсе не мастерство управления государственными делами или мужество. Матери могут по-прежнему желать, чтобы их любимые сыновья выросли и стали президента-

ми, но согласно известному опросу общественного мнения, проведенному Гэллапом несколько лет назад, они не хотят, чтобы их сыновья становились политиками на своем пути к президентскому посту.

Означает ли сегодняшняя волна критики и проявления неуважения, что качественный уровень Сената упал? Конечно, нет. Дело в том, что из трех выше процитированных заявлений одно было сделано в XX веке, второе – в XIX, а третье – в XVIII (когда недавно созванная первая сессия Сената дебатировала вопрос о том, где быть зданию Капитолия).

Означает ли это, что Сенат не может более похвастать мужественными людьми?

Спустя почти полвека внимательных наблюдений Уолтер Липпман¹ изложил в своей недавно изданной книге весьма жесткое суждение как о политиках, так и об электорате:

«С учетом исключений, настолько редких, что их можно рассматривать как чудеса и причуды природы, достигшие успеха демократические политики являются уязвимыми и запуганными людьми. Они преуспевают в своей карьере, лишь уговаривая, умиrotворяя, подкупая, совращая, обманывая или любым иным способом манипулируя той частью своих избирателей, которая выступает с различными требованиями и угрозами. Решающим соображением является не высокое достоинство предложения, а его популярность – не то, что оно обеспечит хорошие результаты и докажет свою обоснованность, а то, насколько незамедлительно оно получит одобрение у наиболее громогласной части избирателей».

¹ Липпман, Уолтер (1889–1974), американский журналист и публицист.

Я не склонен считать – после почти десяти лет жизни и работы в среде «успешных демократических политиков», – что все они «уязвимые и запуганные люди». Я уверен, что сложность государственной деятельности и конкуренция за общественное внимание затенили бесчисленное множество актов политического мужества – крупных и мелких, – совершаемых чуть ли не ежедневно в зале Сената. Я уверен, что состояние упадка – если оно вообще существует – характерно для Сената в меньшей степени, чем для общественной оценки искусства политической деятельности, ее природы и необходимости компромисса и баланса, да и самой природы Сената как законодательного органа. И наконец, я уверен, что мы подвергали критике тех, кто следовал за толпой, и одновременно тех, кто игнорировал ее, потому что не до конца понимали ответственность сенатора перед своими избирателями и не осознавали трудностей, стоящих перед политиком, сознательно стремящимся, говоря словами Уэбстера, «в одиночку столкнуть свой челн с берега» во враждебное и бушующее море. Возможно, если бы американский народ отдавал себе более полный отчет в огромном давлении, препятствующем проявлениям политического мужества, которое вынуждает сенатора предавать или подавлять свою совесть, тогда бы народ, возможно, был настроен менее критично в отношении тех, кто избирает более легкий путь, и более высоко оценивал тех, кто еще в состоянии продолжать идти по пути мужества.

Первой достойной упоминания разновидностью давления является форма давления, редко признаваемая широкой публикой. Американцы хотят, чтобы их любили, и сенаторы не составляют исключения. Они являются по природе своей – и по необходимости – общественными животными. Нам доставляют удовлетворение товарищеское отношение и одобрение наших друзей и коллег. Мы предпочитаем похвалу оскорблениям, популярность – презре-

нию. Отдавая себе отчет в том, что путь сознательного бунтаря зачастую должен быть пройден в одиночку, мы стремимся быть в хороших отношениях с нашими коллегами-законодателями, нашими партнерами по клубу, придерживаться клубных правил и образцов поведения, не избирать особый и независимый курс, который собьет с толку или вызовет раздражение других членов Сената. Более того, мы понимаем, что наше влияние в клубе и степень, в которой мы сможем осуществить наши цели и цели наших избирателей, зависят в определенной мере от уважения, испытываемого к нам другими сенаторами. «Для того, чтобы сохранить хорошие отношения, – сказали мне, когда я стал членом Сената, – надо быть в хороших отношениях».

Сохранение хороших отношений означает нечто большее, чем наличие просто приятельских отношений, – оно включает умение добиться компромисса, понимание пределов возможного. Мы не должны спешить с обвинениями в адрес любого компромисса как безнравственности, поскольку к политической и законодательной деятельности не применимы жесткие принципы или недостижимые идеалы. Политика, как некогда тонко подметил Джон Морли¹, – это «сфера деятельности, где сражение не является наилучшим способом действия и где выбор всегда лежит меж двумя ошибками». Законодательная деятельность при демократическом образе жизни и согласно федеральной системе правления требует компромисса между желаниями каждой личности и группы и теми, кто их окружает. Генри Клей, большой знаток в этой области, говорил, что компромисс служит тем самым цементом, который скрепляет весь Союз:

¹ Морли, Джон (1838–1923), английский политический и государственный деятель, журналист, издатель, член Палаты общин, член нескольких кабинетов министров Великобритании.

«Вся законодательная деятельность... основывается на принципе взаимных уступок... Пусть тот, кто возвышает себя над человечеством, над его слабостями, его недостатками, его потребностями, его необходимостями, скажет, если захочет: “Я никогда не пойду на компромисс”, но пусть никто из тех, кто не возвышается над слабостями нашей общей природы, не пренебрегает компромиссом».

Именно компромисс является тем средством, который препятствует любой группе реформаторов – будь то сторонники свободного производства и продажи алкогольной продукции или сторонники сухого закона, интернационалисты или изоляционисты, сторонники или противники вивисекции – обрушиться на группу, находящуюся на противоположном полюсе политического спектра. Фанатики и экстремисты и даже те, кто добросовестно верит в жесткие и точно сформулированные принципы, всегда остаются разочарованными тем, что их правительству не удалось быстро реализовать эти принципы и осудить принципы их противников. Но на законодателях лежит некоторая ответственность за примирение этих противостоящих сторон в своем штате и в партии и за их представительство в более сложном столкновении интересов на национальном уровне, и только ему известно, что существует очень мало (если они вообще существуют) вопросов, где вся истина, вся правда и все ангелы находятся на одной стороне.

Некоторые из моих коллег, которых сегодня критикуют за отсутствие четко выраженных принципов или презрительно считают «политиканами», склонными к компромиссам, попросту занимаются тонким искусством примирения, балансирования и интерпретирования интересов сил и фракций общественного мнения, искусством, жизненно необходимым для сохранения единства нашей страны и предоставления нашему правительству возможности

действовать. Их совесть может время от времени подсказывать им необходимость занять более твердую, принципиальную позицию, но их разум может подсказать, что хороший или плохой законопроект лучше, чем никакой, и что лишь в результате взаимных уступок, содержащихся в компромиссе, законопроект получит одобрение Сената, Палаты представителей, президента и страны.

Но остается вопрос: как и с кем мы будем достигать компромисс? Очевидно, что не составляет труда воспользоваться никому ненужными уступками вовсе не потому, что они являются средством разрешения конфликта законным путем, а потому, что они позволяют «сохранить хорошие отношения».

В высказанном мне предупреждении о необходимости «сохранять хорошие отношения» содержались и другие скрытые обещания – обещания вознаграждений, которые последуют за выполнением мною обязательств следовать линии партийного руководства, которое я помог выбрать. Всем нам в Конгрессе дали ясно понять важность партийного единства (какие только грехи ни совершались во имя этого!) и того печального результата для шансов нашей партии на следующих выборах, которые могут быть вызваны любым проявлением бунтарства. Более того, в наше время в сфере государственной службы земные блага покровительства, доступные законодателю, – для распределения между активными участниками избирательной кампании, движимыми чем-то более весомым, чем простые убеждения, – относительно невелики; и тот, кто внесет разлад в партийные ряды, может внезапно обнаружить, что он этими благами не обладает. Даже успех законопроекта, в котором он заинтересован, зависит в какой-то степени от того, насколько поддержка, оказанная им программе его партии, обеспечила ему помощь со стороны лидеров его партии. И наконец, сенатор, придерживающийся независимой линии, подсказанной его совестью, скорее все-

го обнаружит, что он заслужил презрение не только своих коллег в Сенате и своих соратников по партии, но и недовольство особенно важных для него жертвователей в его предвыборный фонд.

Именно мысли о предстоящей предвыборной кампании, желание быть избранным на новый срок оказывают давление *второй* разновидности на сознание сенатора. Не следует автоматически соглашаться с тем, что в основе этого желания лежит сугубо эгоистическая мотивация, хотя вполне естественно, что человек, избравший политику своей профессией, должен стремиться к продолжению своей карьеры, поскольку сенаторы, которые терпят поражение в тщетной попытке защитить один-единственный принцип, окажутся не в состоянии в будущем бороться за этот или любой другой принцип.

К тому же поражение представляет собой не только неудачу для самого сенатора – он обязан учитывать и воздействие этого поражения на поддерживаемую им партию, на друзей и сторонников, которые «выложились» в его интересах или инвестировали свои сбережения в его карьеру, и даже на его жену и детей, чье счастье и благополучие, зачастую зависящие, по крайней мере частично, от его успеха на занимаемом им посту, могут означать для него больше, чем что-либо другое.

Где же еще (в нетоталитарной стране), кроме как в политической профессии, можно ожидать от личности полной готовности к жертве – включая собственную карьеру – во имя блага своей страны? В частной жизни, так же как и в производственной деятельности, от личности ожидают, что она будет преследовать свой собственный цивилизованный интерес – в пределах законности – с целью достижения полного успеха. Но в общественной жизни мы ожидаем, что отдельные личности будут жертвовать своими частными интересами во имя прогресса общенационального блага.

Ни в одной другой сфере деятельности, кроме как в политике, нельзя ожидать, что человек пожертвует своей честью, престижем и избранной карьерой во имя одной-единственной цели. Адвокаты, бизнесмены, учителя, исследователи, доктора – перед всеми ними возникают вопросы, затрагивающие их честь. Но лишь немногие (если вообще кто-нибудь из них) сталкиваются с такой ситуацией на глазах у всех в такой степени, как люди, занимающие государственные посты. Лишь немногие сталкиваются с внушающей ужас окончательностью решения, которое предстоит сделать сенатору в ходе важного голосования. Ему, возможно, требуется больше времени для принятия решения: видимо, он считает, что обе стороны заслуживают внимания и что небольшая поправка может устранить все препятствия, но, когда объявляется голосование, он не может спрятаться, не может уклониться, не может медлить и чувствует, что его избиратели, подобно Ворону из поэмы По¹, уселись на его сенатском рабочем столе, каркая «больше никогда», пока он подает свой голос, от которого зависит его политическое будущее.

Очень немногие сенаторы «удаляются в Покателло»² по своей воле. Вирус потомакской лихорадки, свирепствующей повсюду в Вашингтоне, не размножается в более заразной форме, чем та, которая существует в атмосфере Сената. Перспектива вынужденной отставки из «самого

¹ По, Эдгар Аллан (1809–1849), американский писатель и критик. В 1845 г. издал сборник «Ворон и другие стихотворения».

² Вашингтонское политическое понятие, символизирующее полный и окончательный уход в отставку и возвращение к спокойной частной жизни в американской глубинке. Авторство его приписывается сенатору Ричарду Нойбергеру (1912–1960). Действительно существующий городок Покателло (штат Айдахо) с населением около 70 тыс. человек (вместе с пригородом Чубук) представляет в наши дни пример небольшого, но вполне самостоятельного населенного пункта городского типа, обладающего всеми необходимыми для жизни элементами микроструктуры.

эсклюзивного клуба мира», возможность потери интересной работы, захватывающие атрибуты и впечатляющие привилегии поста члена Конгресса могут вызвать бессоницу даже у самого мужественного политика. Таким образом, некоторые сенаторы, возможно даже не осознавая это, избирают более легкий, менее мучительный курс гармонизировать или рационализировать то, что кажется на первый взгляд конфликтом между собственной совестью – или результатом собственных размышлений – и мнением большинства его избирателей. Такие сенаторы вовсе не являются трусами – они просто развили в себе привычку искреннего принятия того решения, которое неизбежно соответствует общераспространенному мнению.

Есть и другие сенаторы, которые не развили в себе такой привычки – они ни приспособлялись, ни умирляли свою совесть: они считают искренне и без какого-либо цинизма, что им следует забыть о совести, если они намерены добиться результата. Профессия политика, и они согласятся здесь с политическим публицистом Фрэнком Кентом, не является аморальной – она просто неморальна:

«Возможно, наиболее важным самим по себе достижением для политически амбициозных людей является утонченное искусство – казаться говорящим что-то, не говоря ничего... Важно быть не на стороне справедливого решения конкретного вопроса, а на стороне его популярного решения... независимо от ваших собственных убеждений или фактов. Этот бизнес по привлечению голосов носит очень жесткий практический характер, и вход в него соображениям морали, правоты или неправоты запрещен».

И Кент цитирует совет, якобы высказанный аризонским сенатором Эшерстом его коллеге Марку Смуту в ходе избирательной кампании 1920 г.:

«Марк, Вашей основной проблемой является то, что Вы отказываетесь быть демагогом. Вы не пожертвуете своими принципами, чтобы быть избранным. *Вам следует усвоить, что возникают ситуации, когда человек, занятый государственной деятельностью, иногда вынужден подняться над своими принципами.*»

Не все сенаторы согласятся с этим, но лишь немногие смогут отрицать, что желание быть переизбранным оказывается сильным тормозом для проявления независимого мужества.

Третьей и наиболее значительной разновидностью давления, которая препятствует проявлению политического мужества честным сенатором или конгрессменом – а практически все проблемы, описываемые в этой главе относятся в одинаковой степени к членам обеих палат Конгресса, – является давление избирателей, групп интересов, организованных авторов писем, экономических блоков и даже рядового избирателя. Совладать с этим давлением, сопротивляться или даже поддаться ему – исключительно трудная задача. Всем нам иногда присуще стремление последовать примеру калифорнийского конгрессмена Стивена Мак-Гроарти, который писал в 1934 г. одному из своих избирателей:

«Один из бесчисленных недостатков того, что я заседаю в Конгрессе, состоит в том, что я вынужден получать от такого болвана, как Вы, нахальные письма, в которых Вы утверждаете, что я обещал покрыть горы Сьерра-Мадре лесом и что я, пробыв в Конгрессе два месяца, не сделал этого. Не соблаговолите ли Вы отправиться бегом к черту?».

К счастью или несчастью, мало кто следует этому примеру, но такое желание явно присутствует, и вызывается оно не только необоснованными письмами и невы-

полными просьбами, но и безнадежно бестолковыми требованиями и бесконечно неудовлетворенными жалобами.

К примеру, сегодня у меня в кабинете была делегация, представляющая текстильные фабрики Новой Англии, отрасли, имеющей важное значение для нашего процветания. Они хотят снижения тарифов на импортируемую шерсть, покупаемую ими в Австралии, и повышения тарифов на готовые шерстяные изделия, импортируемые из Англии, с которыми они должны конкурировать. Один из моих коллег с Юга рассказал мне, что его недавно посетила аналогичная группа с такими же просьбами, а затем стала настаивать на том, чтобы он предпринял шаги с целью (1) подавления конкуренции со стороны Японии, пользующейся преимуществом более низкой оплаты труда, и (2) воспрепятствования намерению Конгресса повысить уровень минимальной заработной платы и тем самым упразднить преимущество низкой оплаты труда, которыми они как раз и пользуются (что, естественно, вызывает недовольство у моих избирателей). Всего лишь вчера две группы вызвали меня из зала Сената: первая состояла из бизнесменов, настаивавших на прекращении деятельности местного правительства, которая представляла собой недобросовестную конкуренцию частному предпринимательству, а вторая представляла лиц, работающих на правительственном объекте, которых беспокоила перспектива сохранения их рабочих мест.

Все мы, члены Сената, сталкиваемся с бесчисленными примерами подобных конфликтующих давлений, которые лишь отражают все нестыковки, неизбежные в нашей сложной экономике. Если мы честно говорим нашим избирателям, что мы ничего не можем сделать, у них создается впечатление, что мы не проявляем к ним сочувствия или же что мы не соответствуем требованиям нашего поста. Если мы пытаемся что-то сделать и терпим неудачу, обычно сталкиваясь с противодействием со стороны других

сенаторов, представляющих иные интересы, – они говорят, что мы ничем не лучше всех других политиков. Нам остается лишь удалиться в курительную комнату и рыдать на плече симпатизирующего коллеги или же отправиться домой и отыгаться на наших женах.

Мы можем говорить себе, что эти группы давления и авторы писем представляют лишь малый процент избирателей – и это правда. Но они являются именно теми малочисленными активистами, чьи взгляды нельзя игнорировать и кто составляет большую часть наших контактов с широкой массой избирателей, чьего мнения мы не знаем, чей голос нам следует получить и, вместе с тем, кто, скорее всего, имеет ограниченное представление о том, что мы собираемся делать. (Один сенатор, с тех пор ушедший в отставку, сказал, что он всегда голосовал в интересах тех или иных особых групп, надеясь, что ко времени выборов все они, взятые вместе, составят едва ли не большинство, с благодарностью помнящее о нем, тогда как другие представители широкой общественности так никогда и не узнают – и тем более не вспомнят – о том, что он голосовал вопреки их благополучию. То, что эта, казалось бы, беспрюирышная формула не сработала в его случае, придает уверенности).

Таковы, следовательно, некоторые из разновидностей давления, с которыми сталкивается честный человек. Он не может игнорировать группы давления, своих избирателей, свою партию, дружбу своих коллег, нужды своей семьи, свою собственную профессиональную гордость, необходимость компромиссов и важность сохранения своей должности. Он должен сам решить, какой путь он выбирает, какой шаг окажется наиболее результативным или вредным с точки зрения идеалов, которым он себя посвятил. Он понимает: стоит ему начать взвешивать каждый из стоящих перед ним вопросов, имея в виду шансы на свое переизбрание, стоит ему начать отказываться от своих

принципов по тому или иному вопросу из опасения, что иной путь навредит его карьере и помешает его борьбе за принципы в будущем, как он утратит свободу совести, оправдывающей продолжение его пребывания в должности. Но решение, в какой момент и по какому вопросу ему следует рискнуть карьерой, – это трудное и ответственное решение.

Но кто-то скажет, что на самом деле проблемы здесь нет. Всегда делай то, что правильно, невзирая на то, популярно это или нет. Игнорируй все виды давления, соблазны и ложные компромиссы.

Это легкий ответ, но он легок только для тех, на ком не лежит ответственность выборной должности, поскольку затрагивается нечто большее, чем давление, политика и личные амбиции. Имеем ли мы законное право игнорировать требования наших избирателей, даже если мы можем и хотим так поступать? Мы назвали виды давления, осложняющие проявление политического мужества. Давайте обратимся сейчас к тем конституционным и более общим по смыслу обязанностям, которые ставят под вопрос правильность такого курса, – обязанностям перед нашим штатом и избирательным участком, перед нашей партией и прежде всего перед нашими избирателями.

Первейшая обязанность сенатора, и с этим согласится большинство людей, – представительство точки зрения его штата. Наша система является федеральной по определению – Союз относительно суверенных штатов с весьма различными нуждами, – и отсюда следует моя определенная Конституцией обязанность как сенатора представлять интересы моего штата. Кто же будет говорить от имени Массачусетса, если этого не будут делать его сенаторы? Права этого штата и даже его самобытность будут ущемлены. Его равное представительство в Конгрессе будет утрачено. Его надеждам, пусть даже время от времени

отражающим мнение меньшинства, будет отказано в равных возможностях быть услышанными, на что имеют право взгляды всех меньшинств.

Сенатору, кем бы он ни был, не приходится долго размышлять, чтобы понять, что его коллеги представляют свои *локальные* интересы. И если от таких интересов приходится когда-либо отказываться в пользу общенационального блага, пусть избиратели – а не сенатор – решают, когда и в какой степени так поступать. Поскольку он является их агентом в Вашингтоне, защитником их прав, которому вице-президент предоставляет слово в зале заседания Сената как «сенатору из Массачусетса» или «сенатору из Техаса».

Но сказав и признав все вышеизложенное, мы все-таки не рассказали всего. Дело в том, что в Вашингтоне мы являемся «сенаторами Соединенных Штатов» и членами Сената Соединенных Штатов, а также сенаторами от Массачусетса и Техаса. Нашу присягу на должность принимает вице-президент, а не губернатор нашего соответствующего штата, и мы приезжаем в Вашингтон, если перефразировать Эдмунда Бёрка, не как посланцы или наделенные особыми полномочиями просители от нашего штата или избирательного участка, враждебно настроенные к защитникам интересов или агентам других регионов, а как члены совещательной ассамблеи одного и того же государства, преследующего одни и те же интересы. Конечно, мы не можем игнорировать нужды нашего географического района – да мы и не могли бы этого делать с легкостью, будучи уроженцами этого региона, – но среди нас невозможно было бы найти ни одного, кто озаботился бы общенациональными интересами, если бы местные интересы полностью доминировали над каждым из нас.

Помимо обязанностей перед штатом и регионом существуют и другие обязанности – обязанности перед партией, давление которой уже описывалось выше. Если я даже

обойду вниманием эти разновидности давления, разве я не обязан поддерживать партию, которая поставила меня на мой пост? В нашей стране мы верим в принцип партийной ответственности и признаем необходимость соблюдать партийные платформы, если партийному символу отводится важная роль в глазах избирателя. Только таким образом может наша, в принципе двухпартийная, страна избежать опасности многочисленных отколовшихся групп, непорочность и непреклонность принципов которых – если мне будет дозволено предложить своеобразный политический закон Грешэма¹ – увеличивается в обратной пропорции к численности их членов.

И вместе с тем мы не можем позволить, чтобы давление партийной ответственности подавляло по каждому вопросу зов личной ответственности. Поскольку партии грозит опасность, если она в своем стремлении к единству, поддержанию дисциплины и успеху однажды решит, что для нее не приемлемы новые идеи, независимое поведение или мятежники в ее рядах. Говоря словами сенатора Альберта Бевериджа²,

«партия может жить, лишь численно прирастая, нетерпимость к идеям [означает] ее смерть...

¹ Закон Грешэма, сформулированный финансовым агентом королевы Великобритании Елизаветы I сэром Томасом Грешэмом (1519–1579), гласит: «Плохие деньги вытесняют из обращения хорошие деньги». Под «хорошими» деньгами подразумевается денежная единица, разница между меновой и товарной стоимостью которой незначительна. «Плохие» деньги – соответственно те, разница в меновой и товарной стоимости которых значительна, причем их товарная стоимость заметно уступает меновой (к примеру, если две монеты одинакового номинала изготовлены из металла разной ценности – золота и серебра, то серебряная монета вытеснит золотую из обращения).

² Беверидж, Альберт Дж. (1862–1927), американский политический деятель, юрист и историк, сенатор, один из основателей Прогрессивистской партии (1912).

Организация, численный рост которой обусловлен лишь целью получить больше голосов, партия, где сын занимает место отца, является не политической партией, а китайской тайной организацией; не граждане, объединенные мыслью и сознанием, а индейское племя, объединенное кровью и предубеждением».

Двухпартийная система сохраняется не потому, что обе партии правы, а потому, что обе отличаются гибкостью. Когда я был избран в Конгресс, Республиканская партия была достаточно многочисленна, чтобы ее членами были, к примеру, и Роберт Тафт, и Уэйн Морзе, а демократический сектор Сената, в котором я сейчас тружусь, успешно объединяет, к примеру, и Гарри Бёрда, и Уэйна Морзе¹.

Конечно, обе основные партии стремятся сегодня служить общенациональным интересам. Они поступают так, чтобы обеспечить себе наиболее широкую базу поддержки, не говоря уже о более благородных причинах. Но когда партия и должностное лицо расходятся в вопросе о том, каким образом следует служить национальным интересам, мы должны прежде всего считать себя ответственными не перед нашей партией и даже не перед нашими избирателями, а перед своей собственной совестью.

Но несколько легче отказаться от своих обязательств перед местными интересами и партийными контактами, чем столкнуться лицом к лицу с проблемой ответственности перед волей своих избирателей. Сенатор, избегающий нести эту ответственность, покажется никому не подотчетным, и таким образом исчезнут основные гарантии за-

¹ Сенаторы – республиканец Роберт Тафт и демократ Гарри Бёрд считались консерваторами, тогда как сенатор Уэйн Морзе, в разное время представлявший обе основные политические партии и даже объявлявший себя независимым, принадлежал к либеральному крылу членов Сената США.

щиты нашей демократической системы. Он более не будет представителем в истинном смысле слова, он не оправдал доверие народа, он предал веру в него, продемонстрированную теми, кто голосовал за него, чтобы он провел в жизнь их взгляды. «Позволительно ли созданию выступить против своего создателя? – задал вопрос Джон Тайлер¹ в своем первом выступлении перед Палатой представителей. – Позволительно ли слуге не подчиняться желаниям своего хозяина?»

«Как можно его считать представляющим народ, когда он говорит не их языком, а своим собственным? Он перестает быть их представителем, когда он так поступает, и представляет лишь себя».

Короче говоря, согласно этой логике мышления, если я намерен должным образом соответствовать воле моих избирателей, я обязан ставить выше всего на свете их принципы, а не свои. Это не всегда бывает легким делом, но, тем не менее, именно это является сутью демократии, верой в разум народа и в его точку зрения. Конечно, народ будет ошибаться – он получит точно такое правительство, которого заслуживает, но это гораздо лучше, чем представитель народа, самонадеянно берущий на себя право заявлять, что он знает лучше, чем они, что им нужно. И в качестве завершающего аргумента: разве он избран не для того, чтобы он голосовал так, как голосовали бы они, если бы оказались на его месте?

Трудно согласиться с таким узким взглядом на роль сенатора Соединенных Штатов – взглядом, сводящимся к тому, что народ Массачусетса направил меня в Вашингтон, чтобы я служил простым сейсмографом, регистрирующим изменения в общественном мнении. Я отвергаю такую точку зрения не потому, что у меня недостает веры

¹ Тайлер, Джон (1790–1862), 10-й президент США (1841–1845).

в «разум народа», а потому, что такая концепция демократии в действительности означает недостаток веры в народ. Те, кто отрицает долг представителя быть связанным любым желанием избирателей – независимо от того, к каким выводам подводят его личные размышления, – в действительности доверяют народному разуму. Они верят в свое собственное чувство справедливости, они верят в свою способность воздавать должное мужеству и уважать чужое суждение, верят, что в конечном счете они поступят бескорыстно в интересах нации. Это вера, на которой основывается демократия, а не просто зачастую тщетная надежда на то, что общественное мнение будет всегда и при всех обстоятельствах немедленно совпадать с общенародными интересами.

Короче говоря, избиратели выбрали нас, потому что они верили в наше суждение и в нашу способность реализовать это суждение, понимая, в чем заключаются их основные интересы как часть общенациональных интересов. Это может означать, что нам следует время от времени направлять, информировать, поправлять и иногда даже игнорировать мнение избирателей, если мы намерены полностью реализовать наши взгляды, которые обеспечили наше избрание. Но, действуя без эгоистичных мотивов и личного предубеждения, те, кто прислушивается к советам разумного сознания, не являются аристократами, демагогами, эксцентриками или черствыми политиками, нечувствительными к мнению широких масс. Они ожидают – не без волнений и трепета, – чтобы их избиратели стали конечными судьями разумности взятого ими курса; но они верят в то, что их избиратели – сегодня, завтра или даже в следующем поколении – будут по крайней мере уважать принципы, которыми была мотивирована занятая ими позиция.

Если их карьеры окажутся временно или даже навсегда погребенными под лавиной оскорбительных передовиц,

общественное мнение по конкретной проблеме. Однако в действительности я редко знаю об отношении огромного большинства избирателей или даже о том, насколько полное представление они имеют о проблемах, кажущихся такими животрепещущими в Вашингтоне.

* * *

В наши дни проблема политического мужества представляется более важной, чем когда-либо раньше, так как наша повседневная жизнь становится настолько насыщенной огромной мощью массовых коммуникаций, что любой непопулярный или неортодоксальный курс вызывает бурю протестов – таких, подобных которым не мог даже предвидеть Джон Квинси Адамс, подвергшийся нападкам в 1807 году. Наша политическая жизнь становится настолько дорогостоящей, настолько автоматизированной, настолько доминируемой профессиональными политиками и политическими технологами, что идеалист, мечтающий о независимой государственной деятельности, оказывается разбуженным самым грубым образом настоятельными требованиями выборов и достижения результатов. И наша общественная жизнь все в большей степени становится настолько сконцентрированной на этой кажущейся бесконечной войне, которую мы наименовали странным эпитетом «холодная», что склонны поощрять жесткое идеологическое единство и ортодоксальный образ мысли.

Таким образом, в будущем лишь очень мужественные люди будут в состоянии принимать тяжелые и непопулярные решения, необходимые для нашего выживания в борьбе с могущественными врагами – врагами, возглавляемыми лидерами, которым не приходится долго раздумывать о популярности избранного ими курса, которым нет особой нужды проявлять уважение к общественному мнению, каковым они сами манипулируют, и которые, не опасаясь

реакции избирателей, могут вынудить граждан пожертвовать сегодняшней радостью бытия ради будущей славы. И лишь самые мужественные смогут сохранить живым дух индивидуализма и несогласия, породивший нашу страну, вскормивший ее в детском возрасте и прошедший ее через самые суровые испытания к достижению зрелости.

Конечно, было бы много легче, если бы мы все могли оперировать традиционными политическими понятиями: либерализм и консерватизм, республиканцы и демократы, Север и Юг, управляющие и рабочие, бизнес и потребление или же в других столь же узких рамках. Было бы более удобным продолжать двигаться вперед и голосовать взводами, объединяясь с теми из наших коллег, которые оказались аналогичным образом поработаны некоей текущей модой, преобладающей предубежденностью или движением. Но сегодня наша страна не может позволить себе роскошь таких ленивых привычек. Лишь мощь, прогресс и мирные перемены, порождаемые независимым суждением и сугубо личными идеями – даже из уст ортодоксов и эксцентриков, – позволят нам преодолеть эту чужеземную идеологию, которая опасается свободной мысли больше, чем водородной бомбы.

В будущем нам обязательно понадобятся компромиссы. Но они будут или должны быть компромиссами проблем, а не компромиссами принципов. Мы можем согласиться с компромиссами в наших политических позициях, но не в них самих. Мы можем разрешить столкновение интересов, не предавая наших идеалов. И даже необходимость в приемлемом компромиссе не устраняет нужду в таких идеалистах и реформаторах, которые развивают наши компромиссы, которые не позволяют любым политическим ситуациям превращаться в такую, что походила бы на описанную Шоу¹, а именно: «измаранную компромиссами,

¹ Шоу, Джордж Бернард (1856–1950), английский драматург.

разлагаемую оппортунизмом, покрытую плесенью оппортунизма, деформированную блатом и разлагаемую протечкой». Компромисс не должен означать трусость. На деле зачастую именно сторонники компромисса и миротворцы проходят через жесткие испытания политического мужества, сталкиваясь с экстремистскими воззрениями своих избирателей. Не кто иной, как Дэниел Уэбстер, сознательно искал компромисса в 1850 г., когда он заслужил самое суровое осуждение в анналах политической истории.

Его случай следует сегодня помнить. Так же, я полагаю, как и рассказы о других мужественных сенаторах – людях, чья неизменная верность своей стране возобладала над всеми личными и политическими соображениями, людях, продемонстрировавших истинное значение мужества и истинную веру в демократию, людях, превративших Сенат Соединенных Штатов в нечто большее, чем просто собрание роботов, покорно регистрирующих точки зрения своих избирателей, или сборище приспособленцев, овладевших искусством лишь предсказывать приливы и отливы общественных настроений и следовать за ними.

Некоторые из этих людей, рассказы о которых следуют ниже, были правы в своих убеждениях, другие – нет. Некоторые были в конечном счете реабилитированы и вернули себе популярность, многие – нет. Некоторые проявляли мужество на протяжении всей своей политической жизни; другие плыли по течению до наступления того решающего момента, когда совесть и события подтолкнули их в эпицентр разразившейся бури. Некоторые из них проявили мужество своей непреклонной преданностью абсолютным принципам, другие подверглись осуждению за то, что отстаивали компромисс.

Каковы бы ни были различия между ними, американские политики, чьи биографии изложены ниже, проявили это героическое качество – мужество. На следующих ниже страницах я попытался изложить факты их жизни: идеалы,

ради которых они жили, и принципы, во имя которых они боролись, их достоинства и их грехи, их мечты и их разочарования, заслуженную ими похвалу и вынесенную ими хулу. Все это можно изложить на печатной странице. Нам предстоит написать об этом, вам предстоит прочитать об этом. Но в жизни каждого из этих людей было нечто, чего печатной странице не под силу передать, – и вместе с тем нечто, что вошло в каждый дом и обогатило наследие каждого гражданина в любом уголке нашей земли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ И МЕСТО

Наше первое повествование начинается в 1803 г., когда Вашингтон был всего лишь захолустным сельским местечком. Легенда гласит, что приехавший туда новый французский посланник, оглядываясь вокруг себя, изрек: «О, Боже! Что я сделал, чтобы быть обреченным жить в этом городе?» В еще незавершенном здании Капитолия заседал Сенат США, уже тогда значительно отличавшийся от того первого Сената, который заседал в старом нью-йоркском Сити-холле в 1789 г. и в еще большей степени отличавшийся от того органа, который первоначально был предусмотрен авторами Конституции 1787 г.

Отцы-основатели не могли предвидеть, что служба в Сенате предоставит возможность проявления «политического мужества», которое поставит под угрозу их карьеры или положит им конец, если они будут сопротивляться воле своих избирателей. По самой сути их замысла Сенат в противоположность Палате представителей представлял собой орган, не подлежащий нажиму избирателей. Каждый штат, независимо от своего размера и численности населения, должен был располагать одинаковым числом сенаторов, как будто они были послами отдельного суверенного государства при федеральном правительстве, а не представителями голосующей массы. Сенаторы не должны были избираться каждые два года (больше того,

Александр Гамильтон¹ даже предлагал, чтобы им был предоставлен пожизненный срок), а шестилетний срок службы должен был обезопасить их от общественного мнения.

Предполагалось также, что сенаторы не должны были избираться всенародным голосованием; эта функция возлагалась на легислатуры штатов, на которые, как надеялись, можно было положиться в вопросе представительства консервативных имущественных интересов каждого штата и сопротивления «безрассудству масс». Таким образом, заявил Джон Дикинсон² Конституционному конвенту³, Сенат будет «состоять из наиболее выдающихся личностей с точки зрения их места в жизни и имущественного положения и, насколько возможно, походить на британскую Палату лордов».

Кроме того, Сенату предстояло быть в меньшей степени законодательным органом, за горячими спорами в котором по жизненно важным вопросам с огромным интересом наблюдала бы общественность, а в большей степени исполнительным советом, принимающим решение о кадровых назначениях и договорах и в целом выносящим рекомендации президенту, без каких-либо галерей для публики и даже без ведения журнала регистрации собственных заседаний. Местные предубеждения, говорил Гамильтон, должны быть забыты в зале заседаний Сената, в противном

¹ Гамильтон, Александр (1755–1804), американский государственный и политический деятель, министр финансов в администрации первого президента США Джорджа Вашингтона.

² Дикинсон, Джон (1732–1802), американский политический деятель, публицист, депутат Континентального конгресса, губернатор Пенсильвании.

³ Конституционный конвент – собрание представителей штатов, созданное в мае 1787 г. с целью выработки Конституции США. Завершил свою работу в сентябре 1787 г. подписанием текста основного закона страны и передачей его на ратификацию штатов. Конституция США была ратифицирована 2 июля 1788 г.

случае он превратится в простое повторение Континентального конгресса¹, где «основной проблемой было “как такое решение отразится на моих избирателях... и на моем переизбрании”».

Первые двадцать два сенатора Соединенных Штатов, собравшиеся в Нью-Йорке в 1789 г., вначале, казалось, отвечали чаяниям авторов Конституции, особенно с точки зрения их сходства с Палатой лордов. Изысканное и пышное собрание выдающихся и опытных государственных деятелей – Сенат – было в целом по сравнению с Палатой представителей гораздо более помпезным и официальным, его помещения – намного более оригинальными по архитектуре, а его члены – намного более озабоченными элегантностью своей одежды и социальным статусом. Встречаясь за закрытыми дверями, без образования постоянных комитетов, Сенат консультировался лично с президентом Вашингтоном и действовал практически как составная часть администрации.

Но, как нередко случалось со всеми законодательными органами, политика вошла в жизнь Сената Соединенных Штатов. Когда Федералистская партия раскололась по вопросам внешней политики и Томас Джефферсон подал в отставку с поста члена кабинета министров², с тем чтобы создать организацию своих сторонников, Сенат стал форумом критики исполнительной власти, и роль исполнительного совета перешла к кабинету, на членов которого

¹ Континентальный конгресс, собрание представителей 13 колоний, провозгласивших независимость от Великобритании и создание США (1774). В 1775–1781 гг. считался 2-м Континентальным конгрессом, оставаясь все это время однопалатным органом управления в стране, сочетавшим функции исполнительного и законодательного органа вплоть до марта 1789 г., то есть практически до вступления Дж. Вашингтона на пост президента США.

² Т. Джефферсон занимал пост государственного секретаря США в первой (с февраля 1790 г.) и второй (до конца 1793 г.) администрациях Дж. Вашингтона.

мог полагаться президент и который разделял его взгляды и нес перед ним ответственность. Сенат и Белый дом к тому времени уже были разделены другими прецедентами. В 1789 г. в соответствии с «традицией Сената США»¹ была отвергнута кандидатура Бенджамена Фишберна на пост служащего порта Саванны по причине того, что он был неприемлем для сенаторов из Джорджии. Вскоре специальный комитет приступил к первому сенатскому расследованию политики и практической деятельности администрации. И в тот же год невозможность исполнения Сенатом роли исполнительного совета стала очевидной, когда в Сенате началось обсуждение Договора с северо-западными индейцами в присутствии Вашингтона и его военного министра. Сенатор Маклей и другие, опасаясь (как он выразился в своем дневнике), что «президент вознамерился притеснять Сенат», предложил передать вопрос на рассмотрение специально созданного комитета. Маклей зафиксировал, что президент

«вскочил в страшном раздражении... [и покинул помещение] с недовольным выражением лица. Если бы речь шла о ком-либо другом, а не о человеке, которого я хочу считать самой важной личностью в мире, я бы сказал – с угрюмым достоинством».

Со временем Сенат приобрел больше качеств законодательного органа. В 1794 г. были разрешены галереи для публики во время проведения обычных законодательных сессий; в 1801 г. корреспондентам газет разрешили присутствовать на сессиях, а к 1803 г. Сенат обсуждал вопрос о том, кому будет разрешено выступать в зале Сената.

¹ Право не утверждать кандидатуру должностного лица, назначенного президентом США, если против этой кандидатуры возражают сенаторы штата, уроженцем или жителем которого является утверждаемое лицо.

Конгрессмены, послы, главы министерств и губернаторы не вызывали вопросов, а как насчет «дам»? Сенатор Райт настаивал, что «их присутствие придаст приятную и необходимую живость дебатам, делая более изысканными аргументы, выдвигаемые оратором и смягчая манеры их поведения». Но Джон Квинси Адамс (о его пуританской непредвзятости в такого рода ситуациях речь пойдет ниже) ответил, что дамы «вносили шум и смтение в работу Сената, а дебаты затягивались, чтобы привлечь их внимание». (Предложение, касающееся допуска «дам», было отвергнуто шестнадцатью голосами против двенадцати, хотя эта политика недопущения будет позднее аннулирована, но возобновлена уже в современной истории.)

Хотя сенаторам выплачивалось щедрое вознаграждение в размере 6 долларов в день, а их привилегии включали право пользоваться вместительными серебряными табакерками с нюхательным табаком в зале заседаний Сената, аристократические манеры, присущие первому составу Сената, были удивительно неуместны. Когда с трудом выживающий поселок Вашингтон стал в 1800 г. столицей, неухоженный внешний вид его резко контрастировал с условиями, которыми располагали временные столицы — Нью-Йорк и Филадельфия. Все сенатские процедурные формальности были сохранены, хотя вице-президент Аарон Бёрр, сам обретший дурную репутацию после убийства на дуэли Гамильтона, часто находил нужным призывать сенаторов к порядку «за поедание яблок и печенья на своих сенатских местах» и за хождение между рядами во время дебатов. Джон Квинси Адамс также отметил в своем дневнике, что выступления некоторых из его коллег «были настолько бурными и изобиловали столь несдержанными выражениями, что их можно объяснить лишь тем, что сенатор был разгорячен алкоголем». Но, конечно, Сенат отличался от Палаты представителей более достойным

поведением: ее члены могли сидеть в головных уборах и с ногами на столах, в то время как Джон Рэндолф из Роанока проходил мимо них, обутый в сапоги с серебряными шпорами и с тяжелым кнутом в руках, с идущей вслед за ним гончей собакой, которая спала у него под столом, и требовал, чтобы сенатский привратник принес ему еще выпивки. В это же время он подвергал злобным нападкам своих оппонентов.

Тем не менее Палата представителей, все еще слишком малочисленная, чтобы быть действительно представительным органом, затмевала Сенат с точки зрения обладания политической властью на протяжении первых трех десятилетий деятельности нашего правительства. Мэдисон¹ говорил, что, «будучи молодым человеком и желая повысить свою репутацию как государственного деятеля, он не мог себе позволить согласиться на место в Сенате», дебаты в котором мало влияли на общественное мнение. Сенаторы уступали свои места, чтобы стать членами Палаты представителей или же уходили на другие посты в штатах и местные органы; нередко Сенат прекращал свою работу, чтобы его члены могли присутствовать на важных дебатах в Палате представителей.

Сенатор Маклей, чей дневник содержит лучший, хотя и несколько искаженный сарказмом отчет о работе этого раннего Сената, часто жаловался на скучные и банальные сессии, о чем свидетельствует приводимая ниже запись от 3 апреля 1790 г.: «Отправился в Холл². Зачитали протоколы заседаний. Было получено послание президента Соединенных Штатов. Председательствующему был вручен доклад. Мы глядели друг на друга и смеялись в течение полчаса, а затем завершили работу».

¹ Мэдисон, Джеймс (1751–1836), государственный и политический деятель, 4-й президент США (1809–1817).

² Имеется в виду нью-йоркский Сити-холл.

Но по мере того, как Сенат укреплял свою роль в качестве исполнительного совета и занимал в законодательном процессе равное положение с Палатой представителей, стало очевидно, что никакие конституционные гарантии, со сколь благородной целью они ни были созданы, не могут предотвратить возникновения такой ситуации, когда в сенатских дискуссиях станет ощущаться политическое давление и нажим избирателей. Маклей испытал отвращение по поводу того, что вместо «исключительно уточненного благородства, необычайно возвышенного разума и удивительно тонкой щедрости», обуславливающих, как он ожидал, каждое решение и поступок его коллег, он нашел «самый низкий эгоизм... Наше правительство является всего лишь системой жульнической торговли мнениями: “Проголосуй так в моих интересах, а я проголосую так в твоих”». Местные предубеждения, которые, как надеялся Мэдисон, будут исключены, только усилились, особенно после того, как федералисты Новой Англии и джефферсоновцы Вирджинии разделились по групповым и партийным интересам. Легислатуры штатов, которые по мере отмены требований имущественного ценза при голосовании должны были стать все более отзывчивыми к позиции ранее презираемых «масс», перекинули политическое давление своих избирателей на плечи сенаторов, выдав им соответствующие «инструкции» (прием, впервые примененный в нашей стране, по всей видимости, во время проведения старых пуританских городских собраний, которые инструктировали своих депутатов в Верховном суде Массачусетса в ходе рассмотрения таких дел, как «вывод столицы из порочного города Бостона», принятие всех возможных мер с целью «искоренения профессии юриста» и предотвращение выплаты должниками своих долгов «старыми, покрытыми ржавчиной стволами своих ружей, непригодными никому и ни для чего, кроме как для использования в качестве утюгов»). От некоторых сенаторов

требовалось также, чтобы они время от времени возвращались в легислатуры своих штатов для отчетов, подобно венецианским послам, о своем служении в столице.

То было время перемен – в Сенате, в концепции нашего правительства, в развитии двухпартийной системы, в распространении демократии на фермы и на фронтир¹ и в Соединенных Штатах Америки. Люди, которые отличались уступчивостью, которые могли соглашаться с не отличающимся постоянством общественным мнением или пренебрегать им, которые искали славы в высоком звании члена Сената, а не стремились к его законодательным свершениям, – именно такие люди были востребованы тем временем. Но молодой Джон Квинси Адамс из Массачусетса не был таким человеком.

¹ Фронтир (от англ. frontier) в американской истории – условная граница, отделявшая заселенные и освоенные «пионерами» – колонистами земли на востоке страны от незаселенных, подлежащих заселению земель на западе. По мере заселения западных земель границы «фронтира» приближались к Тихоокеанскому побережью Североамериканского континента.

II

Джон Квинси Адамс¹

*«Судья является не слугой... народа,
а слугой своего Бога»*

По мере того, как тянулись дебаты, молодой сенатор из Массачусетса беспокойно ерзал в своем кресле. Заполненный наполовину зал заседаний Сената был основательно наполнен эхом криков его коллеги из Массачусетса, сенатора Пикеринга, уже чуть ли не в тысячный раз осуждавшего президента Джефферсона за торговое эмбарго, введенное в 1807 г. А за стенами Капитолия унылый январский дождь ввергал мрачный город Вашингтон в трясину грязи. Сортируя почту из Массачусетса, лежавшую в беспорядке на его рабочем столе, Джон Квинси Адамс обратил взор на незнакомый почерк на конверте без обратного адреса. В конверте был один-единственный листок тонкой льняной бумаги, и сенатор дважды прочел с отвращением написанное на нем анонимное послание, прежде чем скомкать письмо и конверт и выбросить их в стоявшую у стола мусорную корзину:

«Люцифер, сын Утра, как низко ты пал! Мы надеемся, что не безнадежно. О, Адамс, помни, кто

¹ Адамс, Джон Квинси (1767–1848), 7-й президент США (1825–1829).

ты есть. Вернись в Массачусетс! Вернись в свою страну! Не содействуй ее разрушению! Обдумай последствия! Пробудись – восстань ото сна, пока есть время!

ФЕДЕРАЛИСТ»

Федералист! Адамс горько задумался над этим словом. Разве он не был сыном последнего федералистского президента? Разве он не служил администрации федералистов на дипломатических постах за рубежом? Разве не он был избран как федералист в легислатуру штата Массачусетс, а затем и в Сенат Соединенных Штатов? А сейчас лишь из-за того, что он поставил национальные интересы выше партийных и групповых, федералисты покинули его. Я не дезертировал из их рядов, как они утверждают, – это они покинули меня.

«Мои политические перспективы ухудшаются, – записал он в своем дневнике в тот вечер, – и по мере того, как срок моей службы близится к завершению, я уверен, что вернусь в положение частного гражданина. Однако я надеюсь, что мой разум в достаточной степени подготовится к этому событию. А пока я молю Дух, источающий самый драгоценный и совершенный дар, о том, чтобы я мог с пользой служить моей стране и никогда не руководствовался в моем общественном поведении каким-либо иным соображением, кроме моего долга».

Это не просто чувства мужественного сенатора, но и слова государственного деятеля-пуританина. Ведь Джон Квинси Адамс был одним из великих представителей того выдающегося поколения, которое оставило незабываемый отпечаток на нашем государственном управлении и на нашем образе жизни. Жесткий и неуступчивый, как скалы его родной Новой Англии, которая наложила свою печать на

его отношение ко всему миру, этот пуританин придал смысл, логичность и достоинство ранним годам существования Американской республики. Мрачное чувство долга перед Создателем он пронес через все этапы своей повседневной жизни. Он верил, что человек создан по образу и подобию Бога, и потому способен властвовать собой даже в крайних обстоятельствах. Как пуританин он любил свободу и любил закон; он обладал гениальной способностью с точностью определять ту точку, где могут быть преодолены противоречия между правами штата и правами личности. Как сказал Джордж Фрисби Хоар, интеллект пуританина Джона Квинси Адамса и его предков

«позволял ему точно оценивать происходящее с нравственной точки зрения, четко осознавать общие истины, быть активным, неутомимым, углубляться в изыскание и дебаты, но он оставался пронизанным практичным здравым смыслом и подвластным ему... Он обладал упорством в достижении цели, высоким и негибким мужеством, несокрушимой волей, которые никогда не ослабевали и не отступали ни перед кем-либо, ни перед угрозой изгнания, пыток или смерти».

Эти качества Джона Квинси Адамса, к несчастью, шли вразрез с партийными интригами и политическими страстями того времени. Задолго до тех обескураживающих месяцев в Сенате, когда его почта изобиловала оскорблениями, исходящими от федералистов Массачусетса, задолго даже до того, как он стал заседать в Сенате, он упомянул в своем дневнике о тех опасностях, с которыми сталкивается пуританин, решивший заняться политической деятельностью: «У меня есть сильное искушение погрузиться в политическую полемику, – писал он, – но... политик в нашей стране должен быть человеком своей партии. Я с радостью стал бы человеком всей моей страны».

Эбигайл Адамс с гордостью говорила своим друзьям, что, когда Джон Квинси был еще мальчиком, она и ее муж, руководивший всем его образованием и обучением, сулили ему будущее лидера «в кабинете министров или же... блюстителя законов и свобод своей страны». Очень мало кто из американцев имел те преимущества, которыми с рождения обладал Джон Квинси Адамс: именитая фамилия, выдающийся отец, неустанно трудившийся для развития природных талантов сына, и замечательная мать. Действительно, он родился, обладая всем, что могло гарантировать ему счастливую и успешную жизнь, за исключением тех качеств, которые умиротворяют разум. Несмотря на жизнь, полную выдающихся достижений, его постоянно угнетали чувства неполноценности, разочарования, неудачи. Хотя его твердое чувство долга, характерное для жителей Новой Англии, его замечательные таланты всегда сопровождали его по пути беспримерного успеха, у него с самого начала сохранялось едва ли не болезненное чувство постоянного провала.

Свидетельством его рано проявившегося чувства неадекватности и его не по летам развитого сознания было письмо, написанное им отцу в девятилетнем возрасте:

«Дорогой сэр,

Я очень люблю получать письма, больше чем писать их. Мне плохо удается сочинение. Моя голова слишком уж ветренна. Мои мысли отвлекаются на птичьи яйца, игры и всякие мелочи, пока я не начинаю сам себя раздражать. Мама сталкивается с тяжелой задачей заставлять меня учиться. Мне стыдно за самого себя. Я только-только приступил к чтению третьего тома «Истории» Роллина, но намеревался к этому времени прочитать уже половину его. Я твердо решил быть более прилежным на этой неделе. Я поставил перед собой задачу прочесть половину третьего

тома. Если я сохраню свою решимость, я вновь смогу в конце недели лучше отчитаться о своей работе. Мне хотелось бы, сэр, чтобы Вы дали мне в письменном виде какие-то советы в отношении использования моего времени и порекомендовали, как распределить время между моими занятиями и игрой, и я буду всегда учитывать эти советы и стремиться им следовать.

Со всей овладевшей мною сейчас решимостью стать лучше, остаюсь, уважаемый сэр, Ваш сын
Джон Квинси Адамс»

А спустя тридцать шесть лет, уже прослужив на постах сенатора Соединенных Штатов, гарвардского профессора и американского посланника в крупных европейских державах, он смог печально констатировать в своем дневнике:

«Мне сорок пять лет. Две трети длинной жизни позади, а я ничего не сделал для того, чтобы она принесла пользу моей стране и человечеству... Страсти, лень, слабость и слабоволие вынуждали меня иногда отклоняться от моего представления о верном пути и почти всегда парализовали мои усилия добиться чего-то полезного».

И наконец, уже в семидесятилетнем возрасте, зарекомендовав себя блестящим государственным секретарем, независимым президентом и красноречивым членом Конгресса, он мрачно констатировал: «Вся жизнь была чередой разочарований. С большим трудом я могу припомнить какой-либо пример того, что я добился успеха в чем-то, предпринятом мною».

И тем не менее, жизненному пути, столь горько осужденному самим его главным действующим лицом, не было равного во всей американской истории. Джон Квинси Адамс – вплоть до своей смерти в Капитолии в возрасте восьмидесяти лет – занимал больше важных постов и при-

нимал участие в более важных событиях, чем кто-либо в истории нашего государства, в качестве посланника в Гааге, специального посланника в Англии, посланника в Пруссии, сенатора штата, сенатора Соединенных Штатов, посланника в России, главы американской миссии на мирных переговорах с Англией, посланника в Англии, государственного секретаря, президента Соединенных Штатов и члена Палаты представителей. Он участвовал в том или ином качестве в Американской революции, в войне 1812 г. и в прелюдии к Гражданской войне. Среди его знакомых и коллег, упоминаемых им на страницах дневника, фигурируют Сэм Адамс (родственник), Джон Хэнкок, Вашингтон, Джефферсон, Франклин, Лафайет, Джон Джей, Джеймс Мэдисон, Джеймс Монро, Джон Маршалл, Генри Клей, Эндрю Джексон, Томас Харт Бентон, Джон Тайлер, Джон К. Кэлхун, Дэниел Уэбстер, Линкольн, Джеймс Бьюкенен, Уильям Ллойд Гаррисон, Эндрю Джонсон, Джефферсон Дэвис и многие другие¹.

Будучи одним из наиболее талантливых людей, когда-либо находившихся на службе у своей страны, он, тем не менее, обладал немногими личными качествами, обычно украшающими личность и придающими ей обаяние. Но в этом портрете присутствует очарование и благородство человека неприветливого, узколобого и несговорчивого, осужда-

¹ Среди упоминаемых в этом списке лиц: 10 президентов США (Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Джеймс Монро, Эндрю Джексон, Джон Тайлер, Авраам Линкольн, Джеймс Бьюкенен, Уильям Ллойд Гаррисон, Эндрю Джонсон), президент 1-го Континентального конгресса Джон Хэнкок, отец-основатель США Бенджамин Франклин, видные деятели Войны за независимость США (Сэмюел Адамс, Мари Жозеф Поль Лафайет), государственный секретарь США Джон Джей, президент Конфедеративных Штатов Америки Джефферсон Дэвис, председатель Верховного суда США Джон Маршалл и ряд видных сенаторов США (Генри Клей, Томас Харт Бентон, Джон К. Кэлхун, Дэниел Уэбстер).

ющего себя строже, чем его осуждали злейшие враги, обладавшего честностью, которой не обладали самые выдающиеся политические личности в нашей истории, и постоянно движимого вперед своей совестью и своим долгом быть достойным своих родителей, поданного ими примера и их наставлений.

Его разочарования и неудачи в политической сфере как сенатора и президента явились неизбежным результатом этой непреклонности в игнорировании политических факторов жизни. Важно отметить, что оба Адамса, отец и сын, были единственными президентами, не избранными на второй срок в первые пятьдесят лет истории нашего государства. И вместе с тем их неудачи, если их можно называть неудачами, были результатом их собственной непоколебимой преданности тому, что они считали общественными интересами, и результатом неспособности их современников соответствовать высоким стандартам чести и нравственности, которые они привнесли в жизнь общества.

Историю жизни сына нельзя полностью отделить от истории жизни отца. Джон Квинси Адамс, как его охарактеризовал Сэмюел Элиот Морисон, был «прежде всего Адамсом», и его сердечная преданность отцу, так же как и стойкая верность отцу своему сыну независимо от политических неприятностей, представляют собой единственное проявление тепла в их, в принципе, строгой и неприветливой жизни. («Что за странная семейка, – писал позднее лидер федералистов Харрисон Отис. – Я считаю их разновидностями того любопытного рода человеческих существ, в которых сочетаются таланты и высокие моральные качества со страстями и предубеждениями, несовместимыми с поставленными ими целями и способными привести в замешательство их же друзей»). Будучи ребенком в связанной тесными узами пуританской семье, Джон Квинси был обучен своей матерью следовать примеру своего зна-

менитого отца и, будучи уже сенатором, когда его коллеги и друзья покидали его, именно к отцу он обращался за поддержкой и одобрением.

Даже после смерти старшего Адамса Джон Квинси сохранял трогательную верность памяти своего отца. Читая в трудах Джефферсона письма, написанные им более тридцати пяти лет назад, когда его отец и Джефферсон были политическими соперниками (хотя их старая дружба позднее возобновилась), он мог прийти в ярость от того, что считал вероломством со стороны Джефферсона. «Его отношение к моему отцу, — писал Адамс в своем дневнике, — было беспредельно лицемерным, предательским и фальшивым». Джон Квинси не понял (после того, как провел всю свою жизнь в гуще политической системы), как работала наша федеральная система сдержек и противовесов; не понял он и того, что «махинации» Джефферсона, как он это оценивал, представляли собой всего лишь одну из граней его гениальных способностей, успешно используемой в искусстве и науке государственного правления.

Неудача Джона Квинси Адамса в признании политических фактов жизни впервые проявилась в годы его пребывания в Сенате, в годы, которые не были ни наиболее результативными в его жизни, ни такими, когда его вклад сыграл сколько-нибудь важную роль. И все же его единственный срок в Сенате Соединенных Штатов дает нам ясное представление о судьбе человека, поставившего на службу обществу выдающиеся способности, уважаемое имя и необыкновенное стремление к справедливости. Его опыт иллюстрирует как нельзя лучше, что обладание даже такими выдающимися качествами недостаточно для того, чтобы добиться успеха в американской политической жизни.

Было вполне естественным, что, возвратившись в Бостон по окончании дипломатической службы за рубежом и после поражения его отца в борьбе с Джефферсоном за

президентский пост, Джон Квинси стал принимать активное участие в делах партии своего отца. Он восхищался федералистами как авторами Конституции, борцами за повышение военно-морской мощи страны и бастионом перед лицом влияния Французской революции.

Но как только молодой экс-дипломат был избран в качестве федералиста в легислатуру штата Массачусетс, он продемонстрировал свое дерзкое неприятие слепой приверженности партии. Не консультируясь со своими старшими коллегами, он предложил – спустя всего лишь сорок восемь часов после того, как стал членом этого августейшего законодательного собрания, – чтобы Республиканской (Джефферсонской, или Демократической) партии было предоставлено пропорциональное представительство в губернаторском совете. (Позднее Адамс отметил, что этот акт партийной независимости «отразил принцип, которым с тех пор и по сей день я руководствовался в своей жизни на общественном поприще»).

Избирая впоследствии молодого Адамса в Сенат, его коллеги по легислатуре штата, возможно, рассчитывали на то, что честь, оказанная столь относительно молодому человеку, поможет ему осознать его долг перед своей партией.

Но, продвигая одной рукой молодого Квинси Адамса все ближе к его идеалу служения стране, легислатура грубо проделала прореху в ткани его мечты и создала реальные и неприятные препятствия на его пути. Сразу же вслед за его избранием завистливый и антагонистично настроенный Тимоти Пикеринг (который был отправлен отцом Джона Квинси в отставку с поста государственного секретаря США) был избран в качестве коллеги Адамса в Сенат, заполнив временно освободившуюся сенаторскую вакансию. Ни Пикеринг, ни Адамс не питали никаких иллюзий относительно черной зависти, испытываемой первым по отношению ко всему семейству Адамсов, и Джон Квинси понимал, что, будучи широко известным и влиятельным

федералистом, сенатор Пикеринг будет в состоянии внушить своим молодым коллегам всю ненависть и подозрения, питаемые остающимися еще в Сенате федералистскими сенаторами в отношении независимости, проявляемой старшим Адамсом на посту президента. Не мог он ожидать сочувствия и со стороны джефферсоновских республиканских сенаторов, недавно завершивших злобную кампанию против его отца и одобренных им Законов об иностранцах и подстрекательстве к мятежу¹. Отметив в своем дневнике, что «особо затребованными качествами интеллекта являются твердость, настойчивость, терпение, хладнокровие и выдержка», Джон Квинси Адамс, подобно любому джентльмену-пуританину, отправился в Вашингтон исполненным решимости соответствовать тем стандартам самодисциплины, которые он сам установил для себя.

По прибытии в Вашингтон Адамс очень скоро продемонстрировал свое неуважение как к партийным связям, так и к привычной сдержанности, ожидаемой от новичков. Хотя болезнь родственника не позволила ему вовремя прибыть в Вашингтон для участия в голосовании по ратификации подписанного президентом Джефферсоном договора о покупке Территории Луизианы, он вскоре вызвал бурю дискуссий, став единственным федералистом, активно поддержавшим в Сенате беспрецедентное приобретение и проголосовавшим за выделение 11 млн. долларов на выплату цены этого приобретения. Аналогичным образом исповедуемые им демократические принципы побудили его вступить в борьбу с введенными администрацией мерами по навязыванию жителям Территории правительства и налогов, что также вызывало возражения его республикан-

¹ Серия из четырех законодательных актов, принятых в 1798 г. Конгрессом США по инициативе президента Джона Адамса. Срок действия этих законов либо истек в 1801–1802 гг., либо они были аннулированы после прихода к власти республиканской администрации Т. Джефферсона.

ских коллег. Но при его видении Америки, простирающейся от одного побережья континента до другого, он рассматривал замечательный поступок Джефферсона, предусматривающий изгнание Наполеона за пределы наших границ с одновременным обогащением нашей страны как гораздо более важное событие, чем возмущенное удивление своих федералистских коллег. Озабоченные прежде всего сохранением гегемонии Новой Англии, они опасались, что экспансия на запад континента ослабит политическое и экономическое влияние деловых городов Северо-Востока, снизит стоимость земли на Востоке, в которой они были финансово заинтересованы, и обеспечит сторонников Джефферсона постоянным большинством в Конгрессе. Молодой федералист из Массачусетса, делавший вид, что ему непонятно их отношение, подлил горючего в пламя федералистского возмущения, посетив банкет джефферсоновцев в честь приобретения Луизианы.

«Ужин был плохим, а тосты бесконечными», – угрюмо пожаловался тем вечером Адамс в своем дневнике. Но сомнительно, чтобы даже пиршество, напоминающее кухню лучших бостонских гостиниц, сделало полезным его посещение банкета: дело в том, что этот факт был воспринят его федералистскими коллегами как несомненное свидетельство вероломства.

«Будь проклят юноша, слепо подражающий своему предку!» – написал Теодор Лаймен, видный федералист, вставший на сторону Пикеринга в его размолвке со старшим Адамсом. Но существовал лишь один федералистский политик, чье мнение Джон Квинси ценил больше своего, – Джон Адамс. Он с волнением выяснял точку зрения отца, и ободрительные замечания, полученные им в 1804 г. от этого умудренного опытом государственного деятеля, компенсировали ему все оскорбления, которые он получил от партии своего отца. «Я не осуждаю твоего поведения в вопросе о Луизиане, – писал Джон Адамс своему сыну, – хотя

я знаю, что это станет весьма непопулярным предметом обсуждения в северных штатах... Я думаю, что ты был прав!».

Молодой Адамс следующим образом подвел итог первым месяцам своего пребывания в Сенате:

«Мне уже довелось испытать, как я ранее имел все основания ожидать, опасность строгого соблюдения моих собственных принципов. Страна настолько безоглядно поддалась партийному духу, что не следовать слепо той или другой партии – неискупимое преступление... Выбирая между ними, я не вижу возможности следовать велениям моей собственной совести без того, чтобы не пожертвовать всеми перспективами, не только прогресса, но даже сохранения морального облика и репутации, которыми я обладал. И все-таки мой выбор сделан, и, если я не могу надеяться доставить удовлетворение моей стране, я по крайней мере полон решимости добиться одобрения моих собственных мыслей».

Обладание гордым именем не могло помешать Адамсу – и вполне возможно, что ускорило, – постепенное превращение молодого сенатора в меньшинство, располагающее лишь одним голосом. Если бы его политическая философия была более популярной, его личная манерность все равно затруднила бы тесные альянсы. Он же был, в конечном счете, «одним из Адамсов... холодным, бестактным и непреклонно честным». Сын непопулярного отца, ренегат своей собственной партии и очень уж зарвавшийся для сенатора-новичка, Джон Квинси Адамс не искал и не предлагал политических альянсов или влияния.

Спустя всего десять дней пребывания в Сенате он вызвал раздражение у своих старших коллег и инициировал трехчасовые дебаты, выдвинув возражения против ничего не значащей резолюции, призывающей сенаторов

носить в течение одного месяца траурные ленточки в память о трех недавно усопших патриотах. Такая резолюция, довольно нагло заявил он, была неуместна, а то и неконституционна, поскольку «может вызвать нежелательные споры о личности и дебаты, совершенно чуждые темам, которыми по сути дела должен заниматься» Сенат. После этого он ошеломил своих коллег предложением исключить из участия в обсуждении вопроса об импичменте любого сенатора, ранее голосовавшего за резолюцию об импичменте в качестве члена Палаты представителей. А затем, демонстрируя свою упрямую интеллектуальную независимость, он в единственном числе выступил против предложения объявить закрытой сессию Сената, так как, по его мнению, ее единственной целью было, отразив работу сессии в протоколах заседаний, создать видимость работы, каковой в действительности просто не было.

Но, если Федералистская партия научилась не любить «юношу» в еще большей степени, чем его «предка», надо сказать, что любовь кого-либо из федералистов к Джону Квинси в любом случае была бы бессмысленной. Дело в том, что он относился к Федералистской партии все с большим презрением. Американский националист, проживший значительную часть своей короткой жизни за рубежом, он не мог пожертвовать своей преданностью национальным интересам ради узкопартийных, ограниченных и пробританских интересов, доминировавших в первой политической партии Новой Англии. Его бывшие коллеги из легислатуры штата публично обвинили его в неблагодарном «поведении, достойном Макиавелли», но он написал своей матери, что, будучи сенатором, он, по его мнению, мог гораздо лучше определить, в чем заключались истинные интересы Массачусетса, и что «если федерализм состоит в том, чтобы рассматривать английский военно-морской флот как единственный оплот нашей свободы, то я, должно быть, и есть политический еретик».

До и после 1804 г. многие сенаторы, когда партийные лидеры называли их политическими еретиками, всячески стремились устранить проистекающие отсюда дурные последствия, создавая прочную личную популярность среди своих избирателей. А это становилось все более возможным по мере того, как в начале XIX века право голоса стало распространяться на всех лиц мужского пола. Но такое поведение не было характерным для Джона Квинси. Как заметил один из его коллег-сенаторов, он рассматривал любое представленное его вниманию общественное решение так, будто оно было абстрактным предложением, исходящим от Евклида, не стесненным соображениями политической привлекательности. Он отвергал мысль, будто избранные представители должны «трястись от страха перед волей своих избирателей», и отказывался добиваться успеха, превращаясь, как он выражался, в «профессионального патриота», имитируя «чрезвычайную озабоченность интересами народа, льстя его предубеждениям, прислуживая его пристрастиям и потакая его временным и изменяющимся взглядам». Его путеводной звездой был принцип пуританской государственной деятельности, изложенный его отцом много лет назад: *«Судья является слугой не своих собственных желаний и даже не слугой своего народа, а слугой своего Бога».*

Мы бы восхищались мужеством и решительностью Джона Квинси Адамса, если бы он служил в Сенате в наши дни. Мы бы уважали его партийную беспристрастность, независимый от группового мнения подход. Но я не столь уверен, что он понравился бы нам как личность, и очевидно, что многим из его коллег по обе стороны прохода между рядами в зале Сената он не нравился. Его самоизоляция от обеих политических партий, антагонизм, который он вызывал, практически сводили к нулю влияние его независимых и высокоинтеллектуальных предложений. Из его дневников становится ясным, что молодой сенатор

вовсе не игнорировал свою растущую политическую изоляцию: он жаловался, что ему «нечего делать, за исключением пребывания в бесполезной оппозиции». «Я уже был свидетелем достаточно многого, чтобы убедиться в том, что мои предложения никогда не пройдут в Сенате в его нынешнем составе». «Я не сомневаюсь, что вызову много порицаний и оскорблений за этот предложенный мною закон». И он упомянул тех, кто «ненавидит меня гораздо больше, чем любит какие-либо принципы». Он особенно близко к сердцу принимал презрительное отношение Пикеринга к себе и считал, что его коллега «полностью покидает почву справедливости и полагается на то, что представляется ему выгодным».

Но раскол между партией и сенатором стал непоправимым лишь в 1807 г., когда Адамс подвергся осуждению огромным большинством своих избирателей, а также лидерами своей партии. Окончательный разрыв, что вполне естественно, был вызван внешнеполитическим курсом нашей страны. По мере ухудшения наших отношений с Великобританией участились случаи захвата наших судов, конфискации наших грузов и оказания британскими крейсерами «силового давления» на наших моряков и принуждения их – как якобы подданных Великобритании – служить в королевском военно-морском флоте. Тысячи американских моряков были в организованном порядке схвачены, суда брошены в море из-за отсутствия экипажей, и даже тем, кто мог «доказать» свое американское гражданство, часто отказывали в возможности возвратиться домой. Патриотические чувства Адамса взыграли, и он высказал свое возмущение тем, что именно те федералистские торговцы, корабли которых подвергались нападению, решили, что умиротворение Великобритании было единственным ответом на их проблемы. Его федералистские коллеги даже попытались оправдать такие агрессивные шаги англичан туманными ссылками на испытываемые Великобританией

трудности в войне с Францией и на дружелюбие, проявляющееся в наших высказываниях о Франции. В 1806 г. Адамс, не скрывая своего презрения к подобной позиции, внес на рассмотрение и довел до утверждения – вполне успешно (уникальный случай, как он отметил в своем дневнике) – серию резолюций, осуждающих агрессивные действия Великобритании против американских торговых кораблей. В резолюциях содержалась также просьба к президенту потребовать возвращения и возмещения стоимости конфискованных судов. Федералисты, конечно, в своей массе выступили против его предложения, а также против внесенного правительством и поддержанного Адамсом законопроекта об ограничении британского импорта. Он теперь оказался во всех смыслах слова человеком без партии.

И наконец, летом 1807 г. американский фрегат «Чесапик» без каких-либо на то оснований подвергся обстрелу английским военным кораблем «Леопард» близ мыса Вирджиния после того, как американское судно отказалось дать разрешение на обыск или сдать четырех матросов, которые, по утверждению англичан, были британскими подданными. Несколько членов американского экипажа были убиты или ранены. Разгневанный Адамс был убежден, что независимо от партийной линии настало время для волевых действий против таких недопустимых акций. Он обратился к местным федералистским чиновникам с просьбой созвать общегородское собрание в Бостоне для выражения протеста против этого инцидента. А получив отказ и будучи возмущен попыткой видного федералиста оправдать даже нападение «Леопарда», он, к своему мрачному удовлетворению, обнаружил, что Республиканская партия на той же неделе организует в помещении легислатуры штата аналогичный массовый митинг.

Федералистское издание «Репертори» предупредило верных членов партии, что митинг – всего лишь «незаконная и шумная разновидность сборища», в котором не следует

принимать участия «ни одному добросовестному и честно-му человеку». Но Джон Квинси Адамс принял в нем участие и, хотя он отказался от роли председателя собрания, тем не менее, деятельно участвовал в подготовке воинственно сформулированного проекта резолюции, которая содержала клятву участников собрания президенту своей жизнью и собственностью поддержать «любые меры, какими бы серьезными они ни были».

Ну а теперь вознегодовали федералисты. Хотя ими был спешно созван официальный общегородской митинг, лицемерно пообещавший президенту такую же поддержку, они публично заявили, что Джон Квинси Адамс должен быть «обезглавлен за свое отступничество... и не должен более считаться имеющим какое-либо отношение к партии» за открытое сотрудничество с республиканцами на митингах и в их делах. Именно этот эпизод, как позднее комментировал его сенатор, «отдалил меня с этого дня и навсегда от какого-либо общения с Федералистской партией».

Когда 18 сентября 1807 г. Джефферсон призвал Конгресс к возмездию англичанам путем введения эмбарго, по сути прекращающего в дальнейшем всю внешнюю торговлю, – меру, вполне очевидно наносящую урон Массачусетсу, ведущему торговому штату страны, – именно Джон Квинси Адамс оказался тем, кто поднялся в зале заседаний Сената и призвал направить президентское послание на рассмотрение специального сенатского комитета. Он же был избран председателем этого комитета и представил на рассмотрение Сената законопроект об эмбарго и собственный законопроект, запрещающий английским судам входить в американские территориальные воды.

«Это решение будет стоить Вам и мне нашего места, – заметил молодой Адамс своему коллеге, когда специальный комитет завершил свою работу и его члены отправились в зал заседаний Сената, – но личные интересы не должны противоречить всеобщему благу».

Его слова были всегда пророческими. Когда законопроект об эмбарго превратился с его помощью в закон, в Массачусетсе поднялась буря протеста, напоминающая о днях «бостонского чаепития»¹. В этом штате размещалась значительная часть американского торгового флота и практически все судостроение и рыболовство. Эмбарго вызвало безработицу во всей судостроительной промышленности, разрушило морскую торговлю и поставило на прикол рыболовные суда; экономический застой, банкротство, лишения и миграция с территории штата приняли массовой характер. Ни торговцам, ни морякам невозможно было доказать, что такой шаг соответствует их интересам. Даже фермеры Новой Англии обнаружили, что на рынке наблюдается избыток производимой ими продукции, поскольку оказались закрытыми все экспортные каналы.

Федералистские лидеры продолжали твердить, что эмбарго являлось не чем иным, как попыткой Джефферсона покончить с процветанием Новой Англии, спровоцировать Англию на объявление войны и оказать помощь французам. Даже несмотря на то, что республиканцы Новой Англии отказались выступить в защиту законопроекта, предложенного их президентом, Федералистская партия, набрав очки в борьбе по этому вопросу, с триумфом вернула себе большинство в обеих палатах легислатуры Массачусетса. Повсеместно заговорили о сецессии Новой Англии от Союза.

Но несмотря на сильную ненависть к Джефферсону и введенному им эмбарго, федералисты Массачусетса, торговцы и другие граждане штата испытывали еще большее негодование по поводу того, что их сенатор «дезертировал» в партию противника. «Партийное животное, пита-

¹ «Бостонское чаепитие» – в значительной мере театрализованное событие в бостонском порту, в ходе которого 16 декабря 1773 г. члены организации «Сыны свободы», наряженные в костюмы индейцев, выбросили в море 342 ящика с чаем, принадлежавших английской Ост-Индской компании.

ющееся падалью, – фыркала нортгемптонская «Хэмпшайр газетт», – один из тех амбициозных политиков, которые живут на суше и на воде, время от времени оказываются то здесь, то там и в конечном счете садятся в грязь». «Адамс, – утверждала салемская «Газетт», – это охотник за популярностью... обхаживающий господствующую партию», и один из «сенаторов Бонапарта». Гринфилдская «Газетт» назвала его отступником, «сотрудничающим с убийцами репутации его отца». Бостонские социальные круги, к которым он сам принадлежал, – состоятельные, культурные и влиятельные – все стали выступать против него. «Я бы не сел рядом с этим ренегатом за один стол», – резко заявил один из видных граждан Бостона, отказываясь от приглашения на ужин, на котором ожидалось присутствие Адамса. А видный федералист, ликуя, написал вашингтонским приверженцам партии: «Он ходит по улицам штата в обычное для него время, но его, видимо никто не узнает».

Джон Квинси Адамс был одинок, но не совсем. «Практически полностью меня покинули мои друзья в Бостоне и в легислатуре штата, – писал он матери. – Но я никогда не буду благодарен судьбе в большей степени, чем сейчас, за то, что мои отец и мать не присоединились к этому всеобщему дезертирству». Когда впервые из его родного штата на него обрушились безжалостные оскорбления, Джон Квинси вновь обратился к своему отцу и поделился с ним своими чувствами. И отец ответил, что положение сына является «ясным, понятным и очевидным»:

«Тебе не оказывает поддержки ни одна партия; у тебя слишком честное сердце, слишком независимый разум и слишком блестящий талант для того, чтобы тебе искренне и убежденно верил кто бы то ни было, над кем доминируют партийные принципы или партийные убеждения... Ты можешь, следовательно, считать, что твоя судьба определена... Ты должен знать и ожидать это и ни

в коем случае не сожалеть об этом. Мой совет тебе – упорно продолжать идти по избранному тобой пути, однако проявляя умеренность и осторожность, поскольку я считаю, что это справедливый путь».

Но в глазах бывших сторонников экс-президента вся его семья была проклята в результате мужественного акта, совершенного его сыном. «Его [Джона Квинси] ренегатство не вызывало уже никаких сомнений у кого-либо», – воскликнул член Палаты представителей из Нью-Йорка Гарденьер. – Я бы хотел, чтобы благородный дом Брейнтри¹ провалился в яму, весьма глубокую к тому же, еще 20 лет назад!». Но отец и сын Адамсы держались вместе. «Партон обвинил тебя в том, что ты не федералист, – писал его отец, – и мне хотелось бы, чтобы он обвинил меня в том же, так как я уже давно отрекся, отказался и отгородился от этого имени, репутации и свойств этой секты в том виде, в котором она сегодня существует».

При поддержке своего отца – в борьбе, где он встал на сторону президента, победившего его отца, – Джон Квинси сохранял непоколебимую и непреклонную позицию, ставшую его пуританским наследием. Когда он столкнулся в Бостоне с политически ангажированным проповедником, который подверг нападкам его взгляды «в грубой и непристойной манере, я сказал ему: учитывая его возраст, мне остается лишь заметить, что ему следует усвоить еще один урок – научиться христианскому состраданию». Когда его коллега Пикеринг осудил Квинси в открытом письме легислатуре штата, которое было распространено по всему Массачусетсу в десятках тысяч экземпляров, он написал исполненный убежденности ответ, критикующий Федералистскую партию как исповедующую местнические взгляды

¹ Брейнтри (ныне Квинси), городок в штате Массачусетс, место рождения отца и сына Адамсов.

ды, отжившую свой век и непатриотичную организацию; он настаивал на том, что вопросы войны и мира не могут решаться, исходя из «географического положения, партийной предубежденности или вида профессиональной деятельности», и разразился гневом по поводу раболепного заявления Пикеринга о том, что, «хотя Великобритания, с тысячей ее военных кораблей, могла уничтожить нашу торговлю, она не нанесла ей в действительности серьезного ущерба».

В конце мая 1808 г. контролируемая федералистами легислатура собралась, как писал Джефферсону республиканский губернатор Массачусетса, «с основной целью – политически и персонально уничтожить Джона Квинси Адамса». Как только были решены организационные вопросы обеих палат, легислатура немедленно избрала преемника Адамса – за девять месяцев до истечения срока его полномочий! И в качестве второго пункта повестки дня легислатура поспешно приняла резолюцию, уполномочивающую своих сенаторов настаивать на отмене эмбарго.

«Выборы, – понял Адамс, – проводились с единственной целью прежде всего заклеить меня, так как согласно обычной процедуре их не нужно было проводить до зимней сессии заседаний легислатуры». И принятые ею резолюции, по его мнению, «предписывали сенаторам такую линию поведения, которую ни мое суждение, ни мой духовный настрой не могли одобрить».

Ему был открыт лишь один-единственный путь – он подал в отставку с поста в Сенате, чтобы защитить политический курс человека, который сместил его отца с президентского поста.

Было «совершенно невозможно», писал он, сохранять свой пост «без того, чтобы быть в состоянии пользоваться самой совершенной свободой действий, подчиняясь единственному и исключительному контролю своего собственного чувства справедливости».

«Я лишь добавлю, что, отнюдь не сожалея о том или ином шаге, за которые я пострадал, я бы снова сделал то же самое, если бы мне предстоял выбор, даже если бы мне это грозило в десять раз большей клеветой, непопулярностью или снятием с должности».

Но если бы ему лично было необходимо голосовать в Сенате для спасения внешней политики Джефферсона, писал Адамс тем, кто критиковал его уход в такой решающий момент, то, «как бы высоко я ни чтит авторитет моих избирателей и сколько бы горькой ни оказалась чаша сопротивления высказанной им воли... я бы защищал их интересы от их предрасположений и, возможно, вызвал бы рост негодования, чтобы спасти их от зависимости от их же собственных заблуждений».

Ненавидимый федералистами и подозреваемый республиканцами, Джон Квинси Адамс вернулся к частной жизни. Его звезде предстояло вновь взойти, но он никогда не мог забыть об этом инциденте и не отказался от мужества своей совести. (Согласно легенде, в годы его политически независимого пребывания на президентском посту, комментируя тост в адрес президента: «Да внесет он смятение в ряды своих врагов!», Дэниел Уэбстер сухо заметил: «Как он уже сделал это в отношении своих друзей»). Вскоре после его отставки из Белого дома в 1829 г. избиратели из Плимутского избирательного округа попросили Адамса представлять их в Конгрессе. Вопреки совету своей семьи и друзей и несмотря на собственное желание обладать свободным временем, чтобы написать биографию своего отца, он согласился занять этот пост, если будет избран. Но он уточнил, во-первых, что от него ни при каких обстоятельствах не следует ожидать, что он будет продвигать свою кандидатуру или просить поддержать его, и, во-вторых, что он будет следовать в Конгрессе курсу, абсолютно независимому от партии и избравших его

людей. На этой основе он был избран подавляющим большинством голосов и прослужил в Палате представителей вплоть до своей смерти. Именно там он написал, возможно, самую блестящую главу своего жизненного пути, поскольку в качестве «красноречивого старца» посвятил весь свой высокий престиж и неутомимую энергию борьбе против рабства.

Возвращение на столь независимой основе в Конгресс, откуда он с таким позором ушел двадцатью двумя годами ранее, стало трогательным событием в жизни мужественного экс-сенатора. «Меня избрали членом 22-го Конгресса, – записал он с гордостью в своем дневнике. – Ни одни выборы или назначение, которые коснулись меня, не доставляли мне такого удовольствия. Мое избрание президентом Соединенных Штатов доставило в глубине моей души вдвое меньше удовлетворения».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВРЕМЯ И МЕСТО

Великие кризисы рождают великих людей и великие свершения мужества. Наша страна не знала более крупного кризиса, чем тот, кульминацией которого была братоубийственная война между Севером и Югом, начавшаяся в 1861 г. Вот почему, никак не умаляя другие периоды американской истории, в работе, посвященной такой теме, нельзя обойти молчанием три акта выдающегося политического мужества, которые относятся по времени к судьбоносному десятилетию, предшествовавшему Гражданской войне. Все они имели жизненно важное значение для последующего сохранения Союза. В двух случаях – а они связаны с сенаторами Сэмом Хьюстоном из Техаса и Томасом Хартом Бентоном из Миссури, пользовавшимися огромным политическим влиянием в своих штатах на протяжении многих лет, – наградой для них стало поражение. В третьем случае, касающемся Дэниела Уэбстера из Массачусетса, даже смерть, последовавшая спустя два года после его знаменитого решения, не остановила поток клеветы, обрушенной на него его врагами и прискорбно омрачившей его последние дни.

Не удивительно, что этому десятилетнему периоду постоянно возникавших кризисов, когда узы, скреплявшие Союз, рвались один за другим, суждено было выявить лучшие, а также и худшие черты характера наших поли-

тических лидеров. Все они, занимая ответственные посты, были обязаны выбрать между сохранением верности своей стране или же своему штату и региону. Для многих людей по обе стороны конфликта – аболиционистов Севера и пламенных борцов с Юга, людей, абсолютно уверенных в том, что они отстаивают правое дело, решение не представило сложности.

Но для тех, кто разрывался между лояльностью своему штату и своей стране, для тех, кто искал компромиссов, которые могли бы отсрочить или вовсе устранить довлеющую над ними опасность начала войны, решение было мучительным, так как окончательный выбор предусматривал разрыв прежних родственных и дружеских отношений и перспективу унижительного политического поражения.

Зал заседаний Сената Соединенных Штатов был именно той ареной, где шла борьба между Севером и Югом. Юг, столкнувшийся с тем, что население Севера постоянно росло и, соответственно, увеличивалось большинство Севера в Палате представителей, осознал, что его единственной надеждой на сохранение власти и престижа остался Сенат. Именно по этой причине острейшие сенатские дебаты в первой половине XIX века разворачивались в сущности вокруг вопроса о принятии новых членов в Союз, поскольку это грозило нарушить шаткий баланс сил между свободными и рабовладельческими штатами, между сельскохозяйственным и промышленным регионами.

В 1820 г. в качестве первого серьезного компромисса, предложенного Генри Клеем, был принят закон об одновременном принятии в Союз Мэна и Миссури, то есть одного свободного и одного рабовладельческого штата. В 1836 и 1837 гг. в Союз были приняты Арканзас и Мичиган, а в 1845 и 1846 гг. – Флорида и Айова, объединенные попарно согласно этому закону. Но к 1850 г. швы компромисса уже трещали, поскольку из-за огромных новых территорий, приобретенных в результате Мексиканской

войны, обострились разногласия по поводу рабства. Внимание страны было сосредоточено на Сенате и особенно на трех наиболее выдающихся парламентских лидерах за всю американскую историю – Клее, Кэлхуне и Уэбстере. Из них троих лишь Дэниелу Уэбстеру предстояло испытать такой же, как Бентону и Хьюстону, позор гнева избирателей и унижение политического поражения от любимых и защищаемых ими штатов. Мы можем лишь достойно отметить мужество, проявленное Уэбстером, Бентоном и Хьюстоном, но, если мы хотим понять время, сделавшее их поступки героическими, необходимо прежде всего обратить внимание на деятельность двух сенатских гигантов, образовавших вместе с Уэбстером самый выдающийся за всю историю Сената триумvirат, – Генри Клея и Джона К. Кэлхуна.

Генри Клей из Кентукки – отважный, вспыльчивый и вместе с тем магнетическая личность столь неотразимого обаяния, что один из его оппонентов отказался встретиться с ним, дабы не подпасть под чары «Гарри с Запада»¹. Для Авраама Линкольна² он был «верхом совершенства». А полубезумец, полугений Джон Рэндолф³ из Роанока называл его (это высказывание можно считать самым памятным и злобным в истории личных оскорблений) «существом точно таким же ярким и вместе с тем точно таким же испорченным, как сгнившая макрель, светящаяся и смердящая при свете луны». Даже Джон Кэлхун, который на протяжении многих лет сражался с ним, поддался его обаянию: «Мне не нравится Генри Клей. Он плохой человек, самозванец, автор злобных интриг. Я не хочу даже говорить с ним, но, Бог мой, я его люблю».

¹ Гарри – уменьшительное от Генри.

² Линкольн, Авраам (1809–1865), 16-й президент США (1861–1865).

³ Рэндолф, Джон (1773–1833), американский политический деятель, конгрессмен (1799–1813, 1815–1825 и 1827–1829), сенатор США (1825–1827).

И другие, помимо Джона Кэлхуна, любили его. Подобно Чарлзу Джеймсу Фоксу¹, он всю свою жизнь упивался любовью к нему и обладал бесподобным даром завоевывать и удерживать сердца своих соотечественников — мужчин... и женщин. После своего избрания в Сенат до достижения определенного Конституцией тридцатилетнего возраста он был затем избран в Палату представителей, где беспрецедентным как до, так и после этого решением он был немедленно избран спикером в возрасте тридцати пяти лет.

Хотя ему не доставало интеллектуального багажа Уэбстера и Кэлхуна, Генри Клей обладал, тем не менее, прозорливостью, превосходящей прозорливость его известных коллег, которая позволяла ему предвидеть будущее Америки. Так, в 1820, 1833 и 1850 гг. он инициировал, протолкнул и ухитрился провести через заколдованный его обаянием сопротивляющийся Конгресс три великих компромисса, сохранившие Союз вплоть до 1861 г., когда Север приобрел такую силу, которая обрекла сецессионистов на поражение.

Вторым и, возможно, наиболее выдающимся членом триумvirата был Джон К. Кэлхун из Южной Каролины, с его взъерошенными волосами и глазами, горящими, как тлеющие угольки, «твердый, словно сделанный из чугуна». Как писала о нем Хэрриет Мартино, старая дева из Англии, «он выглядит так, будто никогда не был рожден и никогда не исчезнет». Кэлхун, несмотря на то, как он выглядел, родился в 1782 г., в один год с Уэбстером и пятью годами позднее Клея. Он был ростом в 6 футов 2 дюйма², выпускником Йельского университета, членом Конгресса в возрасте 29 лет, «ястребом» войны, примкнувшим к Генри Клею в желании вовлечь Соединенные Штаты в войну

¹ Фокс, Чарлз Джеймс (1749–1806), английский политический деятель, министр иностранных дел.

² 1 м 88 см.

1812 г., националистом, ставшим защитником местнических интересов в 1820-х гг., после того как экономические последствия введения высоких таможенных тарифов стали сказываться на преимущественно аграрной экономике Южной Каролины. Кэлхун обладал холодным, узкорационалистичным целенаправленным и могучим разумом. Уэбстер считал его «самым способным человеком в Сенате», превосходящим по масштабу личности кого-либо, кого он знал за всю свою жизнь на поприще государственной деятельности. «По силе логики, – говорил о нем Уэбстер, – Кэлхун мог бы превзойти Ньютона, Кальвина и даже Джона Локка»¹.

Его речи, если очистить их от словесной шелухи, как колонны на параде, проходили стройным маршем по залу заседаний Сената, строго выверенными, подчиненными строгой дисциплине и увлекающими всех за собой. Удивительно, что, хотя он и походил, особенно в более поздние годы, на фанатика, в действительности он был человеком, обладающим необычайными обаянием и индивидуальностью. В Южной Каролине у него была репутация лучшего собеседника, и, воздействуя на чувства людей, он привлекал на свою сторону даже тех, кто не воспринимал его строго обоснованных аргументов. Его воздействие на воображение и симпатии всего Юга постоянно росли, и его смерть в разгар крупных дебатов 1850 г. опечалила всех.

Кэлхун был убежден, что Конституционному конвенту не должна принадлежать вся полнота государственной власти, что суверенные штаты по-прежнему сохраняют за собой «право решать... когда Конгресс посягает на власть и свободу отдельного штата».

¹ Ньютон, Исаак (1643–1727), английский физик и математик; Кальвин, Жан (1509–1564), деятель Реформации, основатель протестантского вероучения кальвинизма; Локк, Джон (1632–1704), английский философ-просветитель.

Подобно другим южанам, он считал, что география и климат многих территорий на западе страны, стремящихся стать штатами, исключали возможность того, что там когда-либо устоится рабство, и что только на юго-западе страны можно будет сдерживать растущий натиск свободных штатов путем принятия в Союз рабовладельческих штатов и избрания новых сенаторов, представляющих захваченные у Мексики земли. Компромисс Клея 1850 г., имевший своей целью примирить разногласия между Севером и Югом в отношении окончательной судьбы этих земель, приобрел, таким образом, чрезвычайную важность.

Весь ход развития конфликта и разногласий, роста и упадка, силы и слабости достиг пика в 1850 г.

Трое главных действующих лиц в вашингтонской драме 1850 г. были коллегами по Конгрессу с 1813 г. Тогда они были молоды, полны гордости, страстей и надежд, и перед ними в ожидании застыл весь мир. Теперь, спустя почти сорок лет, на закате их жизненного пути (а они все умрут в течение двух лет), когда их юность и иллюзии остались в прошлом, они вновь сошлись в центре сцены.

Но они были не одиноки в своей борьбе. Масштаб личностей сенаторов Томаса Харта Бентона и Сэма Хьюстона не уступал высокой репутации их трех коллег. Каждый на своем жизненном пути был легендой, и, учитывая, что они представляли, соответственно, стратегически расположенные штаты Миссури и Техас, было неизбежно, что выбор, сделанный каждым из них в то время, когда страна медленно распадалась на части, повлияет на характер и исход всеобщей борьбы.

То, что раскол не стал фактом в 1850 г., как это произошло в 1861 г., в известной степени является заслугой Дэниела Уэбстера, от которого в значительной мере зависело, согласится ли страна с компромиссом Генри Клея. Причины, по которым он поддержал компромисс, результат оказанной им поддержки и распространенные вокруг

его имени клеветнические измышления будут детально освещены в Главе III.

То, что ключевой пограничный штат Миссури не присоединился в 1861 г. к Конфедерации, было в значительной мере данью памяти бывшего сенатора Томаса Харта Бентона. Ни одному человеку не удалось совершить больше того, что сделал сенатор Бентон для сохранения Союза. О его усилиях и его судьбе рассказывается в Главе IV.

Техас присоединился к Конфедерации, но не без борьбы, в результате которой пожилой сенатор Хьюстон превратился в развалину. О его жизненном пути рассказывается в Главе V.

III

Дэниел Уэбстер¹

*«не как человек из Массачусетса...
а как американец»*

Хворому старику не следовало выходить на улицу выюжной ночью 21 января 1850 г. Но с трудом дышащий и прерывисто кашляющий Генри Клей пробирался через сугробы к дому Дэниела Уэбстера. У него был план – план спасения Союза, и он знал, что нуждается в поддержке самого известного оратора и государственного деятеля с Севера. Он знал, что ему нельзя терять времени, так как назначенное на тот самый день послание президента Тейлора² Конгрессу будет содержать предложение принять Калифорнию в состав Союза в качестве свободного штата, что сыграет роль горючего, вылитого на бушующий огонь, который грозит поглотить Союз. Почему президент не упомянул Нью-Мексико? – задавал вопрос Север. А как насчет обеспечения выполнения Закона о беглых рабах? – спрашивал Юг. Как насчет работорговли в Округе Колумбия, границ Юты, Техаса? Росла раздражительность, раскрывались заговоры, разлад царил во всей стране.

¹ Уэбстер, Дэниел (1782–1852), американский государственный и политический деятель.

² Тейлор, Закари (1774–1859), президент США (1849–1850).

Но у Генри Клея был план – план нового Великого компромисса, целью которого было сохранение страны. В тепле комфортабельного дома Дэниела Уэбстера Клей в течение часа излагал содержание этого плана, и они вдвоем обсудили, как спасти Союз. Трудно найти в американской истории беседы, более продуктивные и парадоксальные по своим последствиям. Дело в том, что компромисс 1850 г. добавил к лавровому венку Генри Клея звание великого миротворца, но поддержка, оказанная ему Дэниелом Уэбстером, который, собственно, и обеспечил компромиссу успех, привела к его политическому распытию и к его историческому осуждению по меньшей мере на полвека.

Человек, к которому пришел Генри Клей в тот зимний вечер, был одной из наиболее выдающихся личностей в американской истории. Дэниел Уэбстер сегодня знаком многим из нас как борец с дьяволом за душу Джейбеза Стоуна в рассказе Стивена Винсента Бенета¹. Но в его жизни было множество сражений с дьяволом за его собственную душу – и в некоторых из этих сражений он потерпел поражение. Уэбстер, как писал один из его близких друзей, был «сплавом силы и слабости, тлена и божественности» или же, говоря словами Эмерсона², «большим человеком с мелкими амбициями».

Нет никаких сомнений, что он был великим человеком: он так выглядел, он так говорил, к нему относились как к великому человеку, и он настаивал на том, что таковым он и был. Со всеми его ошибками и неудачами Дэниел Уэбстер был несомненно самой талантливой личностью в истории нашего Конгресса: не с точки зрения его способности привлечь людей на свою сторону – в этом он

¹ Бенет, Стивен Винсент (1898–1943), американский поэт и писатель. Главным персонажем рассказа Бенета «Дьявол и Дэниел Уэбстер» был фермер из Нью-Гэмпшира Джейбез Стоун.

² Эмерсон, Ральф Уолдо (1803–1882), американский поэт, философ.

уступал Генри Клею; не с точки зрения выработки философии государственного правления – Кэлхун обходил его в этом; а с точки зрения его способности оживить и возвысить слабое чувство единства, чувство Союза, которое испытывали все американцы, но выразить могли лишь немногие.

Но как же мог его выразить Дэниел Уэбстер! Как он мог выразить практически любое чувство! С тех пор, как его первая речь в Конгрессе, содержащая критику войны 1812 г., привлекла в Палате представителей такое внимание, подобного которому никогда не удавалось завоевать ни одному из новичков, он стал выдающимся оратором своего времени – да и всех времен – как в Конгрессе, так и выступая перед затихшей толпой в Массачусетсе или в качестве адвоката на слушаниях в Верховном суде. Рассказывают, что даже строгий председатель Верховного суда Маршалл был растроган известным выступлением Уэбстера в качестве защитника по делу Дартмутского колледжа: «Это, сэр, как я уже говорил, небольшой колледж и, тем не менее, есть люди, которые его любят». После его выступления на двухсотлетнем юбилее основания Плимутской колонии¹ молодой гарвардский ученый писал:

«Я никогда в своей жизни не был столь взволнован публичным выступлением. Трижды или четырежды я думал, что моя голова взорвется от прилива крови... Я был совершенно вне себя и остаюсь в таком же состоянии по сей день».

А эффектная концовка его речи, произнесенной в ответ сенатору Хейну из Южной Каролины, когда двадцатью годами раньше стране угрожала сецессия, стала национальным призывом к единству, заученным наизусть всеми школьниками: «Свобода и Союз, сейчас и навсегда, едины и неразрывны!».

¹ Плимутская колония – первое поселение прибывших из Англии колонистов на американской земле (1620-е гг.).

Весьма медлительный оратор, произносивший едва ли больше сотни слов в минуту, Уэбстер сочетал музыкальное очарование своего глубокого голоса, напоминавшего звучание органа, с живым воображением, способностью раздавить своего оппонента потоком фактов, уверенной и неторопливой манерой говорить и эффектной внешностью, что делало его выступления магнитом, привлекавшим толпы людей в зал заседаний Сената. Он готовил свои речи с особой тщательностью, но только изредка записывал их для использования в качестве готового к произнесению текста. Утверждали, что он мог продумать свою речь предложение за предложением, вносить поправки в уме, не прибегая к карандашу, и затем произносить ее точно в том виде, в каком он ее продумал.

Конечно, эти эффектные внешние данные являлись половиной успеха его влияния на людей, не оставляя сомнений в том, что он был рожден, чтобы управлять людьми. Хотя ростом он был менее шести футов, его стройная фигура, контрастировавшая с размахом его плеч, придавала ему несколько театральный, но внушительный вид. Но самой запоминающейся, по свидетельству современников, была его замечательная голова. Незабываемое описание ее оставил Карлайл¹: «Загорелое лицо, будто грубо вырубленное из скалы; хмуро глядящие из-под нависших бровей темные глаза, похожие на угольные топки, которые вот-вот раздуют вновь; похожий на пасть мастиффа плотно закрытый рот». Один из его современников назвал Уэбстера «ходячей ложью, так как ни один человек на Земле не может быть таким великим, каким он кажется».

Дэниел Уэбстер не был таким великим, каким он казался. Трещиной в его граните было то, что его моральные качества, если выразиться осторожно, уступали другим его достоинствам. Он не видел ничего предосудительного в том,

¹ Карлайл, Томас (1795–1881), английский публицист, историк, философ.

чтобы написать президенту Банка Соединенных Штатов — в тот самый момент, когда в Сенате в разгаре были дебаты о возобновлении лицензии на деятельность Банка, — что он «не получил авансовой выплаты за его адвокатские услуги и она даже не была подтверждена, как обычно». Но Уэбстер принимал почести не как дары, а как услуги, которые ему вполне законно полагались. Когда он попытался уйти в отставку из Сената в 1836 г., чтобы возместить финансовые потери от спекулятивных операций в годы его адвокатской деятельности, его друзья из числа бизнесменов в Массачусетсе объединили усилия, оплачивая его долги ради того, чтобы он остался на своем посту. Согласно легенде, даже когда он уже был на смертном одре, раздался стук в дверь, и пожилой джентльмен, просовывая в нее большую пачку банкнот, произнес: «Нельзя, чтобы в такое время в доме не хватало денег».

Уэбстер принимал всё без исключения. Единственное, что трудно понять, это то, что он не видел в этом ничего зазорного ни с моральной, ни с других точек зрения. По всей видимости, он считал, что ему основательно недоплачивают, и ему никогда не приходило в голову, когда он получал жалованье сенатора Соединенных Штатов, что он добровольно согласился продать свои услуги и таланты, какими бы исключительными они ни были, народу Соединенных Штатов, и никому другому. Но Уэбстер оказывал поддержку деловым интересам Новой Англии вовсе не из-за получаемых денег, а исходя из собственных убеждений. Деньги мало что значили для него, разве что как средство удовлетворения его личных запросов. Он так и не накопил состояния. Он всегда был в долгах. И его никогда не беспокоил статус должника. Иногда он выплачивал свои долги, но лишь тогда, когда ему это было удобно, но, как говорил Джералд У. Джонсон¹, «к сожалению, он иногда

¹ Джонсон, Джералд У. (1890–1980), американский публицист, автор многих исторических и биографических трудов.

выплачивал свои долги не той монетой – не законным платежным средством, а доверием, питаемым к нему народом».

Но независимо от своих недостатков Дэниел Уэбстер оставался величайшим оратором своего времени, видным членом Американской коллегии юристов, одним из наиболее известных лидеров Партии вигов и единственным сенатором, способным сдерживать Кэлхуна. Таким образом, Генри Клей знал, что он должен привлечь такие незаурядные таланты на помощь своему Великому компромиссу. Время и последующие события доказали, что он был прав.

В то время как богоподобный Дэниел молча слушал, больной Клей разворачивал перед ним план своей грандиозной последней попытки удержать Союз от развала. Его ключевые положения состояли из пяти пунктов: (1) Калифорнию принять в Союз как свободный (нерабовладельческий) штат; (2) Нью-Мексико и Юту образовать как территории без собственного законодательства, которое предусматривало бы наличие или отсутствие рабства, что полностью противоречило энергично обсуждавшемуся предложению Уилмота¹, предусматривавшему запрещение рабства на вновь присоединяемых территориях; (3) Техасу предназначалась компенсация за часть его территории, отходящей к Нью-Мексико; (4) работорговля подлежала запрещению в Округе Колумбия; и (5) следовало принять более строгий и обязательный к исполнению Закон о беглых рабах, гарантирующий возврат хозяевам беглых рабов, схваченных в штатах Севера. Компромиссу предстояло быть отвергнутым южными экстремистами как мере умиротворения прежде всего из-за его первого и четвертого пунктов; и северными аболиционистами, считавшими, что он содержит 90% уступок Югу, а остальные 10% представ-

¹ Уилмот, Дэвид (1814–1868), американский политический деятель, конгрессмен.

ляют мало что значащую подачку Северу, прежде всего из-за его второго и пятого пунктов. Очень немногие северяне могли согласиться с ужесточением Закона о беглых рабах – наиболее ненавистной мерой из всех когда-либо одобренных Конгрессом (за исключением «сухого закона»), – который нарушался самым откровенным образом. Массачусетс даже принял закон, который объявлял преступлением соблюдение этого закона на территории штата!

Как же мог Генри Клей надеяться на одобрение такого плана Дэниелом Уэбстером из Массачусетса? Разве тот не пользовался особой известностью как стойкий враг рабства и сторонник принятия предложения Уилмота? Разве не он заявил Сенату во время дебатов по Орегону:

«Я выступлю против любого распространения рабства и любого увеличения представительства сторонников рабовладения где бы то ни было, когда бы то ни было и при любых обстоятельствах и готов даже сопротивляться любому давлению, любым утверждениям о якобы неизбежном ограничении влиятельных интересов, любым заговорам и любым компромиссам».

На той же неделе он написал своему другу: «С самой ранней юности я рассматривал рабство как огромное моральное и политическое зло... Вам не следует опасаться, что я проголосую за какой-то компромисс или совершу нечто такое, что будет противоречить тому, что я делал в прошлом».

Но Дэниел Уэбстер опасался, что социальное насилие «лишь укрепит в еще большей степени оковы рабства». А сохранение Союза было для него более важным, чем противодействие рабству.

Итак, в тот роковой январский вечер Дэниел Уэбстер пообещал Генри Клею свою условную поддержку и сопровождал это обещание собственным анализом кризиса. По-

началу он разделял взгляды тех критиков и историков, которые считали смехотворной саму возможность сецессии в 1850 г. Но, беседуя с южными лидерами и наблюдая «состояние страны, я пришел к выводу, что неизбежным результатом ухода от разрешения существующих разногласий будет гражданская война». «Я практически сломлен обрушившимися на меня заботами и неприятностями, — писал он своему сыну. — Я не знаю, как справиться с существующей чрезвычайной ситуацией и с помощью какого оружия одержать верх над безрассудством, проявляемым на Севере и на Юге с одинаковой степенью крайностей... Меня обуял страх, и мне недостает мужества».

В 1850 г. существовали две общественные группы, угрожавшие сецессией от Соединенных Штатов Америки. В Новой Англии Гаррисон¹ публично провозглашал: «Я аболиционист и, следовательно, выступаю за роспуск Союза». А на массовом митинге северных аболиционистов было заявлено: «Конституция является конвенцией со смертью и соглашением с адом». На Юге Кэлхун писал своему другу в феврале 1850 г.: «Ликвидация Союза является единственным оставшимся нам выходом». В своем последнем известном обращении к Сенату, зачитанном от его имени 4 марта, всего за несколько коротких недель до его смерти, когда он был уже слишком слаб и не был в состоянии говорить, он заявил: «Юг будет вынужден сделать свой выбор между запрещением рабства и сецессией».

Подготовительный съезд южан, также спровоцированный Кэлхуном, настаивал на созыве полномочного съезда представителей южных штатов в Нэшвилле в июне того рокового года с целью пропаганды идеи роспуска Союза.

Время созрело для сецессии, и очень немногие решались высказываться в пользу Союза. Даже Александр Стивенс

¹ Гаррисон, Уильям Ллойд (1805–1879), видный американский аболиционист, издатель газеты «Либерейтор», наиболее влиятельного рупора воинствующего аболиционизма.

из Джорджии, стремившийся сохранить Союз, писал разделявшим его взгляды друзьям на Юге: «Поддержка идеи роспуска Союза... становится все более распространенной среди южных сенаторов. Люди, которые двенадцать месяцев назад даже не позволяли себе думать об этом, начинают говорить о нем все серьезнее... кризис наступает все ближе... Сегодня я считаю раскол нашей Республики неизбежным». В течение критических месяцев, предшествовавших речи Уэбстера, шесть южных штатов, каждый из которых десятью годами позднее откололся от Союза, одобрили цели Нэшвиллского конвента и выделили своих делегатов. Хорэйс Грили¹ писал 23 февраля:

«Сегодня шестьдесят членов Конгресса желают и строят планы осуществления идеи роспуска Союза. Мы не сомневаемся, что созыв Нэшвиллского конвента состоится и что главной целью его инициаторов является отделение рабовладельческих штатов... с созданием независимой конфедерации».

Таким было опасное состояние, в котором находился Союз в первые месяцы 1850 г.

К концу февраля сенатор от Массачусетса решительно определил свою линию поведения. Дэниел Уэбстер решил, что только компромисс Клея сможет предотвратить сессию и гражданскую войну, и написал одному из своих друзей, что планирует «выступить с честной и правдивой речью в защиту Союза и снять тяжесть со своей совести». Во время работы над подготовкой текста он получал огромное количество предупреждений о том, какая критика будет спровоцирована его речью. Его избиратели и газеты Массачусетса убеждали его не изменять своей последова-

¹ Грили, Хорэйс (1811–1872), американский общественный и политический деятель, один из наиболее известных издателей и редакторов США.

тельной антирабовладельческой позиции, а многие настаивали на том, чтобы он занял еще более жесткую позицию в отношении Юга. Но сенатор из Массачусетса, как он писал своим друзьям 6 марта, уже принял решение «в одиночку столкнуть свой челн с берега». Он поступит в соответствии со своим кредо, изложенным в вызове, который он бросил Сенату несколькими годами раньше:

«Проявление непоследовательности во взглядах в результате изменения обстоятельств зачастую вполне оправдано. Но существует одна разновидность непоследовательности, которую нельзя оправдать, – это несовместимость убеждений человека с его голосованием, его совести с его поведением. Никто не сможет обвинить меня в непоследовательности такого рода».

Итак, настало 7 марта 1850 г., единственный день в истории, ставший заголовком речи, произнесенной в зале заседаний Сената. Сегодня никто не помнит – да никто и не помнил даже в 1851 г. – того официального названия, которое Уэбстер дал своему обращению, поскольку оно стало «Речью от седьмого марта», так же как День независимости стал известен как «Четвертое июля».

Осознав после многих месяцев бессонницы, что это может стать его последней серьезной попыткой, которую позволяет ему состояние его здоровья, Уэбстер собрался с последними силами, взбодрив себя окисью мышьяка и другими лекарствами, и посвятил утро этого исторического дня работе над предстоящей речью. Его прервал взволнованный парламентский пристав, который сообщил, что уже к этому времени – за два часа до начала заседаний Сената – зал заседаний, галереи, холлы и даже коридоры Капитолия заполнены теми, кто потратил несколько дней на поездку в Вашингтон из всех уголков страны, чтобы услышать Дэниела Уэбстера. Среди тех, кто пытался найти

хотя бы место для стояния, оказались многие иностранные дипломаты и большинство членов Палаты представителей. После того как было открыто заседание, сенаторы с трудом протискивались к своим местам сквозь толпу зрителей; временные сидения конструировались из кип государственных документов, положенных одна на другую. Большинство сенаторов уступили свои места дамам и стояли в проходах в ожидании взрыва – речи Уэбстера.

После того как председательский молоток вице-президента США открыл заседание, висконсинский сенатор Уокер, вышедший на трибуну, чтобы завершить речь, начатую днем раньше, сказал председательствующему, что «эта огромная аудитория собралась здесь не для того, чтобы услышать меня, да и существует лишь один человек, способный собрать такую аудиторию. Она ждет его выступления, и я считаю своим долгом, и делаю это с удовольствием, уступить трибуну сенатору от Массачусетса».

Толпа смолкла, когда Дэниел Уэбстер медленно поднялся на ноги, внушительная властность его незаурядного внешнего вида – огромные, темные задумчивые глаза, изумительный загар, величественная куполообразная голова – внушала такой же благоговейный трепет, какой она внушала на протяжении уже более тридцати лет. Облаченный в знакомый всем синий фрак с латунными пуговицами и светло-желтый жилет, он намеренно остановился, чтобы оглядеть величайшее собрание сенаторов, когда-либо присутствовавшее в этой палате, – Клей, Бентон, Хьюстон, Джефферсон Дэвис, Хейл, Белл, Касс, Сьюард, Чейз, Стивен А. Дуглас и другие. Не было видно лишь одного – захворавшего Джона К. Кэлхуна.

Все взоры были устремлены на оратора; никто, за исключением его сына, не знал, о чем он будет говорить. «Мне никогда ранее не доводилось быть свидетелем си-

туации, – писал один газетный корреспондент, – когда бы были проявлены столь глубокие чувства и столь всеобщее желание уловить самые слабые отзвуки голоса оратора».

В моменты своего великолепного вдохновения Уэбстер, как Эмерсон когда-то описал его, действительно походил на «огромную пушку, заряженную под самое дульное отверстие». Мобилизовав в последний раз свои гипнотические ораторские способности, он отказался от своего прежнего неприятия рабства на территориях, не являющихся штатами, отказался от непримиримого неприятия его избирателями Закона о беглых рабах, отказался от своего собственного места в истории и сердцах своих соотечественников, отказался от последней возможности добиться цели, ускользавшей от него на протяжении более двадцати лет, – президентского поста. Дэниел Уэбстер предпочел рискнуть своей карьерой и своей репутацией, но не рисковать Союзом.

«Господин президент, – начал он, – я намерен говорить сегодня не как человек из Массачусетса, и не как человек с Севера, а как американец и член Сената Соединенных Штатов... Я выступаю сегодня за сохранение Союза. Выслушайте мое изложение сути дела, каким я его вижу».

Он проговорил лишь короткое время, когда сухопарая, сторбленная фигура Кэлхуна, облаченная в темное пальто, драматично проследовала в сопровождении служителей Сената к своему месту в зале, на которое Кэлхун, дрожа всем телом, уселся, практически не способный двигаться и не замеченный оратором. После того как Уэбстер несколько раз выразил сожаление по поводу того, что болезнь помешала почтенному сенатору от Северной Каролины присутствовать на этом заседании, Кэлхун с трудом встал на ноги, ухватившись за подлокотники кресла, и четким загробным голосом произнес: «Сенатор

от Северной Каролины *присутствует* на своем месте». Уэбстер был глубоко тронут и со слезами на глазах поклонился Кэлхуну, который вновь уселся на свое место в полном изнеможении, уставившись на оратора из Массачусетса с сфинксоподобным выражением лица, не проявляя ни одобрения, ни неодобрения.

Дэниел Уэбстер защищал интересы Союза в течение трех часов и одиннадцати минут, лишь изредка заглядывая в свои подробные записи. Излагая претензии обеих сторон, он призывал к примирению и взаимопониманию во имя патриотизма. Основной заботой Сената, настаивал он, является не поощрение рабства и не ликвидация его, а сохранение Соединенных Штатов Америки. Демонстрируя убедительную логику и замечательный дар предвидения, он подверг резкой критике идею «мирной сессии»:

«Сэр, Вашим и моим глазам не суждено когда-либо увидеть это чудо. Расчленение этой огромной страны без потрясений! Кто настолько глуп... чтобы ожидать увидеть что-либо подобное?.. Вместо того, чтобы говорить о возможности или полезности сессии, вместо того, чтобы пребывать в этих пещерах темноты... давайте наслаждаться свежим воздухом свободы и Союза... Давайте превратим наше поколение в одно из самых могучих и блестящих звеньев в той золотой цепи, которой, как я наивно верю, предстоит на долгие времена приковать всех людей из всех штатов к нашей Конституции».

Аплодисментов не было. Да, были слышны бормотание и шепот изумления, но не аплодисменты. Возможно, его слушатели были слишком напряжены или слишком поражены. Один из репортеров бросился в телеграфную контору. «Господин Уэбстер взял на себя огромную ответственность, – телеграфировал он в свою газету, – но не-

зависимо от того, преуспеет он или потерпит поражение, мужество, с которым он выступил, заслуживает по меньшей мере уважения нашей страны».

Дэниел Уэбстер действительно добился успеха. Даже несмотря на то, что его речь была отвергнута многими на Севере, сам факт того, что кто-то из тех, кто представлял столь воинственно настроенных избирателей, призвал к взаимопониманию во имя единства и патриотизма, был высоко оценен в Вашингтоне и по всему Югу как честное подтверждение прав южных штатов. Несмотря на личную непреклонность самого Кэлхуна, принадлежавшая ему чарльстонская газета «Меркюри» высоко отозвалась об обращении Уэбстера, назвав его речь «благородной по языку, великодушной и примирительной по тону. Четкое и яркое выступление господина Кэлхуна могло бы сыграть едва ли не решающую роль, если бы за этим так быстро не последовало тонкой игры господина Уэбстера». А газета «Пикаюн», издававшаяся в Новом Орлеане, отдавала должное Уэбстеру за «проявление высокоморального мужества в том, что является, по его мнению, справедливым по определению и необходимым для мира и безопасности нашей страны».

Таким образом, опасность немедленной сецессии и кровопролития миновала. Как заметил сенатор Уинтроп, речь Уэбстера «разоружила и успокоила Юг [и] нокаутировала Нэшвиллский конвент». Газета «Джорнел оф коммерс» спустя несколько месяцев нашла нужным отметить, что «Уэбстер сделал больше, чем кто-либо другой во всей стране, и притом за счет серьезного ущерба для своей личной популярности, чтобы остановить и сдержать поток местничества, который грозил в 1850 г. разрушить основы Конституции и Союза».

Некоторые историки – особенно те, кто писал во второй половине XIX века под влиянием высокоморального пыла красноречивых врагов Уэбстера из числа аболиционистов, – не согласны с Алланом Невинсом, Генри

Стилом Коммаджером, Джеральдом Джонсоном¹ и другими, кто высоко оценил речь от седьмого марта как «пример государственного мышления наивысшего уровня... последнюю услугу, оказанную Уэбстером нашей нации». Многие отрицают, что сецессия могла произойти в 1850 г., если бы не было такого рода компромиссов; другие считают, что последующие события доказали, что сецессия была в конечном счете неизбежной, независимо от того, какие компромиссы были достигнуты. Есть и такие, кто настаивает на том, что отсрочка войны на десять лет сузила число проблем, разделявших Север и Юг, и в конечном счете помогла спасти Союз. Дух примирения, присутствовавший в речи Уэбстера, придал Северу праведное чувство того, что им были предприняты все возможные усилия, чтобы к Югу относились справедливо, а защитники Союза еще больше сплотились против того, что десятью годами раньше они считали нарушением Югом этих компромиссов. Даже с военной точки зрения Севера, отсрочка военных действий на десять лет позволила северным штатам существенно увеличить их преимущество в численности населения и избирателей, в промышленном производстве и строительстве железных дорог.

Нет сомнения в том, что это понимали многие сторонники Уэбстера, включая деловые и профессиональные круги Массачусетса, которые оказывали помощь в распространении тысяч копий речи от седьмого марта по всей стране. Это понимал Дэниел Уэбстер, который оставил народу Массачусетса следующее посвящение на печатных копиях речи: «Необходимость вынуждает меня говорить правду, а не произносить приятные слова... Я бы очень хотел доставить вам удовольствие, но я предпочитаю спасти вас, как бы вы ко мне ни относились».

¹ Невинс, Аллан (1890–1971), Коммаджер, Генри Стил Коммаджер (1902–1998), Джонсон, Джеральд (1890–1980), известные американские историки.

Но этого не поняли в 1850 г. ни аболиционисты, ни фрисойлеры¹. Очень немногие политические деятели имели честь оказаться жертвами таких талантливых избирателей. Преподобный Теодор Паркер, игнорировавший опасности сецессии, хваставший тем, что прячет беглого раба у себя в подвале и пишет свои проповеди, держа меч рядом с чернильницей и «заряженный и готовый к применению» пистолет в своем рабочем столе, безжалостно осудил Уэбстера с кафедры проповедника и продолжал это делать даже после его смерти: «Ни один из живших на этом свете людей не сделал так много для того, чтобы растлить сознание нации, – воскликнул он. – Я не знаю ни одного поступка в американской истории, совершенного сыном Новой Англии, с которым я могу сравнить этот, за исключением разве что поступка Бенедикта Арнольда»². «Уэбстер, – говорил Хорас Манн, – это падшая звезда! Люцифер, сошедший из рая!» Лонгфелло³ задал миру вопрос: «Возможно ли такое? Является ли он Титаном, швырнувшим горы в Хейна много лет назад?»⁴. А Эмерсон провозгласил, что «каждая капля крови в венах этого человека обладает мрачно глядящими глазами... Отсутствие у Уэбстера мо-

¹ Фрисойлеры (от англ. free soil), массовая радикально-демократическая фермерская партия, основанная в 1848 г., выступавшая за бесплатную раздачу поселенцам земель общественного фонда и за отмену рабства на вновь присоединяемых территориях. После 1854 г. влилась в Республиканскую партию.

² Арнольд, Бенедикт (1741–1801), американский генерал, участник Войны за независимость США, изменник, перешедший на сторону англичан. Его имя по сей день служит в США символом гнуснейшего предательства.

³ Лонгфелло, Генри Уодсуорт (1807–1882), американский поэт.

⁴ Имеются в виду знаменитые дебаты (в форме обмена речами в Сенате) между Уэбстером и сенатором Хейном (1791–1839), состоявшиеся в 1830 г. В ходе дебатов Хейн утверждал, что Конституция США является лишь договором между суверенными штатами, тогда как Уэбстер настаивал, что США являются единой нацией.

ральных качеств унизительно для страны». Для Уильяма Калена Брайанта¹ Уэбстер был «человеком, предавшим дело, которое он совсем недавно защищал, предавшим это дело при таких обстоятельствах, которые налагают на него пятно корыстного мотива». А для Джеймса Рассела Лоуэлла² он был «самым подлым и самым бессмысленно коварным человеком из всех, о ком мне доводилось слышать».

Чарлз Самнер, сменивший его в Сенате, внес имя Уэбстера в «черный список изменников. Утонченная измена господина Уэбстера сделала больше, чем что-либо иное, для того, чтобы сломить Север». Сенатор Уильям Г. Сьюард, блестящий «совестливый» виг, назвал Уэбстера «предателем дела свободы». Массовый митинг, состоявшийся в «Фенейл-холле», осудил речь Уэбстера как «недостойную мудрого государственного деятеля и хорошего человека» и провозгласил: «Существует ли Конституция или нет, существует ли закон или его нет, но мы не разрешим вывезти беглого раба из штата Массачусетс». Когда легислатура Массачусетса приняла новые резолюции, полностью противоречащие духу речи от седьмого марта, один из ее членов назвал Уэбстера «малодушным сыном Массачусетса, представляющим этот штат в Сенате в ложном свете», а другой ее член заявил, что «Дэниел Уэбстер будет счастливым человеком, если Господь в своем милосердном сострадании продлит его жизнь достаточно долго, чтобы он мог раскаяться в содеянном им и стереть это пятно со своего имени».

Бостонский «Курьер» объявил, что ему «не удалось обнаружить ни одного северного вига – члена Конгресса, который был бы согласен с господином Уэбстером», а многолетний защитник Уэбстера бостонская газета «Атлас» заявила: «Его мнение не является нашим мнением, как оно

¹ Брайант, Уильям Кален (1794–1878), американский поэт и газетный редактор.

² Лоуэлл, Джеймс Рассел (1819–1891), американский писатель, редактор, педагог и дипломат.

не является, осмеливаемся утверждать, и мнением вигов Новой Англии». Нью-йоркская газета «Трибюн» сочла, что речь была «не на уровне ситуации и недостойной ее автора»; нью-йоркская газета «Ивнинг пост» указывала на «предательское отступление... человека, который предал дело, которое он недавно защищал», а аболиционистская пресса назвала речь «бесчестным позором Дэниела Уэбстера... неопишимо низкой и злобной речью».

Эдмунд Квинси с горечью говорил о «непередаваемой словами подлости льва, превратившегося в спаниеля, заискивающего перед своими хозяевами, которым он лижет руку ради грязного куска пудинга, который они могут бросить ему». И наконец, имя Дэниела Уэбстера навсегда подверглось унижению в литературе нашей страны резкой характеристикой, которая была дана обычно мягким Джоном Гринлифом Уиттьером¹ в его бессмертной поэме «Ихабод»:

Как низко пал он! Свет погас,
Которым был он озарен,
И славы вокруг его седин
Навек лишился он!

Всё, что, любя, мы чтили в нем,
Ушло. Лишь власть осталась снова,
И ангел падший горд и умудрён,
Но мысль его теперь в оковах.

Нам остается бросить взор
Ушедшей славе вслед
И, пятясь, опустить глаза,
Чтоб скрыть стыда позор.

Спустя много лет Уиттьер вспоминал, что он написал эти горькие строки «в один из самых печальных моментов

¹ Уиттьер, Джон Гринлиф (1807–1892), американский поэт, аболиционист.

в своей жизни». Для Дэниела Уэбстера, самонадеянного, высокомерного гиганта веков, считавшего себя выше политической мстительности, нападки Уиттьера были особенно мучительными. Он пытался в какой-то мере не обращать внимания на своих обидчиков, заявляя, что ожидал клеветы и оскорблений, особенно со стороны аболиционистов и интеллектуалов, которые ранее презирали его, точно так же, как Джордж Вашингтон и другие до него подвергались оскорблениям. Тем, кто требовал скорого ответа, он просто рассказал историю старого дьякона, оказавшегося в аналогичной ситуации, который сказал своим друзьям: «Я взял за правило никогда не расчищать дорожку, пока не прекратит падать снег».

Но его опечалило то, что единственный другой виг из Новой Англии не счел возможным встать на его защиту, и заметил, что

«вступил в полемику, в которой среди моих ближайших друзей у меня нет ни руководителя, ни последователя... Я устал стоять здесь, практически в одиночку от Массачусетса, сражаясь за реализацию мер, абсолютно необходимых для благополучия страны... На протяжении пяти месяцев... ни один из моих коллег не проявил хотя бы слабого желания согласиться с моим мнением... С седьмого марта не было ни одного часа, когда бы я не ощущал тяжкого бремени забот. Я ни разу не садился за завтрак или обед с думами, не отягощенными заботами и проблемами».

Но несмотря на то, что он намеревался объяснить друзьям свои цели и заверить их в своем непоколебимом неприятии рабства, он, тем не менее, настаивал, что будет

«придерживаться до конца принципа, провозглашенного в моей речи... Если будет необходимо, я буду выступать в каждой деревушке Новой Анг-

лии... Я не могу предсказать, что произойдет в мятущемся сознании людей, но мои личные убеждения уже твердо сложились, и я буду и впредь целеустремленно следовать этим убеждениям... В чрезвычайное волнующее время намного легче раздувать и подпитывать пламя разлада, чем гасить его, и тому, кто советует проявлять умеренность, грозит быть обвиненным в невыполнении своего долга перед своей партией».

А на следующий год, хотя ему исполнилось уже 70 лет, Уэбстер отправился в продолжительную поездку по стране с лекциями, в которых он защищал занятую им позицию: «Если бы существовал всего лишь один шанс из тысячи, что это приведет к гражданской войне, я, тем не менее, считал бы, что даже такого шанса следует избежать, прибегнув к любой разумной уступке». Когда его усилия – а также усилия Клея, Дугласа и других – с целью достижения компромисса оказались в конечном счете успешными, он отметил с сарказмом, что многие из его коллег теперь говорили, что «они всегда намеревались защищать Союз до последнего».

Но Дэниел Уэбстер был обречен на разочарование в своих надеждах на то, что эта потенциальная поддержка поможет ему вновь претендовать на президентский пост. Оказалось, что его речь настолько основательно подорвала такие перспективы, что восстанавливающаяся популярность занятой им позиции не смогла бы удовлетворить огромные массы избирателей в Новой Англии и на всем Севере. Он не смог обеспечить выдвижение своей кандидатуры на пост президента страны, которого он так долго добивался; но он также не смог воспрепятствовать распространению утверждения (которое высказывали не только его современники-критики, но и позднее некоторые историки), что истинной целью речи от седьмого марта была попытка завоевать поддержку Юга в его претензиях на президентский пост.

Но этот «глубоко укоренившийся эгоизм», который, по твердому убеждению Эмерсона, нашел выражение в речи, вовсе не был побудительным мотивом для Дэниела Уэбстера. «Если бы он добивался выдвижения на пост президента, — указывает профессор Невинс, — он бы причесал фразеологию и включил бы в текст расплывчатые положения, касающиеся Нью-Мексико и беглых рабов. Главной мерой предосторожности для любого претендента на пост президента является обеспечение поддержки своего штата и местных интересов; и Уэбстер знал, что его речь распространит эхо негодования по всей территории штата от Маунт-Мэнсфилда до Монамой-Лайт». Кроме всего прочего, Уэбстер был достаточно проницательным политиком, чтобы знать, что расколота партия, подобная его собственной, отвернется от политически неоднозначных личностей и поддержит независимую, нейтральную личность — принцип, постоянно практикуемый вплоть до настоящего времени. И в 1852 г. Партия вигов пошла именно этим курсом. После того как голосование в поддержку компромисса разделило 52 голоса между Уэбстером и президентом Филлмором¹, партийный съезд предпочел популярного генерала Уинфилда Скотта². Уэбстера не поддержал ни один южный виг. А когда бостонские виги стали настаивать на том, чтобы партийная платформа признала ответственность за компромисс Клея, «автором которого (как они утверждали) был Дэниел Уэбстер, по согласованию с Генри Клеем и другими выдающимися государственными деятелями», сенатор Корвин из Огайо высказал, как говорят, саркастичный комментарий: «И я, по согласованию

¹ Филлмор, Миллард (1800–1874), 13-й президент США (1850–1853).

² Скотт, Уинфилд (1786–1866), американский генерал, участник англо-американской войны 1812–1814 гг., войны с Мексикой (1847) и нескольких войн с индейцами. В 1852 г. был кандидатом Партии вигов на пост президента США.

с Моисеем и с некоторой помощью со стороны, сочинил Десять заповедей».

Итак, Дэниел Уэбстер, который никогда не предполагал, что его речь поможет повысить его политическую популярность, и не собирался позволять своему честолюбию ослабить его призыв к сохранению Союза, скончался разочарованным и обескураженным в 1852 г., обратив свой взор на флаг, развевающийся с мачты яхты, которая стояла на якоре прямо напротив окна его спальни. Но до конца своих дней он как личность оставался верен своим принципам, обратившись на смертном одре с просьбой: «Жена, дети, доктор, я полагаю, что я никогда не говорил ничего не подобающего Дэниелу Уэбстеру». И до конца своих дней он оставался верен Союзу и своей величайшей приверженности принципу мужества. Подтверждение тому – его прощальное письмо Сенату, в котором Уэбстер написал собственную эпитафию:

«Я сохраню свою верность Союзу... абсолютно не обращая внимания на последствия, ожидающие меня лично. Что представляют собой последствия для личности по сравнению с добром или злом, которые могут ожидать страну в условиях такого кризиса, как нынешний?.. Последствия могут быть любыми, меня это не волнует. Ни один человек не может испытать слишком сильных страданий и ни один человек не может пасть слишком рано, если он страдает или умирает, отстаивая свободу и Конституцию своей страны».

IV

Томас Харт Бентон¹

«Я презираю дутую популярность...»

«Господин президент, сэр...» – с этими словами обратился в 1850 г. к практически безлюдной аудитории плотно сложенный, темноволосый сенатор. Те же немногие, кто присутствовал в зале, включая нервничающего сенатора, который только что назвал оратора скандалистом, видели перед собой человека с крупной, грубо отесанной головой и мощными вздувшимися от напряжения мышцами. Расправив свои широкие плечи, он произнес жестким неприветливым голосом слово «сэр» так, будто выпустил ядовитую стрелу.

«Господин президент, сэр... Я никогда не скандалю, сэр. Но я иногда сражаюсь, сэр, а когда я сражаюсь, сэр, за этим следуют похороны, сэр».

Никто не счел эти слова пустой похвальбой старшего сенатора из штата Миссури Томаса Харта Бентона. Правда, ему не доводилось убивать человека с юных лет жизни в Сент-Луисе, когда окружной прокурор США имел несчастье вызвать грубого миссурийца на дуэль (на расстояние девяти футов!²). Но весь Сенат знал, что Томас Харт

¹ Бентон, Томас Харт (1782–1858), американский государственный и политический деятель.

² Около 3 м.

Бентон был жестким и не придерживающимся никаких правил бойцом как в зале Сената, так и за его пределами, – но уже без пистолетов; теперь его оружием были разящий сарказм, бранная, хотя и весьма грамотная речь и пылкая острая полемика. Сам он оставался неуязвимым для ран, наносимых в ходе политических стычек, из которых его противники выходили истекавшими кровью и сломленными. Его высокое самомнение и крепкое здоровье сделали его толстокожим как духовно, так и физически (прочностью своего кожного покрова он был частично обязан ежедневному массажу с помощью щетки из конского волоса, «поскольку, сэр, римские гладиаторы делали то же самое». Когда его спросили, действительно ли щетка столь груба, он ответил: «Знаете, сэр, если бы я коснулся Вас этой щеткой, Вы бы завопили, что Вас убивают, сэр!»).

Но сейчас, завершая тридцатилетний срок пребывания в Сенате, Бентон подвергался нападкам во время своей последней битвы на финишной прямой – и в данном случае политические похороны, которые ему предстояло увидеть, могли оказаться его собственными. С 1821 по 1844 г. он царствовал над всеми в качестве «стержня политической деятельности в штате Миссури», первого сенатора штата, его самого обожаемого идола. Говоря словами одного из его противников, «любого, кто хотя бы шепотом произнес что-то критическое в адрес «старого слитка из золота» (кличка Бентона, которую он заслужил своей борьбой за введение твердой валюты), ожидала политическая смерть». Даже не обладая внушительным политическим опытом, постоянно защищая непопулярные в своем штате позиции и утратив в конечном итоге взаимопонимание с большинством своих молодых коллег-политиков, Бентон, тем не менее, вовсе не нуждался в обращении за помощью в переизбрании в этот чудесный период. То, что он один презирал покровительство, мелкое взяточничество, практикуемое в Конгрессе, и подношения лоббистов, возможно, беспо-

коило политиков, но не народ Миссури. От демократических кандидатов в легислатуру штата Миссури требовалось, чтобы они под страхом собственного унижительного поражения на выборах поклялись в том, что проголосуют за его переизбрание. Первый за всю историю сенатор, прослуживший непрерывно в течение тридцати лет, Томас Харт Бентон добился известности, которой не мог похвастаться ни один другой сенатор из вновь присоединенного штата, и он защищал интересы западных штатов с неумемной энергией, которая была не под силу выступающим против него кандидатам. «Пони-экспресс»¹, телеграфная линия и шоссейные дороги, ведущие в глубь страны, были в числе его самых достойных свершений, а строительство трансконтинентальной железной дороги и всесторонне развитый Запад, изобилующий населением и природными ресурсами, были его мечтой. Нанести поражение Бентону, отцу Сената и народному защитнику? «Никто не выступает против Бентона, сэр, – прорычал он. – Никто, кроме нескольких пиратствующих адвокатов из прерий; они являются единственными противниками Бентона. Бентон и народ, Бентон и демократия – это одно и то же, понятия-синонимы, сэр, понятия-синонимы».

Но к 1844 г., как грозные письма на стене, стали уже проявляться первые признаки неминуемого поражения. Миссури, рабовладельческий штат, чем дальше, тем четче осознавал, что узы верности связывают его с родственными штатами Юга. Штат стал все с большим подозрением относиться и к своему мятежному сенатору, чья преданность принадлежала в первую очередь не его партии или местническим интересам, а Союзу, за который он сражался – на полях военных действий и в Конгрессе, – и к откровенной независимости его воззрений, за которые он был намерен бороться и в том же Конгрессе, и за его пре-

¹ Почтовая служба, использовавшая перекладных лошадей и индейских пони, действовала между г. Сент-Джозеф (Миссури) и г. Сакраменто (Калифорния) с апреля 1860 по октябрь 1861 г.

делами. Его верность идеям Союза намного превосходила преданность Югу или Демократической партии. (Противники обвиняли Бентона в том, что, выступая на Национальном съезде Демократической партии в 1844 г., когда участники съезда были готовы отвергнуть кандидатуру Ван Бюрена¹, он заявил, что готов «скорее увидеть, как Демократическая партия погружается на 50 саженей в глубь адского пламени, чем поступиться одним дюймом в вопросе, касающемся господина Ван Бюрена»).

После того как в 1844 г. началась кампания по выборам в легислатуру штата, в которой стоял вопрос о его переизбрании, Бентон резко порвал со своим штатом и партией, добившись поражения договора об аннексии Техаса. Будучи уверен в том, что этот договор был заговором, тайно подготовленным Кэлхуном без учета прав мексиканцев или возражений с их стороны, явно в политических интересах и во имя распространения рабства и идей сецессии, Бентон – в действительности поддерживавший экспансию на запад континента и лежавшую в ее основе националистическую идею «предопределенной судьбы» – предоставил своим политическим противникам благоприятную возможность открыто напасть на него. Техасский договор пользовался популярностью в Миссури, несмотря на утверждение Бентона, что он не знает, действительно ли его избиратели выступали против занятой им позиции:

«Если да и если бы я знал об этом, я должен был бы подать в отставку с поста, так как не могу сознательно пойти против высказанного ими желания, голосуя против него, или поступить вопреки собственному представлению о своем конституци-

¹ Ван Бюрен, Мартин (1782–1862), 8-й президент США (1837–1841). В 1840 г. предпринял попытку баллотироваться на пост президента на второй срок, был выдвинут кандидатом Демократической партии, но потерпел поражение на выборах от кандидата Партии вигов Уильяма Генри Гаррисона.

онном или моральном долге, голосуя за него. Если альтернативой этому стало бы окончание моей политической карьеры, я был бы вынужден согласиться с этим».

Заклейменный как предатель в своей партии и своем регионе и как союзник вигов и англичан, Бентон явно утратил поддержку видных кандидатов в легислатуру штата Миссури и подвергался всевозможным персональным нападкам как чужак, несостоятельный должник и человек, пренебрегающий мнением других. Сенатор Бентон, объявила миссурийская газета «Реджистер», является «в душе демагогом и тираном... величайшим эгоистом в христианском мире... Куда бы он ни отправился, что бы он ни делал, в нем проявляется лишь одна черта характера – неистового, наглого, бессовестного демагога».

Но даже накануне выборов Бентон не прекращал осуждать политику своей партии по тexasскому вопросу. В зале заседаний Сената он выдвинул обвинение в адрес своих политических противников в Миссури, что их натравили Кэлхун, Тайлер и их друзья, включая «300 газет, находящихся на содержании у Государственного департамента, часть из них не столь явно». Его огромная личная популярность у рядовых граждан обеспечила ему избрание в легислатуру, но с преимуществом лишь в восемь голосов, и это в легислатуре, где его партия обладала большинством в 27 голосов. В то же время сторонник рабства демократ Атчисон был избран на освободившееся место в Сенате США большинством в 34 голоса. Сенатор Бентон вряд ли смог проигнорировать зловещие неписанные инструкции своего штата, фактически гласившие: «Умерьте свой независимый язык, сэр, и ожидайте указаний Юга, или же будьте готовы принять неизбежные последствия».

Но закалка юных дней, проведенных на фронтире в Теннесси, не приучила Томаса Харта Бентона уклонять-

ся от сражений, будь то с дикими зверями, соседями или политиками. Его жестокая схватка с Эндрю Джексоном¹, вынудившая его отказаться от многообещающей адвокатской и политической карьеры в Теннесси и переехать в Миссури, часто была предметом всевозможных толков, когда они оба стали политическими и личными друзьями в Вашингтоне. И много лет спустя, когда Бентона спросил один из политических новичков, знал ли он раньше Джексона, тот высокомерно ответил: «Да, сэр, я знал его, сэр. Генерал Джексон был очень великим человеком, сэр. Я стрелял и ранил его, сэр. Позже он очень мне помог, сэр, в борьбе с Банком Соединенных Штатов». Смахивающий на «дикого буйвола» – а кое-кто говорил: на «корявый дуб», – он вернулся в Сенат, будучи уверенным в том, что вся страна надеется, что он сможет вести борьбу по любому вопросу и каждый день.

Несмотря на то, что он едва не потерпел поражение в 1844–1845 гг., сенатор Бентон отважно противостоял своей партии и штату по вопросу об экспансии в Орегоне. Лично посодествовав обеспечению широкой общественной поддержки этой экспансии – особенно в штате Миссури, направившем большое число своих граждан в Орегон, он теперь считал, что позиция демократов: «либо весь Орегон, либо ничего», «пятьдесят четыре и сорок или война»², –

¹ Джексон, Эндрю (1767–1845), 7-й президент США (1829–1837).

² Вскоре после освоения американскими миссионерами (1834) занятой до этого индейским племенем и контролируемой совместно Англией и США Территории Орегона началось массовое ее заселение белыми колонистами-американцами. В 1844 г. вопрос о будущем этой территории стал одной из ключевых проблем президентской избирательной кампании. Упомянутые лозунги были выдвинуты в ходе кампании Демократической партией. Лозунг «54°40' или война!» отражал требование партии «возвратить» Орегон, аннексировав все северо-западное побережье Тихого океана вплоть до границ с Русской Аляской, проходивших именно по этой параллели. В случае отказа Англии уступить эту территорию предлагалось объявить Англии войну.

была чрезвычайно нереалистичной. Советуя президенту Полку¹ не придерживаться этих лозунгов в переговорах с Англией и Канадой, он критиковал своих коллег-демократов в Сенате – особенно мичиганского сенатора Льюиса Касса – за их отказ пойти на уступки, признав ошибочность своих взглядов. Объясняя, что «глупость» является своего рода болезнью, делающей миссурийских лошадей физически и умственно слепыми, болезнью, которую может излечить ветеринар, отсекающий определенный нерв, он заявлял, что «отсек у Касса этот нерв, сэр, и вылечил его».

Его называли трусом и предателем. Его биограф считал, что «ни один человек в истории не подвергался большим оскорблениям, чем он тогда».

Но Бентон продолжал идти своим независимым и все более одиноким курсом. Он не был намерен перейти в Партию вигов, чьи ограниченные политики, как он говорил, «были в состоянии понять меня... не лучше, чем крольчиха, рожающая 12 раз в год, может понять процесс деторождения у слониhi, приносящей приплод раз в два года». Не просил он финансовой помощи и у лоббистов, заполонивших Вашингтон. Он напрямую заявил агенту одной из групп, которая подыскивала источник субсидий на строительство кораблей, что единственным условием того, что он пошевелит пальцем для оказания помощи, будет завершение строительства кораблей, и что «они будут использованы для того, чтобы всех этих чертовых плутов, таких, как Вы, сэр, вывезли из страны». Не готов был он и на заключение мира с политическими лидерами Миссури, причем его нелюбовь к почтмейстеру г. Сент-Луис была настолько сильной, что он прибегнул к услугам транспортного агентства для доставки почты, которой, как он полагал, мог коснуться своей рукой почтмейстер Армстронг.

¹ Полк, Джеймс Нокс (1795–1849), 11-й президент США (1845–1849).

Лишь находясь у себя дома, Бентон был в мире со всем миром. Как писала в своих мемуарах его дочь Джесси Бентон Фремонт, «домашний очаг всей своей атмосферой мира и вдохновения придавал ему силы, и, находясь там, он никогда не страдал от воздействия царящей снаружи обстановки раздора в обществе». Но его семейная жизнь была омрачена смертью в раннем возрасте двух сыновей и продолжительной физической и душевной болезнью его жены, к которой он всегда относился с нежностью и любовью. Известен эпизод, наглядно показавший, что за его грубой самоуверенностью скрывается глубокая и теплая любовь. Однажды, когда Бентон принимал французского принца и других высокопоставленных гостей, в комнату забрела его полуодетая жена и стала с обожанием смотреть на своего мужа. Сенатор Бентон прервал возникшее было молчаливое замешательство, с достоинством и величественно представив свою жену принцу и другим гостям, сел рядом с ней и продолжил беседу.

Но в Сенате он был одиноким, жестким и безжалостным. Сидя за своим рабочим столом, уставленным стопками книг и бумаг, выступая перед зачастую пустыми галереями и индифферентно настроенной палатой, Бентон обрушивал на своих коллег тысячи статистических данных, классических иллюстраций и замечательных метафор, демонстрируя высокую образованность и оригинальность мышления. Позднее в некрологе отмечалось:

«Он зачастую был в состоянии с поразительной готовностью приводить цитаты из римского права или греческих философов, из «Георгик» Вергилия, из арабских «Тысячи и одной ночи», Геродота или Сервантеса, из «Священных ковров», немецких реформаторов или Адама Смита, из Фенелона или «Худибраса», из финансовых отчетов Некки или решений Трентского совета, из дебатов в ходе

принятия Конституции или данных об интригах «кухонного кабинета» или из каких-то давно забытых речей покойного члена Конгресса»¹.

Бентон, обучавшийся в течение всего лишь одного года в Университете Северной Каролины, хранил в своей памяти, как говорят, всю Библиотеку Конгресса США и получал огромное удовлетворение, если другой сенатор забывал дату или фамилию, запросив и получив из Библиотеки какой-то полностью забытый книжный том, отметив закладкой конкретную страницу, содержащую точную информацию, и послав его своему коллеге. Его собственная жажда знаний, особенно если речь шла о беспокойном Западе, была неутолимой и влекла его не только к книгам, но и, как утверждает один из его современников, к «охотникам и трапперам, скаутам, индейским вождям и иезуитским миссионерам».

Но никакой объем полученной информации, ни его бульдожья настойчивость или свирепый эгоизм не могли спасти Томаса Харта Бентона от мощной приливной волны, обрушивавшейся на Сенат и его собственный штат при обсуждении такого животрепещущего вопроса, как раб-

¹ «Георгики», дидактическая поэма римского поэта Марона Публия Вергилия (70–19 г. до н.э.); «Тысяча и одна ночь», сборник сказок, памятник средневековой арабской литературы; Геродот (490/480 – ок. 425 г. до н.э.), древнегреческий историк; Мигель де Сервантес Сааведра (1547–1616), автор «Дон Кихота»; Смит, Адам (1723–1790), английский (шотландский) экономист и философ; Фенелон, Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651–1715), французский писатель и религиозный деятель; «Худибрас», сатирическое произведение английского поэта Сэмюэля Батлера (1612–1680); Трентский совет, римско-католический собор, состоявшийся в Тренто, Италия (1545–1563), в поисках решения проблем католической церкви и Реформации; «кухонный кабинет», неофициальный совет, состоявший из ближайших друзей президента Э. Джексона и принимавший многие важные государственные решения.

ство. К несчастью, пока это не стало слишком поздно, Бентон отказывался признавать рабство в качестве важной проблемы, считал, что Миссурийский компромисс 1820 г.¹ (в результате которого его штат был принят в Союз, а сам Бентон стал членом Сената) вынес эту проблему за политические рамки, и отказался дебатировать его в зале заседаний Сената. «Я не могу подрывать авторитет Сената, снисходя к обсуждению рабства и развала Союза, – говорил он. – Заставить такие дебаты умолкнуть, вот о чем я молюсь, и, если этого невозможно добиться, я умолкаю сам». Один из тех немногих членов Конгресса, кто привез своих рабов с собой в свою вашингтонскую резиденцию, он, тем не менее, выступал в одинаковой степени против аболиционистов и сецессионистов, продолжающегося распространения этого зла с Юга на новые территории и против диктуемой партийной политикой эксплуатации агитаторами с Севера связанных с этим бед. Больше всего его удручал тот факт, что этот вопрос поднимался обеими сторонами в качестве препятствия на пути экспансии на запад континента и на пути процесса принятия новых штатов в Союз.

Начало конца Бентона – уже столь зримо обусловленного антагонизмом, спровоцированным им в вопросе о Техасе и Орегоне, – произошло 19 февраля 1847 г. Джон К. Кэлхун зачитал обеспокоенному Сенату тексты своих известных резолюций, настаивавших на том, что Конгресс не имеет никакого права вмешиваться в распространение рабства на территориях. Последующие события продемонстрировали правильность точки зрения Бентона о том, что эти

¹ Миссурийский компромисс, решение Конгресса США, согласно которому в состав Союза были одновременно приняты рабовладельческий штат Миссури и свободный штат Мэн, что обеспечивало сохранение баланса политических сил в Конгрессе. Компромисс временно ослабил напряженность в отношениях между Севером и Югом.

резолуции были всего лишь «головешками, рассчитанными на нужды предвыборной агитации и поддержку идеи раскола», снабжая рабовладельческие штаты программой, способной обеспечить единство – не только на уровне местных интересов, но и вокруг партийного руководства и в предвыборной кампании самого Кэлхуна, кандидата на пост президента страны. Тем не менее, Кэлхун призвал немедленно провести голосование и, в обстановке непродолжительного смятения, которое последовало за этим предложением, был разгневан и изумлен, увидев массивную и исполненную достоинства фигуру поднимающегося со стула Бентона, лицо которого пылало нескрываемым презрением к Кэлхуну, резолюциям и собственной политической судьбе.

Г-н Бентон: Господин президент, нам предстоят еще некоторые дела, и я не намерен уходить от дел ради каких-то абстракций.

Г-н Кэлхун: Я, конечно, предполагал, что сенатор от Миссури, представитель рабовладельческого штата, должен был бы поддержать эти резолюции...

Г-н Бентон: Сенатор хорошо знает из всей моей деятельности на общественном поприще, что я никогда не прекращу общественной деятельности и не возьму в руки пылающие головешки, чтобы поджечь весь мир.

Г-н Кэлхун: Ну что ж, теперь я буду знать, где мне искать этого джентльмена.

Г-н Бентон: Вы меня найдете в правильном месте... там, где находится моя страна и Союз. («Этот ответ, – писал Бентон в более поздние годы, – данный в тот день и в том месте, был одним из тех моментов в его жизни, который г-н Бентон хотел бы видеть зафиксированным его потомками».)

Когда Кэлхун инициировал серию тайных ночных сборищ конгрессменов из рабовладельческих штатов, решительно поддержанных коллегой Бентона из штата Миссури сенатором Атчисоном, Бентон отказался иметь что-либо общее с ними. Когда коллега Кэлхуна из Северной Каролины вызвал его на дуэль, Бентон отказался иметь что-либо общее с ним. Когда его предупредили, чтобы он не произносил хвалебной речи в честь такого врага рабства, как Джон Квинси Адамс, он отказался принять во внимание это предупреждение. И когда, наконец, в 1848 г. проблема рабства расколола Демократическую партию во время работы ее съезда, Бентон, сожалея о расколе и отрицая важность проблемы, отказался сколько-нибудь активно поддержать какую-либо из сторон. Теперь он был человеком без партии, политиком без признанной платформы и сенатором без избирательного округа.

Петля затянулась в начале 1849 г. Кэлхун, добившийся успеха в одобрении его резолюций несколькими южными legislatures, осудил Бентона в выступлении перед его противниками в штате Миссури как «обманывавшего Юг на протяжении последних десяти лет... Он мог бы нанести нам меньше вреда, находясь в рядах аболиционистов, чем находясь в наших собственных рядах. Его судьба будет судьбой всех предателей». Legislature Миссури подавляющим большинством голосов приняла резолюции Кэлхуна, выразила желание Миссури сотрудничать с другими рабовладельческими штатами и проинструктировала своих сенаторов голосовать соответственно. Разгневанный этой неудачей, Бентон выдвинул обвинение, что резолюции были инспирированы из Вашингтона и сфальсифицировали истинные взгляды штата Миссури. Они были, сказал он, «искаженным исходом подлого стечения обстоятельств, сильно папахивающим тайной изменой Союзу».

«Между ними и мной отныне и навсегда пролегли высокая стена и глубокий ров! Никакого общения, никаких компромиссов, никаких кокусов¹ с ними... С занимаемых мною высот я обращаюсь к народу Миссури, и, если он подтвердит выданные мне полномочия, я предоставлю ему возможность найти сенатора, который осуществит их пожелания, поскольку я не могу ни распустить этот Союз, ни мобилизовать одну его часть против другой».

Исполненный решимости содействовать отзыву или отмене принятых законодательством резолюций, Бентон предпринял воинственный тур поездок по своему враждебно настроенному штату. Он осудил основного представителя своей партии с Юга «Джона “Катилину”² Кэлхуна» (так он будет продолжать называть Кэлхуна почти до самой смерти последнего, наступившей в 1850 г. после продолжительной болезни). «Когда Всемогущий Господь налагает свою длань на человека, – заявил он, прекращая свои нападки, – тогда, сэр, я убираю свою руку». Выплескивая свой язвительный сарказм короткими, высокопарными залпами, исполненными колоссальной ярости, гнева и насмешек, день за днем, из города в город, он резко критиковал своих оппонентов и их политику, щедро пользуясь едкими бранными выражениями. Его властная и безжалостная грубость, личная мстительность и бескомпромиссная враждебность оттолкнули от него многих из тех, чью поддержку он мог в противном случае привлечь на свою сторону умиротворением. Начиная свое обращение к массовому митингу

¹ Кокус – закрытое собрание лидеров и активистов партии для обсуждения насущных вопросов ее деятельности.

² Катилина, Луций Сергий (ок. 108–62 гг. до н.э.), римский политический деятель. Инициатор заговора («заговор Катилины») против избранного римским консулом Цицерона с целью насильственного захвата власти.

словами: «Друзья мои, обращаясь к вам с этими словами, я имею в виду тех, кто пришел сюда, чтобы услышать правду и поверить в нее, а не кого-либо другого», — он подвергал резкой критике резолюции, называя их «лживыми с точки зрения фактов, подстрекательскими по характеру, раскольническими по своим целям, предательскими с точки зрения предложенного решения проблемы и узурпаторскими по сути... Вся концепция в целом, весь процесс стряпни и одобрения резолюций завершился обманом... заговором, имеющим своей целью убрать меня из Сената и с пути заговорщиков, замысливших раскол». Подвергая резкой критике своего давнишнего политического врага судью Нэптона, который, как считали, был автором проекта резолюций, он говорил, что любой человек, поступающий в соответствии с положениями предусмотренных резолюциями мер, «должен быть повешен согласно законам Соединенных Штатов, а если речь идет о судье, то *он заслуживает* быть повешенным».

Однажды, злобно зачитывая и комментируя список всех членов легислатуры, он остановился, дойдя до буквы «Д», и заявил, что ему почудилось зловоние нуллифайера¹. Когда же член легислатуры по фамилии Дэвис поднялся со своего места, чтобы заявить протест, Бентон зло кинул: «Я не называл Вашего имени, сэ. Повернитесь профилем к залу... [Дэвис, как дурак, повернулся]... Граждане, это не человеческий профиль, это профиль собаки». Когда один из его старых друзей, случайно не снявший шляпы, задал ему вопрос во время его выступления, Бентон сердито оборвал его: «Кто этот человек, граждане, осмелившийся прервать речь Бентона?». «Это Эйкок, полковник Эйкок», — ответил ему с десятков голосов. «Эйкок? Нет, граждане,

¹ Нуллифайер — сторонник «нуллификации», политического движения на Юге Соединенных Штатов, настаивавшего на праве штатов не исполнять федеральных законов, противоречащих их законам и интересам штатов (конец 1820 — начало 1830-х).

нет, это не петух, а, скорее, курица. Снимите шляпу, сэр, и сядьте на место»¹.

Находясь в другом городе и заметив с трибуны молчаливо сидящих в зале троих своих врагов, он назвал их резолюции «грибковым раком», а их самих, язвительно обратившись к ним по имени, — «притворно скромными, подобно проституткам, присутствующим на крестинах». Когда его внимание обратили на критику в его адрес со стороны одного известного противника, он воскликнул с издевкой: «Передайте ему: Бентон сказал, что он лжет из глубины своего желудка до корней его языка». Однажды Бентон оставил без ответа приветствие своего бывшего друга, не одобрявшего взятый им курс, и этот несчастный джентльмен поклонился и напомнил ему, кто он такой. В ответ Бентон холодно бросил: «Сэр, Бентон когда-то знал человека с таким именем, но он умер, да, сэр, он умер». Когда он взошел на трибуну в Файте, где высказывались угрозы в его адрес, если он решится появиться в пределах этого города, группа вооруженных лиц затеяла скандал. Но, согласно джефферсоновской газете «Инквайрер», «через четверть часа обидчики были уstraшены, а речь, продолжавшаяся четыре часа, была выслушана с вниманием и награждена аплодисментами».

Но бурное турне Бентона по городам не могло остановить волну, превосходящую по масштабам возможности одного человека или одного штата. Кэлхун, не скрывая злорадства, писал в конце лета своему приятелю:

«Говорят, что Бентон не сможет защитить себя в Миссури. Его коллега генерал Атчисон... говорит, что у Бентона столько же шансов стать сенатором, как и папой римским».

¹ Игра слов (англ.): слово «а соск» — «петух».

С другой стороны, один из друзей Бентона писал:

«Я сожалею о том, что господин Бентон столь часто прибегает к сквернословию. Хотя в этом плане его оппоненты... ничуть от него не отстают. Девять из двадцати двух демократических газет штата не выказывают намерения проявлять сдержанность, поливая его грязью и прибегая к таким эпитетам, как предатель, изменник, негодяй, «поджигатель амбаров»¹, аболиционист и фрисойлер.. Боюсь, что Бентон потерпит поражение».

Под занавес своего турне, оставаясь, по крайней мере, уверенным в том, как он выглядит, Бентон отправил народу штата Миссури послание следующего содержания:

«Мне не известны основания для этого заговора против меня, за исключением того, что я являюсь противником всех прогнивших политиков... Я стою за Союз в его нынешнем виде, и за это господин Кэлхун поносит меня как предателя Юга... подавая сигнал всем своим сторонникам в Миссури, чтобы они ополчились против меня... Заговор уже стал фактом... Резолюции по нуллификации были приняты обманом, которому, как об этом было известно, я никогда не подчинюсь... Во всех уголках штата назначались люди, которые должны были подвергать меня нападкам... Созывались митинги из специально подобранных лиц, которым давалось задание осуждать меня... Были

¹ «Барнбернер» («поджигатель амбаров»), представитель радикального крыла Демократической партии в штате Нью-Йорк. Боролись с коррупцией в штате, выступали против распространения рабства на вновь присоединенных территориях. В политике это прозвище применялось к радикалам, занимавшим недалеко-видную, бескомпромиссную позицию по какому-либо вопросу, невзирая на угрозу неминуемого поражения.

призваны на службу газеты... и были обмануты многие добрые граждане».

Но пристыдить своих противников призывами к совести ему не удалось. В декабре 1849 г. лидеры противников Бентона опубликовали заявление, в котором называли сенатора-ветерана «безрассудным, бесчестным и бессовестным... злобным, сознательным и упрямым лжецом... пытающимся предать свою партию в своекорыстных целях». А когда Конгресс собрался на очередную сессию, Кэлхуну удалось вынудить кокус Демократической партии лишить Бентона всех его постов в комитетах, за исключением комитета по иностранным делам, в котором его оставили лишь, как утверждает сфабрикованная легенда, по той причине, что за него благородно заступился Атчисон.

Даже колоссальный эгоизм Томаса Харта Бентона не мог заслонить от него того явного факта, что наступил его последний срок в Сенате, если... Согласится ли он на созыв съезда всех демократов Миссури для урегулирования своих разногласий с прорабовладельческим лагерем? «Я предпочту сесть за один стол с шестью тысячью трупов тех, кто умер от холеры в Сент-Луисе, чем принять участие в съезде вместе с этой шайкой негодяев!» Согласен ли он заступить хотя бы одним словом за Юг в ходе дебатов по компромиссу Клея в 1850 г. или в крайнем случае промолчать ради сохранения за собой столь любимого им места для будущих сражений? Нет, не согласен. Как позднее вспоминал его миссурийский помощник, «на раннем этапе своей жизни, читая Плутарха, он пришел к решению, что, если он будет вынужден пожертвовать своей политической карьерой во имя блага своей страны, он это сделает».

По мере того как в Миссури разворачивалась борьба за выдвижение кандидатуры его преемника в легислатуре штата, сенатор Бентон цепко держался за свой пост в Вашингтоне, продолжая откровенно критиковать взгляды своих

избирателей. Решив скорее согласиться с сокрушительным поражением, чем ставить под угрозу свои принципы (поскольку, как говорил Клей, намереваясь унизить его, у Бентона «шкура бегемота»), он возвышался над своими более именитыми коллегами с точки зрения простого морального мужества. Оказавшись изолированным от своих политических друзей на Западе и Юге и все еще сохраняя свое отрицательное отношение к аболиционистам, которых он считал не в меньшей мере ответственными за раскол Союза, Бентон придерживался исключительно независимого курса в своих злобных нападках на компромисс Клея. Резко критикуя набор мер, составлявших Великий компромисс, и презрительно насмехаясь над его авторами, он выражал недовольство, когда председательствующий то и дело призывал его к порядку. Так называемый компромисс, по мнению Бентона, был обманкой, содержащей слишком щедрые уступки сецессионистам и без какой-либо на то необходимости затрагивающей близкую его сердцу Калифорнию. Продление согласно Миссурийскому компромиссу пограничной линии рабства до Калифорнии и раскол таким образом штата или же задержка с его принятием в Союз, подверстанная к этому «омнибусному» законопроекту¹, – всё это было неприемлемо для Бентона, тестя полковника Джона Фремонта, героя исследования и освоения Калифорнии. «А что, если провал компромисса помешает принятию Калифорнии в Союз?» – спрашивал он.

Г-н Бентон... Кого тогда следует винить? Я не задаю этих вопросов сенатору из Кентукки [Клею]. Это может быть противозаконно, поскольку согласно законам нашей страны никто не может быть принужден к даче инкриминирующих показаний против себя.

¹ «Омнибусный» законопроект – правовой документ, охватывающий комплекс различных аспектов одной проблемы, голосование по которым проводится в целом, по всему документу.

Г-н Клей (со своего места): Я не требую защиты со стороны закона.

Г-н БЕНТОН: Будучи законопослушным и щедрым человеком, я обещаю ему защиту со стороны закона, требует ли он ее или нет. Пора ему начать думать об ответственности, которую он берет на себя, впутывая Калифорнию в это нагромождение, где ее неотвратно ждет гибель... Господин президент, настала пора покончить с этой комедией ошибок. Калифорния страдает, ожидая принятия в Союз. Нью-Мексико страдает, ожидая защиты. Государственные дела страдают, ожидая внимания к ним. Достоинство Конгресса страдает, ожидая прогресса в делах. Настала пора покончить с таким огромным количеством бедствий. И я внес предложение отказаться от бесконечного откладывания этой громоздкой массы несочетаемых законопроектов, каждый из которых противоречит другому, с тем чтобы заняться ими поочередно со всем вниманием, которое требует к себе каждый из них.

В течение того года еще одно мелодраматичное событие, названное «величайшим унижением, испытанным Конгрессом за все время его существования», продемонстрировало озлобленное отношение Юга к Бентону. Желчный сенатор Генри Фут из Миссисипи, не являвшийся слепым последователем Кэлхуна, но подозреваемый Бентоном в том, что содействовал в организации заговора с целью нанести ему поражение в Миссури, несколько раз брал слово, чтобы оскорблять Бентона настолько грубым образом, что превзошел даже риторические крайности самого миссурийца. Дразня его предстоящим поражением в Миссури, уязвленный словесными контратаками Бентона, Фут подвергал его осмеянию как человека, «находящегося под защитой своего возраста... под защитой своей собственной общепризнанной трусости».

В конечном счете Бентон объявил, что в случае, если Сенат не сможет защитить его от подобных «лживых и трусливых» оскорблений, он намерен «защитить себя, невзирая на то, чего это ему будет стоить». 17 апреля в разгар очередной словесной атаки Фута против него Бентон подошел к выходцу из Миссисипи, но затем повернул обратно, отреагировав на сдерживающий жест коллеги. Внезапно Фут выхватил пистолет и направил его на Бентона, который драматично распахнул свое пальто и воскликнул: «У меня нет пистолета! Пусть он стреляет! Пусть убийца выстрелит!».

Но выстрела не последовало. Сенат был шокирован, и, хотя специальный сенатский комитет по вынесению порицаний чуть было не дал нагоняй обоим виновникам скандала, словесные баталии между ними не прекратились. Когда Бентону стала известна угроза Фута о намерении написать небольшую книгу, в которой *делу* Бентона будет отведена главная роль, Бентон ответил: «Скажите Футу, что я напишу очень большую книгу, в которой он вообще не будет фигурировать!» (И он так и поступил.) А Фут, язвительно говоря об ожидаемом поражении Бентона в Миссури, патетически восклицал в Сенате: «Если мы были подданными тирании и если мы терпеливо несли ее бремя на протяжении многих лет, да, сэр, на протяжении почти 30 лет, то, слава Богу, сейчас мы можем воскликнуть наконец: “Узри тирана, поверженного в прах, и Рим свободен вновь”».

Ожидания Фута полностью оправдались. Поданный Бентоном голос против разделения Калифорнии оказался его последним важным поступком в Сенате. В январе 1851 г. после завершения двенадцатидневной борьбы между ее тремя окружными партиями – бентоновскими демократами, антибентоновскими демократами и вигами – легислатура Миссури в завершение сорокового тура голосования избрала вига. Спустя 30 лет выдающейся государственной

деятельности в Сенате Соединенных Штатов Томас Харт Бентон был постыдно уволен со службы и отозван.

Непобежденный Бентон, по-прежнему упорно отказываясь безропотно уходить в политическую отставку, обеспечивающую душевное спокойствие и популярность, вступил на следующий год в борьбу за возвращение в Конгресс в качестве представителя от Сент-Луиса. В его кампании, согласно оппозиционной газете «Кресент» из Нового Орлеана, «были использованы все виды публичных и личных обвинений. Он прибегал ко всем без исключения формам бранных слов и оскорблений. Он истощил весь словарный запас терминов английского языка, выражающих презрение и насмешку». Будучи избранным на последнем гребне личной популярности, Бентон тут же выбросил на ветер все шансы будущего переизбрания, выступив с одной из самых памятных и одной из самых бранных речей против основного решения своей партии – Билля Канзас–Небраска¹. Прибегнув к оскорбительной брани, он осудил положения, отвергающие высокоценимый им Миссурийский компромисс, и призвал нацию к бдительности. «Он голосует, как южанин, – комментировал Бентон замечания конгрессмена из Джорджии, – и голосует в соответствии с местническими интересами. Я тоже южанин, но голосую по проблемам общенационального звучания в соответствии с общенациональными интересами... Я южанин по рождению, южанин по своим убеждениям, интересам и связям, и я буду сохранять верность Югу во всем, где *справедливость* будет оказываться на его стороне».

Потерпев жестокое поражение в борьбе за переизбрание в 1854 г. и испытывая горе по поводу кончины его любимой жены, Бентон не был еще готов к тому, чтобы покориться. Он безуспешно пытался переизбраться в Сенат

¹ Билль Канзас–Небраска – решение Конгресса США, предоставлявшее право населению Территорий Канзас и Небраска самим решать вопрос о рабовладении.

в 1855 г. и в возрасте 74 лет предпринял еще одну безнадежную попытку избраться губернатором штата в 1856 г. Джесси Бентон Фремонт рассказала в своих мемуарах, что ее мужественный отец, испытывая страдания от смертельного рака горла, о котором он знал, мог выступать на публике, лишь сохраняя полное молчание в течение нескольких дней, предшествующих выступлению. Даже тогда его горло кровоточило во время и после по-прежнему свирепых речей. И тем не менее, он проехал более двенадцати тысяч миль во время обреченного на неудачу турне по стране в попытке нанести поражение вигам и антибен-тоновским кандидатам и возвратился домой, побежденный, но гордый, чтобы завершить свои монументальные исторические труды.

Его всегда отличал ярко выраженный эгоизм, за который его любили и презирали. Когда издатели его труда «Взгляд с высоты 30 лет» направили к нему посыльного, чтобы выяснить, каким тиражом следует, по его мнению, выпустить книгу, он высокомерно ответил: «Сэр, они могут совершенно точно определить на основе последней переписи населения, сколько в Соединенных Штатах семей, сэр», и это было единственным предложением, которое он счел нужным высказать. В своем предисловии к книге Бентон написал, что «простое перечисление решений, автором и основным инициатором которых он был, стало бы практически историей законодательных мер, принятых Конгрессом... Их длинный список известен по всей широте и долготе нашей земли, упоминается с частотой слов повседневного быта... и изучается маленькими мальчиками, в груди которых возникают честолюбивые чувства...».

Он умер, все еще продолжая работать, пользуясь услугами переписчика, когда его слабые руки уже не могли удержать перо, и не жалуясь даже в своих последних словах, которые он прошептал перед смертью: «Мне хоро-

шо, я удовлетворен». После его кончины, которую оплакивали по всей стране, стало известно, как мало ему удалось накопить для своих дочерей за время его честной карьеры.

Но даже в своей смерти и в своем поражении Томас Харт Бентон оказался победителем. Его голос из прошлого, звучавший от имени Союза, был одним из решающих факторов того, что штат Миссури отказался поддаться отчаянным усилиям втянуть его в сецессию вместе с другими родственными ему рабовладельческими штатами. Его судьба доказала мудрость последнего отчета Бентона перед теми, кто избрал его сенатором: «Я высоко ценю истинную популярность – уважение добрых людей к добрым делам. Я презираю дутую популярность, которая завоевывается незаслуженно и утрачивается без особых на то причин... Я был сенатором на протяжении 30 лет... Иногда мне приходилось действовать против предубеждений и спонтанных решений моих избирателей, но я неизменно действовал, полностью полагаясь на их способность понять меня и вынести мне беспристрастную и справедливую оценку, – и я никогда не оставался разочарованным».

V

СЭМ ХЬЮСТОН¹

*«...Я могу забыть о том,
что меня называют предателем»*

Первые лучи рассвета проникали в слабо освещенные помещения Сената в тот день 1854 г., когда последний оратор попросил слова. Утомленные продолжавшейся всю ночь сессией, изможденные и небритые сенаторы уныло сползли в свои кресла, бормоча: «Голосовать, голосовать», в надежде отбить охоту к дальнейшему обсуждению законопроекта, утверждение которого было уже обеспечено. Но сенатора Хьюстона из Техаса, героя Сан-Хасинто², было трудно обескуражить даже подавляющему большинству несогласных с ним, и его глубокий, мелодичный голос донес дерзновенные, хотя и литературно не отточенные слова яркого послания до его изумленных коллег – они стяхнули с себя тупое оцепенение, поразившее их уста-

¹ Хьюстон, Сэмюель (1793–1863), американский государственный и политический деятель.

² В сражении при Сан-Хасинто войска техасских повстанцев под командованием С. Хьюстона нанесли серьезное поражение мексиканской армии под командованием генерала Антонио де Санта-Ана. Взятый в плен генерал Санта-Ана подписал секретный мирный договор, признающий независимость Техаса (1836).

лое сознание, и выпрямились в своих креслах, внимательно прислушиваясь к оратору.

Законопроект, обсуждение которого только что завершилось, был известен как Билль Канзас–Небраска, новое средство Демократической партии «сохранить единство» и самая последняя по времени уступка Югу. Он отменял Миссурийский компромисс 1820 г. и вновь открывал проблему распространения рабства, которая, казалось бы, была решена компромиссом 1850 г., позволявшим населению этой огромной территории, простирающейся от Айовы до Скалистых гор, самостоятельно решать вопрос о рабстве, исходя из того что северная часть этой территории будет свободной, а южная – рабовладельческой. Для демократов и южан этот билль стал законом, который надо было обязательно принять.

Сэм Хьюстон был демократом с большим стажем. И Сэм Хьюстон был южанином по рождению, месту проживания, по своей лояльности и философии. Но Сэм Хьюстон был также Сэмом Хьюстоном, одной из самых независимых, уникальных, популярных, волевых и ярких личностей, когда-либо заседавших в зале Сената. Первый сенатор из Техаса, чье имя – имя главнокомандующего разрозненными и недоукомплектованными техасскими добровольцами, которые разгромили всю мексиканскую армию у Сан-Хасинто, захватили в плен ее генерала и объявили независимость Техаса – уже давно получило широчайшую известность. Он был провозглашен первым президентом Независимой республики Техас, членом ее Конгресса и вновь ее президентом до принятия Техаса в Союз в качестве штата. С этим 64-летним человеком справиться было нелегко, и ни местнические, ни партийные узы не могли заставить его молчать.

Сэм Хьюстон рассматривал Миссурийский компромисс, который он поддержал в 1820 г., будучи еще молодым конгрессменом из Теннесси, как торжественный и священ-

ный договор между Севером и Югом, фактически как часть Конституции, после того, как Техас был принят в Союз. Но он не был готов отвергнуть и компромисс 1850 г., который он поддержал несмотря на враждебность пламенных ораторов из Техаса, называвших его решение поддержать компромисс «самым дьявольским надругательством, когда-либо совершенным над Техасом». Пользуясь своим грубым, непритязательным, но искренним красноречием, он упрашивал утомленных коллег в своем не подготовленном заранее выступлении не ввергать страну в новые волнения по вопросу о рабстве.

Сэм Хьюстон должен был знать, что законопроект будет принят, он должен был знать, что ни один другой южный демократ не присоединится к нему, он должен был знать, что (после того, как слухи о занятой им позиции стали распространяться неделей раньше) ричмондская газета «Инквайер» заявила от имени его избирателей: «Ничто не может оправдать этого предательства, и ничто не сможет спасти предателя от вечного проклятия, которого это предательство заслуживает». Но, выпрямившись во весь рост, выпятив подбородок, выглядя живописно, если не эксцентрично в своей военной форме и жилете из кожи леопарда (иногда он появлялся в огромном сомбреро и мексиканском пончо), Сэм Хьюстон, «великолепный варвар», произнес одну из своих редких речей перед усталым, но внимательно слушавшим его Сенатом:

«Это исключительно опасное решение. И что же, вы ожидаете, что я буду хранить молчание и воздержусь от выполнения своего долга предупредить Юг от того результата, которого, как я считаю, следует ожидать? Я выскажусь, несмотря на все угрозы, запугивание или неодобрение, которые могут быть высказаны в мой адрес. Сэр, обвинение в том, что я становлюсь на сторону аболиционистов или фрисойлеров, на меня не действует. Исполне-

ние осознанного мною долга часто подсказывает мне необходимость противостоять объединенному строю той части страны, в которой я проживаю, где сосредоточены мои связи, с которой ассоциируются мои привязанности... Сэр, если это представляет собой благодеяние, рассчитанное на то, чтобы снискать к себе благоволение Юга, то я, как южанин, отвергаю его. Мне его не надо... Наши дети должны жить в будущем, либо наслаждаясь миром, гармонией и благополучием, либо смирясь с альтернативой анархии, разлада и гражданских беспорядков... Мы можем предотвратить последнее. И я уверен, что это нам удастся... Я заклинаю вас рассматривать это соглашение как меру, призванную гармонизировать и сохранить Союз. Сохраните Миссурийский компромисс! Не иницируйте волнений! Дайте нам мир!».

Это было, как вспоминал позднее Хьюстон, «самое непопулярное решение проголосовать именно так, как я проголосовал, [но] самое мудрое и самое патриотичное». Конечно, оно было самым непопулярным. Когда старина Сэм впервые добрался до Сената, новорожденный штат Техас был занят прежде всего вопросами строительства железных дорог, земельными вопросами, а также долгами и границами, не обладая сколько-нибудь тесными связями с Югом. Но сейчас Техас с его 150 тысячами дорогостоящих рабов и подавляющим большинством населения, настроенного в пользу Демократической партии и состоящего преимущественно из граждан, переехавших из других южных штатов, идентифицировал свои интересы с интересами, которые критиковал Хьюстон. Теперь Техас чуть ли не в единодушном порыве требовал скальпа Хьюстона как человека, «предавшего свой штат в Сенате», «присоединившегося к аболиционистам» и «дезертировавшего с Юга». Большинство в 73 голоса против трех легислатура штата

аплодировала коллеге Хьюстона за его поддержку Билля о Небраске и осудила позицию, занятую тем, кто когда-то был самым славным героем из всех, кого когда-либо знал штат. Съезд Демократической партии штата осудил великого воина как «не соответствующего демократии Техаса по своим взглядам». Далласская газета «Геральд» потребовала, чтобы Хьюстон подал в отставку с поста, на который с гордостью отправили его тexasцы, вместо того чтобы «занимать пост, права на который он лишился, представляя штат в ложном свете... Пусть он хотя бы раз прислушается к голосу возмущенных и преданных им избирателей, чьи интересы он искажает, чтобы Техас мог наконец говорить единым голосом и представлять единый фронт в Сенате».

Ко всему прочему, это было далеко не первое нарушение, допущенное сенатором Сэмом Хьюстоном, а попросту, как писала возмущенная газета «Стандард» из Кларксвилла, «последней соломинкой, сломавшей горб верблюду». Он схватывался с Джоном Кэлхуном по орегонскому вопросу, называя себя южанином, для которого «Союз был путеводной звездой» и который «не ощущал страха перед тем, что Север может желать уничтожения Юга, несмотря на документы, подписанные стариками и старухами и красивыми девушками». «Юг оказался побежденным Югом, если бы он был единым, его надо было бы покорять!», – воскликнула влиятельная южная газета, когда Кэлхун выступил с порицанием Хьюстона и Бентона за то, что они обеспечили его противникам необходимые для победы голоса. Но Сэм Хьюстон лишь ответил ему: «Я не знаю ни Севера, ни Юга, я знаю лишь Союз».

К тому же, он не был намерен иметь что-либо общее с подготовленными Кэлхуном резолюциями, содержащими требование «не затрагивать» рабства, и «Посланием Юга», критиковавшим этого уважаемого ученого мужа с Юга за его «давно вынашиваемые и непродуманные замыслы в отно-

шении Союза», и настаивал в Сенате, что он, Сэм Хьюстон, «представляет в этом зале весь американский народ». Но легислатура Техаса приняла резолюции, внесенные на рассмотрение Кэлхуном, и смотрела с подозрением на амбициозного бывшего президента Техаса, чье имя упоминалось в 1852 и 1856 гг. как на Севере, так и на Юге в качестве кандидата на пост в Белом доме.

И наконец, Хьюстон был первым видным сенатором, выступившим против решения Кэлхуна противодействовать принятию компромисса Клея в 1850 г. и цитировавшим Библию, чтобы заклеить тех, кто грозил сецессией, назвав их «бушующими морскими волнами, пенящимися своим собственным позором».

«Полагаете ли Вы, сэр, что Вам удастся избавить техасцев от тех трудностей, с которыми они столкнулись при вступлении в Союз? Нет, сэр... мы пролили кровь, чтобы вступить в него... Мы были в числе последних из вступивших в Союз, и, уже состоя в нем, мы будем последними из тех, кто выйдет из него... Я обращаюсь к друзьям Союза из всех уголков страны с призывом выступить как подобает мужчинам и принести на общий жертвенный алтарь все свои разногласия во имя блага своей страны и создать вокруг Конституции несокрушимый оплот. Это потребует мужественных усилий, сэр, и они обязательно столкнутся с предубеждениями, которые будут подвергать их нападкам со всех сторон. Они должны твердо стоять на защите Союза, независимо от того, какими последствиями это грозит им в личном плане».

Так его единственный голос, поданный против Билля Канзас–Небраска на рассвете того бурного дня 1854 г., стал действительно «последней соломинкой». В Сенате говорили во весь голос, что то был последний срок служения для

этого яркого генерала. Эти досточтимые сенаторы, вместе с которыми он служил, чьи речи не были в состоянии привлечь ту славу и любовь, которые окружали имя Сэма Хьюстона, возможно, реагировали с неодобрением на его эксцентричные одежды и его привычку обстругивать сосновые палочки, бормоча что-то себе под нос во время длинных выступлений сенаторов. Но они не могли не восхищаться его стойким мужеством и неукротимым индивидуализмом, проще всего выраженным в предисловии к автобиографическому наброску: «Эта книга лишит меня некоторых друзей. Но если бы даже она меня лишила всех друзей и не дала бы мне новых, поскольку, Божьей милостью, я свободный человек, я ее все равно опубликовал бы».

Противоречия в жизни Сэма Хьюстона могут казаться сегодня, спустя столетие, непримиримыми. Несмотря на то, что существуют многочисленные дневники, сборники речей и писем, которые освещают все стороны его жизни и все его достижения, сам Хьюстон, находящийся в центре арены связанных с его именем событий, остается в тени, загадкой для друзей-современников и тайной для внимательного историка наших дней. Мы можем прочитать письмо или дневник, в котором он на мгновение, казалось бы, теряет осторожность, но, закончив чтение, узнаём ненамного больше того, что знали до этого. Никто не может с определенностью утверждать, какой звездой был введом Сэм Хьюстон – своей собственной, техасской или звездой своей страны.

Он был неудержимо амбициозным человеком, и тем не менее в конечном счете он принес в жертву своему принципу всё, чего достиг и к чему стремился... Он был южанином, но тем не менее стойко сохранял свою лояльность Союзу. Он был рабовладельцем, защищавшим право священников с Севера обращаться в Конгресс с петициями против рабства; он был пресловутым пьяницей, давшим

обет воздержания; он был приемным сыном индейца из племени чероки, заслужившим свою первую военную награду, сражаясь с индейцами племени криков; он был губернатором штата Теннесси, но сенатором от Техаса. Он был попеременно то великодушным, то злопамятным, нежным и вместе с тем жестоким, эксцентричным; застенчивым, верным своему обещанию и вместе с тем оппортунистом. Но все противоречия, заложенные в характере Сэма Хьюстона, практически подтверждали его единственное, постоянно присущее ему качество: неукротимый индивидуализм, подчас таинственный, но неизменно мужественный. Разным людям он представлялся разным, но, столкнувшись с самой серьезной для него проблемой, он сохранил верность себе и Техасу. Смятение, испытываемое самим Сэмом Хьюстоном, было всего лишь смятением, испытываемым Соединенными Штатами в бурные годы, предшествовавшие Гражданской войне; живописная уникальность Сэма Хьюстона была не более чем простейшим выражением фронта, который он всегда хорошо знал.

В бытность свою мечтательным и непослушным мальчуганом, он сбежал из своего находившегося на фронтире дома в Теннесси и был усыновлен индейцами из племени чероки, назвавшими его «Ко-лон-нех» — Ворон. Став в 1813 г. пехотным офицером под командованием Эндрю Джексона, он был ранен вражеской пулей, которая раздробила его правую руку, когда он в одиночку ворвался на вражескую позицию во время сражения у Хорсшу, в то время как его солдаты дрожали от страха, укрывшись за холмом. Актер от природы с потрясающе сложенной фигурой, имевший склонность к колоритной одежде и речи, он быстро добился успеха в Теннесси как прокурор, конгрессмен и, наконец, как губернатор в 35-летнем возрасте. История его внезапной отставки с поста губернатора на пике популярности, которая, как надеялся его друг Джексон, сделает Хьюстона президентом США, окутана покро-

вом тайны. По всей видимости, через несколько дней после своей женитьбы он обнаружил, что честолюбивый отец его молодой и красивой невесты заставил ее принять предложение руки Хьюстона, хотя она в действительности любила другого. Его разум и дух были потрясены, он покинул цивилизованный мир и ушел в мир чероки, пьяных дебошей, отгородившись от политики и привычного общения. Спустя несколько лет, когда ему удалось восстановить свое душевное равновесие и целеустремленность, генерал Джексон, верность которому он всегда сохранял, направил его в Техас, где его фантастические военные подвиги стали такой же частью американского фольклора, как Вэлли-Фордж и Геттисберг¹. Но никакие приключения, уловки и счастливая вторая женитьба никогда не смогли избавить его от внутренней печали и меланхолии, которая по мере приближения политического поражения становилась в 1856 г. как никогда прежде очевидной для многих.

Но Сэм Хьюстон не был человеком, готовым угрюмо ожидать, когда первые признаки надвигающегося поражения сменяются лавиной, которая сомнет его. Он уже совершил во время осенних каникул Сената несколько поездок по Техасу, сравнивая Кэлхуна с «безрассудными демагогами», называя Дэвиса Джефферсона² «честолюбивым, как Люцифер, и холодным, как ящерица», и осуждая одинаково энергично и «безумный фанатизм Севера» и «сумасшед-

¹ Вэлли-Фордж, местечко в штате Пенсильвания, у которого зимой 1777/78 г. была организована зимовка истощенной Континентальной армии под командованием Дж. Вашингтона. При Геттисберге произошло крупное сражение времен Гражданской войны в США (1–3 июля 1863 г.) между армиями северян и конфедератов, в результате которого обе стороны понесли тяжелые потери. Считается поворотным пунктом, после которого исход войны в пользу северян был предрешен.

² Дэвис, Джефферсон (1808–1889), президент Конфедеративных Штатов Америки (1861–1865).

шие амбиции Юга». Долгие годы жизни в среде полукцивизированных индейских племен не внушили ему уважения к высоким постам; в более раннем возрасте он схватился физически с одним из конгрессменов – противников его идола Эндрю Джексона. (Позднее он сказал друзьям, что почувствовал «стыд, подобного которому не испытывал никогда раньше. Я полагал, что схватился с огромным псом, а оказалось, что это был презренный, скулящий щенок».)

А теперь он вступил в грандиозную схватку с тexasским чиновничьим миром, объявив о своем намерении добиться выдвижения кандидатом в губернаторы на выборах 1857 г. Он не собирался баллотироваться на этот пост как демократ или как кандидат какой-либо политической фракции или газеты и даже не намеревался подавать в отставку с поста члена Сената. Он будет баллотироваться как Сэм Хьюстон, чтобы «возродить политику штата. Людям нужно эмоциональное возбуждение, и я так же способен его обеспечить, как и кто бы то ни было другой».

Изобилие такого возбуждения он и обеспечил в первом самом настоящем сражении, которое когда-либо знал поголовно настроенный в пользу демократов Техас. Часто, сдирая с себя рубаху в ходе жаркой летней кампании, он страстно общался со слушателями во всех уголках Техаса, обрушивая на них весь свой огромный запас бранных эпитетов и испепеляющего сарказма. Шесть футов ростом, прямой, как стрела, с внушительной, но изящной мускулатурой, с пронзительным взглядом, источающим пренебрежение к его противникам и презрение к их политике, он получал истинное наслаждение от возможности пользоваться остротой своего языка, которая в существенной мере сдерживалась до этого сенатскими требованиями приличия. Одна оппозиционная газета описала (без сомнения, довольно точно) одну из его речей как «смесь оскорблений с самомнением... не основанную на исторической

правде... не пользующуюся приличным и благородным языком... Она отличалась с самого начала до конца такими эпитетами, как «воровская шайка», «мошенники» и “убийцы”». Когда во время одной из остановок в поездке по стране в помещении местного суда ему отказались предоставить слово, он успокоил собравшихся, что все в порядке:

«Я не являюсь налогоплательщиком здесь. Я не участвовал в приобретении ни одного кирпича или гвоздя для этого здания и не имею никакого права выступать в нем. Но если в пределах досягаемости моего голоса найдется хотя бы один человек, готовый выслушать Сэма Хьюстона, пусть он последует за мной вон к тем холмам. Я имею право говорить на земле Техаса, потому что я окропил ее своей кровью».

Заклейменный одними как изменник, а другими как «незнайка»¹ (на основе того, что когда-то он в течение непродолжительного времени флиртовал с этой фанатичной, но независимой партией), он писал своей жене, что «их грязное злословие отскакивает от меня, как вода с утиной спины».

Но его голосование по Канзасу и другим решениям, касающимся Юга, не поддавалось объяснению озлобленным избирателям, и Техас задал Сэму Хьюстону первую в его политической карьере порку. Настроенная против него «Газетт» заявила, что ему следует отказаться от места

¹ «Незнайка», член Партии «незнаек» (Know-Nothing Party), известной также под названием Американская партия (ранее – Американская нейтивистская партия), образовалась в 1840-х, прекратила существовать в годы Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Члены этой тайной партии отказывались от обсуждения вопросов ее деятельности, отвечая в целях конспирации «я не знаю», за что и были прозваны «незнайками».

в Сенате, вместо того чтобы «держаться за бесполезный пост... просто для того, чтобы получать ежедневное денежное довольствие». Но Сэм Хьюстон, воодушевленный тем, что потерпел поражение лишь в пропорции три к двум, возвратился в Вашингтон непоколебимым в своих взглядах, чтобы завершить свой срок в Сенате. Когда один из его противников-южан упрекнул его в зале заседаний Сената в том, что голос, поданный им против Билля Канзас-Небраска, обеспечил ему поражение, Хьюстон попросту ответил с тонкой усмешкой, что действительно «получил искреннее и радостное для меня подтверждение того, что избиратели намерены освободить меня от моих дальнейших услуг здесь». Он не ошибся. 10 ноября 1857 г. Сэм Хьюстон был бесцеремонно уволен легислатурой Техаса, а его преемником был избран более воинственно настроенный представитель Юга.

Обращаясь с прощальными словами к своим коллегам-сенаторам, Хьюстон сказал, что хотел уйти в отставку «с чистыми руками и чистой совестью»:

«Я бы не желал более гордой эпитафии на том куске гранита, который может быть установлен на моей могиле, чем «Он любил свою страну, он был патриотом; он был верен Союзу». Именно ради этого я прошел через муки; достаточно того, что мы квиты с теми, кто держал в руках жертвенный нож».

Но мы не можем завершить рассказ о политическом мужестве сенатора Сэма Хьюстона на его отставке из Сената. Возвратившись на свое ранчо в Техасе, доблестный экс-сенатор обнаружил, что не может уйти в отставку, когда губернатор, нанеся ему поражение двумя годами раньше, намерен повести штат по пути к сецессии. И осенью 1859 г. стареющий воин вновь баллотировался в качестве независимого кандидата на пост губернатора штата и вновь без поддерживающих его партии, газеты

и организации и произнес лишь одну предвыборную речь. Он будет полагаться, как он заявил своим слушателям по-прежнему гипнотизирующим голосом, «на Конституцию и на Союз, на всю старую джексоновскую демократию, которую я проповедовал и официально применял на практике. В политике я старомодный чудак, так как стойко привержен тем примитивным принципам, на которых была основана наша система правления».

Хотя его оппоненты беспрерывно утверждали, что сецессия и возобновление работорговли в Техасе вовсе не являлись действительными проблемами, Хьюстон упорно настаивал на их важности, а также на важности обещанной им более действенной защиты от терроризма на границах с мексиканскими и индейскими территориями. Предвыборная кампания носила очень жесткий характер, демократы и газеты желчно осуждали Хьюстона, возобновив ранее выдвигавшиеся против него обвинения в аморальности и трусости. Но, как ни странно, притягательность поднятых им тем (пусть даже преждевременно), наличие личной поддержки в среде его старых друзей, отвращение к администрации его оппонентов, новая популярность, завоеванная Хьюстоном непосредственно накануне его отставки в результате разоблачения им в Сенате коррумпированного федерального судьи, и всплеск сентиментального сочувствия к нему после его возвращения в любимый Техас – всё это способствовало избранию Сэма Хьюстона губернатором вопреки тому поражению, которое он испытал двумя годами раньше. Это было первой неудачей южных экстремистов за последние десять лет, и вновь избранный губернатор подвергся нападкам возмущенных техасских газет, заклеймивших его как «предателя, которому надлежит пасть, чтобы не восставать больше никогда», и как «одного из самых отъявленных врагов Юга – южного фрисойлера».

Старый джексоновский национализм, которым он руководствовался на протяжении всей своей карьеры, столкнулся сейчас с самым серьезным испытанием. Утверждая, что поголовно враждебная демократическая легислатура в действительности не представляла народ штата, губернатор Хьюстон нарушил все прецеденты, обратившись со своим инаугурационным посланием непосредственно к народу со ступенек Капитолия штата, а не к сессии двухпалатной легислатуры. Хьюстон заявил перед огромной массой слушателей, собравшихся на лужайке перед Капитолием, что он является губернатором народа, а не какой-либо партии и что, «когда Техас соединил свою судьбу с судьбой Соединенных Штатов, он вошел не в Север и не в Юг, его связь была не местнической, а общенациональной по характеру».

Но раны, нанесенные его избранием, не затянулись, и когда имя Сэма Хьюстона было предложено жителям Нью-Йорка на национальном съезде Демократической партии в 1860 г. в качестве «человека, который одержит сокрушительную победу по всей стране», экс-губернатор Техаса Раннелс, возглавлявший делегацию своего штата, вскочил на ноги: «Господи, сэр! Я тот самый человек, которого Сэм Хьюстон недавно победил на губернаторских выборах, и любая похвала в его адрес чертовски неприятна мне».

С явным намеком на такого рода врагов Хьюстон заявил в своем первом общем обращении к легислатуре штата в 1860 г.:

«Несмотря на горячечный бред заблудших ревнителers и нечестивые угрозы фанатичных противников Союза, любовь к нашей общей стране все еще горит ярким пламенем былых времен... в сердцах хранящего традиции народа Техаса... Техас сохранит верность Конституции и поддержит Союз. Только это сможет спасти нас как нацию. Стоит разрушить это, и тогда нас ожидает анархия».

Когда Северная Каролина пригласила Техас направить своих делегатов на Южный конвент для выражения протеста против «нападков на институт рабства и на права Юга», Хьюстон передал текст приглашения в легислатуру штата просто из соображений вежливости, но предупредил ее членов в написанном властным языком документе: «Союз создавался навечно». Прибегнув к умелым политическим маневрам, он воспрепятствовал принятию приглашения, направленного Северной Каролиной, что вынудило сенатора Айверсона из Джорджии призвать некоего «техасского Брута» «встать и освободить свою страну от седовласого демона». По мере того, как в ходе напряженной президентской избирательной кампании 1860 г. ширилась поддержка идеи сецессии, губернатор Хьюстон мог лишь уговаривать своих нетерпеливых избирателей немного подождать, чтобы убедиться в позиции господина Линкольна в случае его избрания президентом страны. Но тот факт, что он получил на съезде Республиканской партии несколько вписанных без его ведома голосов в пользу избрания его вице-президентом в паре с Линкольном, прибавило сил его врагам. И когда в августе таинственным образом сгорел город Хендерсон, губернатор не смог ничего поделать, чтобы предотвратить линчевание, создание «комитетов бдительности» и гневные протесты, следовавшие за распространением слухов о негритянских мятежах и поджогах. За речью Хьюстона в городе Вако, в которой он осудил сецессию, последовал взрыв бочки с порохом за гостиницей, в которой он ночевал, что не нанесло ему лично вреда. Невзирая на грозившую ему опасность как в личном, так и в политическом плане, он, будучи больным, поднялся с постели в сентябре, чтобы обратиться с последним призывом:

«Я выступаю за нанесение поражения местничеству с помощью не местничества, а национальной принадлежности... Эти чувства не новы для меня.

Я излагал их американскому Сенату в 1856 г. Я излагаю их вам и сейчас. Меня осуждали тогда как изменника. Меня осуждают и сейчас. Так тому и быть! Люди, никогда не испытывавшие лишений, тягот и опасностей, выпадавших на меня в борьбе за интересы моей страны, называют меня изменником, так как я стремлюсь воздать должное уважение Конституции и конституционным властям. Пусть они испытают то же, что я испытал ради этого Союза, и они почувствуют, что эти идеи овладели их сердцами настолько прочно, что отказ от них будет подобен разрыву жизненных связей... Кто эти люди, называющие меня изменником? Это те, кто марширует под национальным знаменем и готов встать на его защиту? Это мое знамя... и, пока оно гордо реет надо мной, как оно реяло в гуще бурных событий, в которых эти люди не участвовали, я могу забыть о том, что меня называют предателем».

Авраам Линкольн был избран президентом, и немедленно по всему Техасу в атмосфере взволнованного и воинственного ожидания взвился флаг одинокой звезды¹. Призыв Хьюстона к тому, чтобы Техас боролся за свои права «в рамках Союза и во имя Союза», не был услышан. «Это проявление чувства раболепия», – резко заявила пресса, и, когда был созван сецессионистский конвент², губернатора Хьюстона отпихнули в сторону.

¹ На флаге и гербе штата Техас изображена единственная звезда, символизирующая независимость штата. Техас называют также «штатом одинокой звезды».

² В каждом из отделившихся от Соединенных Штатов мятежных штатов Юга, основавших Конфедеративные Штаты Америки, Ордонанс о сецессии принимался соответствующими сецессионистскими конвентами.

Отчаянно борющийся за сохранение уз руководства правительством штата в своих руках, губернатор Хьюстон созвал чрезвычайную сессию легислатуры штата, осудив экстремистов как Севера, так и Юга и настаивая на том, что он «еще не потерял надежды на то, что наши права могут быть сохранены в Союзе». Если этого не произойдет, считал он, независимость предпочтительнее присоединения к лагерю южан.

Но лидеров сецессионистского конвента, признанных легислатурой и поддержанных дезертировавшим командующим вооруженными силами Союза в Техасе, остановить уже было невозможно, и неожиданное появление губернатора, которого они ненавидели, но боялись, лишь ненадолго задержало их опрометчивый порыв к сецессии. В тот день, когда намечалось принятие Ордонанса о сецессии, Сэм Хьюстон сидел на платформе, храня угрюмое молчание, своим присутствием ободряя тех немногих сторонников сохранения Союза, которые оставались в зале. «Тем, кто рассказывает о его замечательной атаке на холмах Сан-Хасинто, – отметил историк Уортон, – я говорю, что потребовалось в тысячу раз большее мужество, когда он явился в зал заседаний Сецессионистского конвента в Остине и в одиночку бросил ему вызов и внушил им страх». Когда Джеймс У. Трокмортон, взбодренный волшебством присутствия Хьюстона в зале, подал один из семи голосов против сецессии, на него громко и злобно зашикали, а он, поднявшись со своего места, произнес памятные слова: «Когда сброд шикает, патриоты вполне могут задрожать».

Но испугавшихся было немного, когда ордонанс был принят и передан на одобрение народа в ходе проведенного месяцем позже референдума. Бывший сенатор в одиночку немедленно отправился в поездку по штату с кампанией, имевшей своей целью оставить Техас в Союзе. Он был встречен по всему штату хулиганствующими толпами и об-

винениями в предательстве. В Вако угрожали его жизни. В Белтоне вооруженный хулиган неожиданно поднялся с места и направился к нему. Но старина Сэм Хьюстон, глядя ему прямо в глаза, положил обе руки на свои два пистолета и произнес: «Леди и джентльмены, сохраняйте спокойствие. Это всего лишь дворняжка, облаивающая льва в его логове». Неуязвимый, он шествовал по штату, сохраняя столь характерное для него достоинство и ярким сарказмом ставя в тупик своих врагов. Когда его попросили высказать искреннее мнение о лидере сецессионистов, Хьюстон ответил: «Он обладает всеми качествами собаки, за исключением верности». В 75-летнем возрасте, все еще обладающий внушительной прямой фигурой, пронизательным взглядом и массивной копной седых волос, старина Сэм завершил свое турне в Галвестоне, произнеся следующие слова перед шикающей толпой хулиганов: «Кое-кто из вас, смеясь, пренебрегает опасностью кровопролития, которое может произойти в результате сецессии, – воскликнул он, – но разрешите мне сказать, что вам предстоит. Вы сможете ценой бесчисленных миллионов сокровищ и сотен тысяч бесценных жизней завоевать чисто случайно независимость Юга, если Господь не будет вам препятствовать в этом. Но я сомневаюсь в этом. Север исполнен решимости сохранить Союз».

К его предсказанию не прислушались. 23 февраля Техас огромным большинством проголосовал за сецессию, и 2 марта, в день рождения Хьюстона и день независимости Техаса, в Остине был созван чрезвычайный конвент, провозгласивший сецессию Техаса. Губернатор Хьюстон, все еще отчаянно пытающийся вновь овладеть инициативой, дал понять, что он сообщит легислатуре о своих дальнейших планах в этой связи. Рассерженные настойчивым утверждением губернатора об окончании правовых прерогатив конвента, его члены 109 голосами против двух провозгласили Техас частью Южной конфедерации и по-

становили, что все официальные лица штата должны будут принести 14 марта новую присягу на верность. Секретарь губернатора отреагировал просто и без лишних слов: губернатор Хьюстон «не признаёт существования конвента и не будет рассматривать его решения обязательными для себя».

14 марта, как описывает это событие один из свидетелей, зал заседаний конвента был «переполнен... и наэлектризован палящими излучениями, исходящими от людей, трепещущих от переполнявших их эмоций, пылающих и сгорающих в предвкушении исполненной жажды мщения битвы. Воздух был напоен возбужденным гамом множества голосов – сердитых, ликующих, пренебрежительных, которые перемежались иногда проклятием или оскорбительным эпитетом, но голоса Сэма Хьюстона не было слышно».

В назначенный час клерку конвента было поручено произвести перекличку официальных лиц штата. В огромном зале установилась тишина, и взоры всех присутствующих стали тревожно искать старого героя.

«Сэм Хьюстон!». Никакого ответа.

«Сэм Хьюстон! Сэм Хьюстон!» Возобновился гомон недовольных и презрительных голосов. Пост губернатора штата Техас Конфедеративных Штатов Америки был провозглашен вакантным, и вице-губернатор Эдвард Кларк, «мелкое существо, достойное презрения, бойкое и нахальное», выступил вперед, чтобы принести присягу. (Кларк, близкий личный и политический друг, избранный вместе с Хьюстоном, позднее войдет в губернаторский кабинет, чтобы затребовать архивные документы штата, но его бывший наставник, медленно подъехав на своей инвалидной коляске и уставившись ему в лицо, с величественным презрением спросил: «А как Ваша фамилия, сэръ?».)

В другой части Капитолия герой Сан-Хасинто, отбросив в сторону весь свой жизненный путь, отмеченный

политическим везением, славой и преданностью своего народа, с разбитым сердцем набрасывал каракулями свое последнее губернаторское послание:

«Сотраждане, во имя ваших прав и свобод, которые были, по моему мнению, растоптаны, я отказываюсь приносить эту присягу. Именем моей собственной совести и моей собственной мужественности... я отказываюсь приносить эту присягу... [Но] я слишком люблю Техас, чтобы вызывать в нем гражданские беспорядки и кровопролитие. Я не предприму попытки сохранить за собой власть как высшего администратора этого штата, за исключением мирного исполнения моих функций. Когда я буду уже не в состоянии их исполнять, я спокойно уйду со сцены... Я... повержен, так как я не откажусь от принципов, за которые сражался... Самую острую боль я испытываю по той причине, что удар по мне наносится от имени штата Техас».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВРЕМЯ И МЕСТО

Окончание столь дорого обошедшейся войны между Севером и Югом не привело к восстановлению мира и единства на политическом фронте. Аппоматокс¹ положил конец вооруженным действиям в этой братоубийственной войне, но не остановил политических набегов, экономического грабежа и межгрупповой ненависти, которые продолжали разорять расколотую страну. Острая вражда, возникшая по обе стороны «линии Мэйсона–Диксона»², в которую оказались вовлеченными Дэниел Уэбстер, Томас Харт Бентон и Сэм Хьюстон, продолжалась с прежней силой на протяжении почти двух десятилетий после окончания войны. Те северяне, которые хотели залечить раны нации и проявить сострадание и справедливость по отношению к Югу, – люди, подобные президенту Эндрю Джонсону и тем сенаторам, которые поддержали его в ходе

¹ Сражение при Аппоматоксе (9 апреля 1865 г.) – одно из заключительных сражений Гражданской войны 1861–1865 гг. в Америке, в ходе которого армия конфедератов под командованием генерала Роберта Ли потерпела сокрушительное поражение, а сам командующий сдался генералу Улиссу Гранту, командующему армией северян.

² Символическая линия раздела между рабовладельческим Югом и промышленно развитым Севером.

импичмента¹ – были пригвождены к позорному столбу за отсутствие патриотизма теми, кто размахивал «окровавленной рубашкой»². А тех южан, которые хотели продемонстрировать стране, что фанатическое местничество их региона ушло в прошлое, – людей, подобных Люшиусу Квинтусу Цинциннату Ламару из штата Миссисипи, – их же избиратели называли дезертирами, продавшимися вражеским завоевателям. Когда генерала конфедератов Боба Тумбса спросили, почему он не попросил прощения у Конгресса, Тумбс ответил со спокойной величавостью: «Прощения за что? Я еще сам не простил Северу».

Но старые конфликты по проблемам освобождения негров и Реконструкции³ со временем ушли в прошлое, а освоение недавно открытого Запада и возрождение разоренного Юга привели к появлению новых проблем и новых лиц в Сенате США. Он уже не был форумом наших самых выдающихся юристов–специалистов по конституционному праву, так как конституционные проблемы уже не доминировали в общественной жизни страны.

¹ В феврале 1868 г. Палата представителей США вынесла решение об импичменте президента Э. Джонсона, обвиненного в антиконституционных действиях, и передала это решение на утверждение в Сенат. Заседавший в течение трех месяцев Сенат США не смог получить поддержки большинства его членов: для утверждения этого решения не хватило одного голоса – голоса канзасского сенатора Э. Росса.

² «Окровавленная рубашка» – символ недоверия к южанам и призыв к мести Югу, используемый радикалами из Республиканской партии на протяжении нескольких десятилетий после окончания Гражданской войны. Термин вошел в американский политический словарь после выступления в Конгрессе США ветерана армии северян, размахивавшего окровавленной рубашкой.

³ В истории США XIX в. Реконструкцией именуется десятилетний переходный период между окончанием Гражданской войны и восстановлением нормальной политической и экономической жизни американского общества (1865–1875).

Легко нажитые деньги, внезапно возникшие состояния, всевозраставшее могущество политических структур и вопиющая коррупция во многом изменили страну, и Сенат, как и положено демократическому законодательному органу, точно отражал состояние страны. Корпоративные юристы и политические боссы, а не конституционные ораторы выступали глашатаями этой бурной поры, хотя отнюдь немало талантливых людей добились славы и денег, намного более доступных в мире крупных финансов и промышленности, а не в казавшихся безрадостными и незаметными трудовыми буднях государственного правления. (Как заметил один газетный редактор, если бы в это время жил Дэниел Уэбстер, он «не был бы никому должен и не был бы членом Сената».) По мере развития Запада к Союзу быстро присоединились одиннадцать новых штатов. В Сенат пришли 22 новых сенатора, и из возникшей огромной по масштабам палаты Конгресса исчез старый дух исключительности. Местничество, «логроллинг»¹ и целая серия чуть ли не фанатичных движений – движение за «свободное серебро»², в которое оказался вовлеченным Ламар, было всего лишь первой ласточкой – омрачили сенатские слушания по внутриэкономическим проблемам. «Мы превращаемся в сборище картофельно-капустных земельных участков», – жаловался один из сенаторов, уставший от бесконечных перебранок по поводу местного покровительства, проектов по обустройству рек и гаваней и защиты таможенными тарифами тех или других отраслей промышленности.

¹ Взаимная поддержка, сговор по принципу «ты – мне, я – тебе» между законодателями в процессе парламентской деятельности.

² Участники движения выражали интересы владельцев серебряных рудников, выступавших за неограниченную чеканку серебряных монет с целью поднятия цен на серебро.

Как говорил Уильям Аллен Уайт¹, сенаторы представляли не только штаты и регионы, но и «княжества, и державные власти, и деловые круги».

«Один сенатор, к примеру, представлял железнодорожную систему «Юнион пасифик», другой – «Нью-Йорк сентрал», еще один – интересы страховых компаний... За углем и железом стояла целая клика, хлопок владел полудюжиной сенаторов. И так далее... То был плутократический феодализм... чрезвычайно респектабельный. Ошейник любого крупного финансового интереса носился с гордостью».

И Уайт изложил содержание гипотетической беседы, в ходе которой сенатор-старожил Дэвис в эти бурные годы давал сенатору-новичку характеристику своих коллег, проходивших в тот момент между рядами кресел: «Шакал, стервятник, собака-убийца овец, горилла, крокодил, канюк, старая квочка, голубь, пожиратель индюков». А затем, писал Уайт, «как только в проходе, шатаясь из стороны в сторону, появилась огромная неуклюжая фигура жадного выходца с Запада – грубого, хитрого, нахального, – судья Дэвис указал своим похожим на обрубок пальцем на это существо и воскликнул: “А это волк, сэр, проклятый, голодный, бездельничающий, трусливый волк!”».

Таким образом, к концу XIX века Конгресс оказался чуть ли не в самой нижней точке своего падения в отношении как своей власти, так и престижа. Сокращение властных полномочий Сената началось вскоре после завершения срока администрации Гранта. Незадолго до этого Сенат, унизивший президента Джонсона и доминировавший над президентом Грантом, верховодил в условиях

¹ Уайт, Уильям Аллен (1868–1944), американский журналист и редактор.

практически парламентской формы правления. Сенаторы даже претендовали на места за обеденным столом рангом повыше тех, которые занимали члены кабинета министров (в противоположность тому, как это было раньше). «Если они наносили визит в Белый дом, то лишь для того, чтобы дать, а не получить совет», – вспоминал позднее сенатор Джордж Фрисби Хоар. (О власти, которую обрели обе палаты Конгресса, наглядно свидетельствует эпизод в ходе визита конгрессмена Энсона Берлингейма в Палату общин Великобритании. Когда служащий палаты сказал ему, что ему следует покинуть занятое им место, поскольку все места на конкретной галерее были зарезервированы за лордами, сидящий рядом престарелый пэр вмешался: «Пусть сидит, пусть он сидит. В своей стране он пэр». «Я суверенен в своей стране, сэр, – ответил конгрессмен, покидая галерею, – и я утрачу свое привилегированное положение в обществе, если буду общаться с пэрами».) Но пик власти Конгресса был пройден, когда президенты Хейс, Гарфилд, Артур и Кливленд¹ оказали успешное сопротивление попыткам сенаторов диктовать президентские назначения на должности, и тогда правительство возвратилось к более традиционной для Америки системе конституционных сдержек и противовесов².

К тому же, сокращение властных полномочий Сената было предвосхищено быстрым падением его престижа, даже прежде, чем экономические проблемы сменили региональный и конституционный конфликты. По мнению

¹ Хейс, Резерфорд Берчард (1822–1881), 19-й президент США (1877–1881); Гарфилд, Джеймс Абрам (1831–1881), 20-й президент США (март–сентябрь 1881 г.); Артур, Честер Алан (1829–1886), 21-й президент США; Кливленд, Гровер (1837–1889), 22-й и 24-й президент США (1885–1889 и 1893–1897).

² Принцип «сдержек и противовесов» предусматривает взаимный контроль всех ветвей государственной власти – исполнительной, законодательной и судебной.

британских и канадских дипломатов, им удалось добиться утверждения Договора о взаимности 1854 г. в результате того, что они «пронесли его на волне шампанского... Если вам приходится иметь дело со свиньями, что же вам остается делать?» Член кабинета министров, припоминая, возможно, эту метафору, нетерпеливо сказал Генри Адамсу¹ в 1869 г.: «Имея дело с конгрессменом, оставаться тактичным невозможно! Конгрессмен – это свинья! Вам надлежит взять в руки палку и дать ей по рылу». И Адамс, считавший, что большинство членов Сената «являют собой бóльший гротеск, чем это под силу даже насмешке», со спокойной издевкой ответил: «Если конгрессмен свинья, то кем же тогда является сенатор?».

Но Сенат, несмотря на падение его властных полномочий и спад в общественном уважении к нему во второй половине XIX века, далеко не полностью состоял из свиней и проклятых бездельничающих волков. В нем еще заседали люди, достойные уважения, люди мужественные. В их числе Эдмунд Росс и те, кто был рядом с ним на протяжении всего процесса импичмента Джонсона, бескорыстно жертвуя собой во имя спасения страны от бездумного злоупотребления законодательной властью. И Люшиус Ламар в своей непоказной, но твердой решимости оставаться государственным деятелем до конца сыграл ключевую роль в объединении страны перед новыми вызовами, которые ей предстояли.

¹ Адамс, Генри Брукс (1838–1918), американский историк и писатель.

VI

Эдмунд Г. Росс¹

«Я... заглянул в свою открытую могилу»

В одинокой могиле, забытый и неизвестный, лежит «человек, который спас президента» и, возможно, тем самым сохранил для нас и наших потомков конституционное правление в Соединенных Штатах, – человек, совершивший в 1868 г. то, что один историк назвал «самым героическим поступком в американской истории, несравнимо более трудным, чем какой-либо мужественный поступок на поле боя». Это сенатор Соединенных Штатов, чье имя не помнит никто, – Эдмунд Г. Росс из Канзаса.

Импичмент президента Эндрю Джонсона, событие, в развитии которого дотоле неизвестному Россу предстояло сыграть такую драматичную роль, стал сенсационной кульминацией острой борьбы между президентом, намеренным провести в жизнь политические планы Авраама Линкольна по примирению с потерпевшим поражение Югом и более радикально настроенными республиканскими лидерами в Конгрессе, стремившимися управлять поработанными южными штатами как завоеванными провинциями, утратившими свои конституционные права. К тому

¹ Росс, Эдмунд Гилберт (1826–1907), американский политический деятель, сенатор.

же, это была борьба между исполнительной и законодательной ветвями власти. Эндрю Джонсон, мужественный, хотя и бесцеремонный выходец из Теннесси, который был единственным членом Конгресса с Юга, отказавшимся отколотиться от Союза вместе со своим штатом, поклялся следовать политическим курсом Великого освободителя¹, чей высокий пост Джонсон унаследовал лишь в результате того, что пуля убийцы настигла его предшественника. Он знал, что незадолго до своей смерти Линкольн уже сталкивался с экстремистами в Конгрессе, которые выступали против его подхода к Реконструкции с конституционных и человеколюбивых позиций и пытались превратить законодательную власть в высший орган правления. И его собственный воинственный нрав разрушил всякую надежду на то, что Конгресс сможет протянуть руку примирения в деле реализации линкольновской политики, позволяющей Югу восстановить свое место в Союзе в возможно более короткие сроки и с возможно меньшими разногласиями.

В 1866 г., когда Эдмунд Росс впервые появился в Сенате, обе ветви государственной власти уже схватили друг друга за глотку, злобно рыча и ошестиниваясь друг на друга. Президент накладывал свое вето на один законопроект за другим на основании того, что они противоречили Конституции, были излишне суровыми по отношению к Югу, продлевали без какой-либо необходимости на то режим военного правления в мирное время или недопустимым образом вмешивались в полномочия исполнительной власти. И впервые в истории нашей страны важные государственные решения были приняты в обход президентского вето и стали законом без его поддержки.

Но не все наложенные Эндрю Джонсоном вето были преодолены. Тогда радикальные республиканцы в Конгрессе быстро сообразили, что необходимо предпринять

¹ Имеется в виду Авраам Линкольн.

еще один шаг, прежде чем им удастся сокрушить их презренного врага (и в горячке политической борьбы их чувство возмездия было обращено против президента в гораздо большей мере, чем против их бывших военных противников на Юге). Этим единственным шагом было обеспечение большинства в две трети голосов в Сенате, поскольку согласно Конституции именно такое большинство требовалось для преодоления президентского вето. И еще более важным было то, что такое же большинство требовалось по Конституции для удовлетворения их далеко идущей претензии, из которой они уже и не делали большого секрета, а именно – импичмента президента и удаления его с поста!

Временное и непрочное большинство в две трети голосов, позволившее радикальным республиканцам в Сенате в целом ряде случаев принять решения о преодолении президентского вето, было (и они об этом знали) недостаточно надежным для принятия решения об объявлении импичмента. Укрепление этого блока стало важнейшей целью Конгресса, явно или тайно определявшей его решения по другим вопросам, в частности по принятию в Союз новых штатов, повторному принятию в Союз южных штатов и определению сенаторских полномочий. С помощью самых сомнительных методов одному из проджонсоновски настроенных сенаторов было отказано в месте. Вопреки президентскому вето в Союз была принята Небраска, в результате чего в Сенате оказались еще два сенатора – противники администрации. Хотя предпринятое в последнюю минуту политическое маневрирование с расчетом на преодоление президентского вето не смогло обеспечить решение о принятии в Союз Колорадо (референдум, проведенный в малонаселенном Колорадо, отверг идею вхождения в качестве штата), неожиданная трагедия в Канзасе дала повод для фальшивых слез и возобновившихся надежд на новое голосование.

Сенатор Джим Лейн из Канзаса был консервативным республиканцем, симпатизирующим планам Джонсона реализовать линкольновские планы Реконструкции. Но его расположенный на фронтире штат был одним из самых радикальных в Союзе. Когда Лейн проголосовал в поддержку наложенного Джонсоном вето на Закон о гражданских правах 1866 г. и внес на рассмотрение подготовленный администрацией законопроект, признающий правительство нового штата Арканзас, Канзас взорвался в гневной горячке. Массовый митинг в Лоуренсе облил грязью сенатора и без промедления принял резолюции, осуждающие занятую им позицию. Униженный, страдающий душевно и физически, обвиненный в финансовых нарушениях, Джим Лейн покончил с собой 1 июля 1866 г.

С устранением этой занозы в своем теле радикальные республиканцы в Вашингтоне с надеждой воззрились на Канзас и занялись подбором преемника Лейна. Их самые сокровенные надежды осуществились – новым сенатором от Канзаса оказался Эдмунд Г. Росс, тот самый человек, который в Лоуренсе внес на рассмотрение резолюцию, осуждающую Лейна.

Не могло быть никакого сомнения в том, на чьей именно стороне находились симпатии Росса, поскольку вся его карьера была карьерой человека, решительно противостоявшего рабовладельческим штатам Юга, их практической деятельности и их сторонникам. В 1854 г., когда ему было всего 28 лет от роду, он участвовал в массовом спасении беглого раба в Милуоки. В 1856 г. он присоединился к волне иммигрантов–противников рабства, отправившихся в «истекающий кровью» Канзас¹ с целью сохранения его в качестве

¹ Наплыв в Канзас противоборствующих сил, стремившихся установить контроль над территорией, – южан-рабовладельцев и северян–противников рабства – привел к серьезным столкновениям между ними, которые вскоре переросли в вооруженную борьбу. Канзас стали называть не иначе, как «истекающий кровью Канзас».

свободной от рабства территории. Разочаровавшись в юности в Демократической партии, он покинул эту партию и вступил добровольцем в Армию Свободного штата Канзас, чтобы дать отпор вооруженным сторонникам рабства, вторгшимся на его территорию. В 1862 г. он отказался от работы в газете и вступил в армию Союза, уйдя из нее уже в чине майора. Ключевая роль, которую он сыграл в осуждении Лейна в Лоуренсе, убедила лидеров радикальных республиканцев в Конгрессе, что в лице Эдмунда Г. Росса они получили стойкого члена тех самых жизненно важных двух третей.

Теперь сцена была готова для финального действия – устранения Джонсона. В начале 1867 г. Конгресс принял решение о преодолении вето, наложенного президентом на законопроект о занятии высших должностных постов, который запрещал президенту увольнять с должности без согласия Конгресса новых лиц, назначение которых требовало утверждения этого органа власти. Поскольку изначально такое требование не относилось к членам кабинета министров, на том этапе такая мера не грозила скольконибудь серьезными последствиями, за исключением разве что усиления воплей о необходимости большего контроля за распределением должностей.

5 августа 1867 г. президент Джонсон, уверенный в том, что унаследованный им от Линкольна военный министр Эдвин М. Стэнтон является тайным орудием радикальных республиканцев и стремится стать всемогущим диктатором завоеванного Юга, потребовал его немедленной отставки. Стэнтон заносчивоотреагировал ответным выстрелом, отказавшись уходить в отставку до созыва очередного заседания Конгресса. Не склонный поддаваться афронтуподобного рода, президент неделей позже отстранил Стэнтонас его поста и назначил на его место человека, оказать сопротивление которому Стэнтон не решился, – генерала Гранта. 13 января 1868 г. рассерженный Сенат известил

президента и Гранта, что он не дает согласия на отстранение Стэнтона, и по возвращении Стэнтон на свой пост Грант его покинул. Но сложилась нетерпимая ситуация. Военный министр не мог посещать заседания кабинета министров или общаться со своими коллегами в правительстве, и 21 февраля президент Джонсон, намеревавшийся заручиться судебным расследованием закона, который он считал неконституционным, вновь известил Стэнтон, что тот безоговорочно снят с поста военного министра.

В то время как Стэнтон, отказывающийся сдать позиции, забаррикадировался в своем кабинете, общественное мнение страны определенно складывалось не в пользу президента. Он сознательно нарушил закон и подобно диктатору пошел наперекор воле Конгресса! Хотя предыдущие резолюции об импичменте не получили нужной поддержки в Палате представителей (как в комитете, так и в ходе заседания самой палаты), новая резолюция была без промедления представлена на рассмотрение и 24 февраля принята огромным большинством голосов. Все республиканцы без исключения проголосовали за ее утверждение, и Таддеус Стивенс из Пенсильвании – искалеченное, фанатичное воплощение крайностей движения радикальных республиканцев, спикер Палаты представителей, сложив губы в подобие острия топора, холодно предупредил обе палаты Конгресса: «Хотел бы я увидеть того отступника, который решится допустить такое преступное избавление от ответственности. Укажите мне на такого человека, который отважится на такой шаг, и я покажу вам человека, который заслужит позор от будущих поколений».

После того как президент был подвергнут импичменту – вернее, обвинен в правонарушении – Палатой представителей, 5 марта в Сенате в соответствии с конституционными статьями об импичменте под председательством председателя Верховного суда США началось лихорадочное судебное заседание, которое должно было осудить или

оправдать президента. Это был суд, равный по важности крупнейшим судебным разбирательствам в мировой истории – суду над Чарлзом I в Верховном суде правосудия¹, суду над Людовиком XVI во французском Конвенте и над Уорреном Гастингсом² в Палате лордов Великобритании. Отсутствовали лишь два ключевых элемента драмы: действительная причина, по которой президент был предан суду, не играла существенной роли в благополучии государства, и сам ответчик никогда не присутствовал в зале.

Но все другие элементы крупнейшей судебной драмы были налицо. Председатель Верховного суда выслушал от каждого сенатора присягу в том, что тот «вынесет непредубежденное суждение» (включая даже вспыльчивого сенатора из Огайо Бенджамин Уэйда, который занимал следующий по преемственности после президентского поста пост временного президента Сената). В роли главного обвинителя от Палаты представителей выступил генерал Бенджамин Ф. Батлер, «нью-орлеанский мясник», талантливый, но грубый и демагогичный конгрессмен из Массачусетса. (Когда он потерял свое место в палате в 1874 г., его так ненавидели в его собственной партии и его оппоненты, что один республиканец направил телеграмму об убедительной победе демократов следующего содержания: «Батлер проиграл, в остальном же мы потерпели полное поражение».) Перед началом судебного разбирательства было распространено около тысячи билетов на галерею Сената, и люди предпринимали отчаянные усилия заполучить один из четырех билетов, выданных каждому сенатору.

Драма длилась с 5 марта по 16 мая. Из одиннадцати статей по импичменту, предъявленных президенту Палатой

¹ Составная часть Верховного суда Великобритании.

² Гастингс, Уоррен (1732–1818), английский колониальный деятель, генерал-губернатор Индии (1774–1786). В 1788 г. был предан парламентскому суду по обвинению в жестокости и коррупции, но в 1795 г. был оправдан.

представителей, первые восемь основывались на увольнении Стэнтона и назначении нового военного министра в нарушение Закона о занятии высших должностных постов; девятая касалась беседы Джонсона с одним из генералов, которая, как утверждалось, провоцировала нарушения Закона об ассигнованиях на нужды армии; в десятой утверждалось, что Джонсон произносил «несдержанные, подстрекательские и возмутительные публичные речи... а также выступал против Конгресса и законов Соединенных Штатов»; одиннадцатая представляла собой сознательно выраженную в туманных фразах смесь всех обвинений, содержащихся в предыдущих статьях, и предназначалась Таddeусом Стивенсом для того, чтобы обеспечить общность позиций с теми, кто выступал за осуждение, но не хотел солидаризироваться с кем-либо по основным вопросам. Способный и высокообразованный адвокат защиты Джонсона отвечал достаточно убедительно на возбужденные аргументы Батлера в поддержку этого на скорую руку состряпанного обвинения. Защита настаивала на ничтожности Закона о занятии высших должностных постов в силу своего противоречия Конституции и утверждала, что, даже если бы он был действующим законом, он был бы не применим в отношении Стэнтона по указанным ранее причинам. Защита также утверждала, что единственным путем проверить правовую обоснованность этого закона было увольнение Стэнтона в отставку с последующим разбирательством его прав в суде.

Но по мере развития событий в Сенате становилось все более очевидным, что нетерпеливые республиканцы не были намерены предоставлять президенту возможность справедливого рассмотрения тех официальных претензий, на которых строилось требование об импичменте, а просто хотели устранить его из Белого дома на любом основании, действительно существующем или надуманном, за его отказ согласиться с их политикой. Любое свидетельство в пользу

президента произвольно исключалось. Большинство сенаторов бесстыдно признавали свою предубежденность. Буйно расцвели взяточничество и другие формы давления. Всех в основном заботили не сам суд или улики, а то, как набрать необходимое для осуждения число голосов.

27 штатов (за исключением непризнанных южных штатов) Союза означали наличие в Сенате 54 членов; для утверждения решения об импичменте требовалось 36 голосов, или $\frac{2}{3}$ состава Сената. Все 12 голосов демократов были изначально потеряны, и оставшиеся 42 республиканца знали, что им можно потерять лишь шестерых из своих коллег по партии, чтобы убрать Джонсона с его поста. На предварительном партийном кокусе, к их разочарованию, шесть мужественных республиканцев отметили, что, по их мнению, представленные до того улики недостаточны для осуждения Джонсона по статьям об импичменте. «Позор! – вскричала филадельфийская газета «Пресс». – Республику предали в доме ее друзей!»

Но если оставшиеся 36 республиканцев будут придерживаться взятой партией линии, в исходе голосования сомнений быть не может. Все должны держаться вместе!

Однако один республиканский сенатор не принял своего решения в ходе предварительного опроса – Эдмунд Росс из Канзаса. Радикалы были возмущены тем, что сенатор из такой антиджонсоновской цитадели, как Канзас, мог оказаться столь сомнительным союзником. «Дело было абсолютно ясным, – кипел от злости сенатор Самнер из Массачусетса, – тем более для выходца из Канзаса. Я не думал, что канзасец окажется способным подвести свою страну».

С того момента, как Росс занял свое место в зале заседаний, лидеры радикальных республиканцев были уверены в том, как он проголосует. Всё его прошлое, как уже отмечалось выше, свидетельствовало о его полной поддержке обвинения. Одним из первых его поступков

в Сенате было зачтение декларации о полной поддержке им политики радикальных республиканцев, и он молчаливо голосовал за все их решения. Он дал ясно понять, что не симпатизирует Эндрю Джонсону как в личном, так и в политическом плане, и после увольнения Стэнтона голосовал вместе с большинством за утверждение резолюции, объявляющей такое увольнение незаконным. Его коллега из Канзаса сенатор Померой был одним из наиболее ярких лидеров радикалов в антиджонсоновской группе. Республиканцы настаивали на том, что решающий голос Росса принадлежал им по праву, и были полны решимости заполучить его любыми возможными средствами. Как отмечал Де Витт в своей известной книге «Импичмент президента Джонсона», «основная тяжесть легла, наконец, на плечи единственного сохраняющего сомнения сенатора – Эдмунда Г. Росса».

Когда резолюция об импичменте прошла утверждение в Палате представителей, сенатор Росс мимоходом заметил сенатору Спрейгу из Род-Айленда: «Ну вот, Спрейг, дело теперь за нами, и что касается меня, хотя я и республиканец и противник господина Джонсона и его политики, он заслуживает такого же справедливого суда, как и любой другой обвиняемый на нашей земле». По Сенату тут же распространился слух, что «Росс колеблется». «С этого момента, – писал он позднее, – не проходило ни одного дня без того, чтобы я не получал по почте или по телеграфу да и лично обращений ко мне, чтобы я стойко стоял за импичмент, а кое-кто предупреждал меня о том, какие последствия меня ожидают, если я проявлю слабину».

«Как свидетельствовала переписка членов Сената, во всей стране и во всех слоях населения состояние общественного сознания было похоже на то, как бывает перед крупным сражением. Казалось, что руководящая партия страны заняла место общественного обвинителя и едва ли мо-

рально готова отложить судебный процесс или выслушать представителей защиты. В дни судебного разбирательства Вашингтон превратился в пункт сосредоточения всех недовольных и кишел представителями всех штатов Союза, требовавшими практически в один голос смещения президента. С утра до вечера и даже далеко за полночь каждый шаг республиканцев, выступавших против импичмента, сопровождался обращениями с мольбой, предложениями и угрозами. Газеты ежедневно выходили заполненными множеством всяческих угроз насилием по возвращении этих лиц в свои избирательные округа».

Россу и его сомневающимся коллегам-республиканцам ежедневно докучали, за ними шпионили, их подвергали всевозможным формам давления. За домами, в которых они жили, внимательно следили, круг их общения с подозрением изучался, а каждый их шаг и фамилии всех лиц, с кем они общались, тайно заносились в специальные записные книжки. Партийная пресса предупреждала их, избиратели обращались к ним со страстными посланиями и грозили им политическим остракизмом и даже убийством. Сам Стэнтон, действуя из своей забаррикадированной штаб-квартиры в Военном министерстве, работал дено и ношно, чтобы надавить на сомнеющихся сенаторов всем весом своих внушительных военных связей. Филадельфийская газета «Пресс» сообщала о «страшной лавине телеграмм из всех уголков страны», об огромном всплеске общественного мнения, исходящего от «простых людей», пожертвовавших своими деньгами и жизнью ради страны и не желавшими «видеть, как охотно или бездумно принесенная ими огромная жертва оказалась лишенной смысла».

Нью-йоркская «Трибюн» сообщала, что Эдмунда Росса, в частности, «безжалостно тянули в разные стороны,

за ним, как за лисой, охотились и днем, и ночью и его собственные коллеги топтали его, подобно мосту в Арколе, по которому ступала то одна армия, то другая». Его послужной список и жизнь исследовались сверху донизу, а его избиратели и коллеги преследовали его по всему Вашингтону, чтобы получить хоть какое-то представление о его точке зрения. К нему были устремлены все взоры, его имя было на устах у всех, и его намерения обсуждались во всех газетах. Хотя имеются данные, что он намекал каждой из сторон на свое согласие с их точкой зрения и каждая из сторон публично претендовала на то, что он на их стороне, в действительности своим рассудительным молчанием он держал обе стороны в состоянии постоянной тревоги.

Однако, не обладая никаким опытом деятельности в обстановке политического смятения, репутацией в Сенате, независимым источником дохода и имея дело с самым радикально настроенным штатом Союза, Росс считался человеком, очень чувствительно относящимся к критике и, скорее всего, способным поддаться давлению продуманной тактики. Комитет, составленный из конгрессменов и сенаторов, направил в Канзас и в другие штаты, представленные сомневающимися республиканцами, телеграмму следующего содержания: «В случае неудачи с импичментом миру в нашей стране и делу республиканцев грозит огромная опасность. Направьте вашим сенаторам сведения об общественном мнении в форме резолюций, писем, а также делегации». Член легислатуры Канзаса нанес визит Россу в Капитолии. Один из генералов по настоянию Стэнтона оставался в доме Росса до четырех часов утра, ожидая приема. Брат Росса получил письмо, в котором ему предлагались 25 тысяч долларов за информацию о намерениях сенатора. Графф Бен Батлер воскликнул, говоря о Россе: «У нас есть мешок денег! Сколько хочет получить этот чертов мерзавец?». Накануне того дня, когда Сенат

должен был в первый раз проголосовать за осуждение или оправдание Джонсона, Росс получил из дома телеграмму следующего содержания:

«Канзас выслушал доводы и требует осуждения президента».

(подпись) Д.Р. Энтони и 1000 других

И в тот судьбоносный день 16 мая Росс ответил:

«Д.Р. Энтони и тысяча других, я не признаю вашего права требовать от меня, чтобы я проголосовал за или против осуждения. Я принес присягу отправлять беспристрастное правосудие в соответствии с Конституцией и законами и уверен, что у меня достанет мужества проголосовать согласно моим убеждениям и в интересах высшего блага страны».

(подпись) Э.Г. Росс».

В то утро соглядатаи проследили за Россом, когда он пошел завтракать, и за десять минут до начала голосования его коллега из Канзаса предупредил Росса в присутствии Таддеуса Стивенса, что подача им голоса за оправдание приведет к лавине обвинений в его адрес и к его политической смерти.

Но судьбоносный час уже наступил. Ни уклонение, ни отсрочка, ни нерешительность уже не были возможны. Так позднее описал сложившуюся ситуацию сам Росс: «Галереи были заполнены. Входные билеты продавались с огромной наценкой. Палата представителей объявила перерыв в своей работе, и все ее члены собрались в зале заседаний Сената. Все места в зале заседаний были заняты сенаторами, членами кабинета министров, членами президентского совета или членами Палаты представителей». Все сенаторы заняли свои места, смертельно больного сенатора Граймса из Айовы буквально внесли на руках и усадили в кресло.

Первый тур голосования было решено провести по той сформулированной в общих фразах одиннадцатой статье импичмента, которая, как считалось, пользовалась наиболее широкой поддержкой. Объявляя о начале голосования, председатель Верховного суда напомнил «гражданам и посетителям на галереях о необходимости соблюдать абсолютную тишину и строгий порядок». Но зал заседаний уже окутала могильная тишина. Один из конгрессменов позднее вспоминал, что «некоторые из членов Палаты представителей, сидевшие рядом со мной, побледнели и их стало подташнивать от нервного напряжения», а Росс заметил, что в зале стало не слышно «шарканья ног, звуков от шелестящего шелка платьев и раскрытых вееров, и разговоров».

В напряженной обстановке началось голосование. К тому моменту, когда председатель Верховного суда дошел до фамилии Эдмунда Росса, за виновность президента проголосовали уже 24 человека. Еще десять голосов были полностью гарантированы, а один – практически гарантирован. Необходим был лишь голос Росса, чтобы были получены 36 голосов, требующихся для импичмента президента. Но ни один человек в зале не знал, как проголосует этот молодой канзасец. Не будучи в состоянии сдержать напряженность и эмоции в своем голосе, председатель Верховного суда обратился к нему с вопросом: «Господин сенатор Росс, что скажете Вы? Виновен или не виновен ответчик Эндрю Джонсон в совершении тяжких преступлений и проступков, как на то указывает данная статья?». Все замолкли, взоры всех присутствовавших в зале обратились на молодого сенатора из Канзаса. Надежды и страхи, ненависть и горечь последних десятилетий сконцентрировались на этом единственном человеке.

Как позднее описал это сам Росс, «казалось, что все способности слышать и видеть развились до самой крайней степени».

«Все люди в этом огромном зале, без исключения, оказались как на ладони, некоторые с полуоткрытым ртом и склонившись вперед в напряженном ожидании, другие с поднятой рукой, как бы рассчитывая отбить ожидаемый удар... и все они – напряженно всматриваясь с чуть ли не трагическим видом в лицо того, кто должен был подать тот судьбоносный голос... Все веера были сложены, не слышно было движения ног, шелеста платьев, шепота... Надежда и страх смешались на лицах всех находившихся в зале, мгновенно сменяясь у одних мстительной ненавистью, у других – озаряясь надеждой. Сенаторы, сидевшие на своих местах, легли грудью на свои столы, многие из них приложили ладони лодочкой к своим ушам, чтобы лучше расслышать... Это была огромная ответственность, и не было ничего странного в том, что тот, на кого она была возложена роковым стечением обстоятельств, должен был бы стремиться избежать ее, снять ее с себя, как стараются избежать или отогнать от себя любой кошмар... Я чуть ли не в буквальном смысле заглянул в свежевырытую собственную могилу. Дружеским отношениям, положению в обществе, состоянию, всему тому, что делает жизнь желанной для честолюбивого человека, предстояло исчезнуть, возможно навсегда, вместе с одним-единственным выдохом из моих уст. Нет ничего странного в том, что мой ответ донесся с трудом до задних рядов и что сенаторы, сидевшие на противоположной стороне зала, потребовали повторить мой ответ».

И вновь прозвучал ответ, который трудно было не понять – исчерпывающий, окончательный, вполне определенный, решительный и ясный: «Не виновен». Поступок

был совершен, президент спасен, судилище завершено, и осуждение не состоялось. Оставшаяся часть голосования уже не имела значения, осуждение было провалено единственным голосом, и зал заполнился всеобщим гомоном голосов, пока председатель Верховного суда не объявил: «По этой статье 35 сенаторов проголосовали «виновен» и 19 – «не виновен». Учитывая, что осуждение не получило требуемых двух третей голосов, президент, таким образом, оправдан по этой статье».

За голосованием последовал десятидневный перерыв в работе Сената, десять бурных дней были посвящены изменению соотношения голосов по остальным статьям. Была предпринята попытка в быстром темпе принять законы, касающиеся повторного принятия в Союз 6 южных штатов, 12 сенаторов из которых гарантированно проголосовали бы за осуждение президента. Но добиться этого своевременно было невозможно. И вновь Росс оказался единственным, высказавшим независимое суждение по другим статьям обвинения, единственным, чей голос нельзя было заранее предсказать. И вновь на него было оказано ужасное давление. Он получил телеграмму от «Д.Р. Энтони и других», в которой его информировали, что «Канзас отрывается от Вас, как он делает по отношению ко всем лжесвидетелям и подлецам». Все эпизоды его жизни были расследованы и искажены. Сенатор Померой нашел профессиональных свидетелей для того, чтобы они засвидетельствовали перед специальным комитетом Палаты представителей, что Росс намекнул, будто он готов изменить свой голос за известное вознаграждение. (К сожалению, этот свидетель был настолько взволнован выпавшей на его долю увлекательной ролью, что заодно присягнул в том, что сенатор Померой пообещал обеспечить три голоса в пользу оправдания президента в случае выплаты ему 40 тысяч долларов). Когда Росс, выполняя свои функции председателя комитета, доставил президенту несколь-

ко законопроектов, Джеймс Блейн¹ заметил: «А вон идет мошенник за своим вознаграждением». (Много лет спустя Блейн был вынужден признать: «В обстановке преувеличенного осуждения, вызванного озлобленностью и досадой по поводу сложившейся ситуации, в отношении государственного деятеля, обладавшего безупречной репутацией, была допущена огромная несправедливость».)

И вновь распространились дикие слухи о том, что Росса удалось склонить в отношении оставшихся статей по импичменту. После возобновления работы сессии Сената он оказался единственным из семи республиканских «рenegатов», проголосовавшим вместе с большинством по предварительным процедурным вопросам. Но когда были зачитаны вторая и третья статьи обвинения и дошла очередь до фамилии Росса, вызвав точно такую же напряженность в зале, как и десятью днями раньше, вновь раздался спокойный ответ: «Не виновен».

Почему же Росс, по-прежнему недолюбливающий Джонсона, проголосовал «не виновен»? Мотивы, которыми он руководствовался, четко присутствуют в его личных записях, сделанных много лет спустя и переданных для публикации в журналах «Скрибнерс» и «Форум»:

«В широком смысле слова, под следствием оказалась независимость исполнительного органа власти как координационной ветви правительства... Если... от президента требуют, чтобы он ушел в отставку... опозоренным человеком и политическим изгоем... на основании недостаточно убедительных доказательств и исходя из партийных соображений, то президентский пост подвергся бы

¹ Блейн, Джеймс Гиллеспи (1830–1893), в 1862–1876 гг. – член Палаты представителей, в 1869–1875 гг. – спикер Палаты представителей; позднее государственный секретарь США в администрациях Дж. Гарфилда и Ч. Артура (1881) и Б. Гаррисона (1889–1892).

унижению и перестал бы быть координационной ветвью правительства и навсегда превратился бы в подчиненного воле законодателей. Это практически революционизировало бы нашу замечательную политическую структуру, превратив ее в тенденциозно партийную автократию Конгресса... Наше правительство никогда не сталкивалось с более коварной опасностью... контроля со стороны худшей части американской политики... Если бы Джонсон был оправдан непредубежденным внепартийным голосованием... Америка прошла бы опасную точку партийного диктата и той нетерпимости, которая так часто является отличительным признаком власти огромного большинства и делает его опасным».

«Открытую могилу», которую предвидел Эдмунд Росс, вряд ли можно считать преувеличением. Один из судей Верховного суда штата Канзас телеграфировал ему, что «веревка, на которой повесился Иуда Искарот, пропала, но пистолет Джима Лейна к Вашим услугам». Редакционная статья одной из канзасских газет вопила:

«В прошлую субботу Эдмунд Росс, сенатор Соединенных Штатов из Канзаса, продался и предал своих избирателей; свел на нет свой собственный послужной список, низко лгал своим друзьям, позорно нарушил свое торжественное обещание... и в высшую меру своих низких возможностей подписал смертельный приговор свободе своей страны. Этот поступок был совершен сознательно, поскольку предатель, подобно Бенедикту Арнольду, любил деньги больше, чем принципы, друзей, честь и свою страну, вместе взятые. Подлый, жалкий, сморщенный негодяй с душонкой настолько мелкой, что небольшое количество пре-

зренного металла перевесило бы все остальное, что придает достоинство и благородство мужеству».

Политическая карьера Росса завершилась. Для нью-йоркской газеты «Трибюн» он был всего лишь «жалким трусом и предателем». Филадельфийская «Пресс» писала, что в личности Росса его «ничтожность» «лишь принесла ожидаемые плоды» и что он и его коллеги – республиканские бунтари «нырнули с обрыва славы в донные глубины позора и смерти». Филадельфийская газета «Инквайерер» заявила, что «они судили, осудили и приговорили самих себя». Им не может быть «ни снисхождения, ни прощения».

Относительный мир возвратился в Вашингтон, когда Стэнтон оставил свой пост, а Джонсон дослужил оставшийся ему срок и позднее – в отличие от своих республиканских защитников – вернулся с триумфом в Сенат в качестве сенатора от Теннесси. Но никто не обратил внимания на то, как Росс безуспешно попытался объяснить мотивы своего голосования и осудил фальшивки, распространенные следственным комитетом Бена Батлера, напоминая, что присущие генералу «хорошо известные подхалимские инстинкты и предрасположенность к дерьму и грязи» заставили «общественность оскорбить грубое животное, назвав его “скотиной”». Он без особого желания держался за свое место в Сенате, пока не завершился его срок, его часто называли «предатель Росса», а сам он жаловался, что его коллеги-конгрессмены и люди на улице считали общение с ним «постыдным и позорным» и проходили мимо него, как будто он был прокаженным, отворачиваясь от него и демонстрируя свою ненависть и омерзение.

Ни Росс, ни другие республиканцы, которые проголосовали за оправдание Джонсона, так и не были переизбраны в Сенат, поскольку ни один из них не сохранил поддержку своих партийных организаций. Когда Росс

возвратился в Канзас в 1871 г., он и его семья столкнулись с общественным остракизмом, политическими нападками и практически с нищетой.

Кем был Эдмунд Г. Росс? Да практически никем. Его именем не назван ни один государственный закон, ни в одной книге по истории США нет его портрета, ни один сенатский список «выдающихся деятелей» не упоминает о его пребывании на государственной службе. Его единственный героический поступок фактически забыт. Но кем мог оказаться Эдмунд Росс? В этом действительно заключается вопрос, поскольку Росс, человек, замечательно владевший словом, обладавший отличным политическим послушным списком и прекрасным будущим в Сенате, мог легко обойти своих коллег в престиже и власти на протяжении продолжительной сенатской карьеры. Вместо этого он предпочел бросить все это на ветер ради одного поступка, продиктованного его совестью.

Но зигзагообразный ход событий истории человечества подтвердил в конечном счете обоснованность веры, высказанной им жене вскоре после судилища: «Миллионы людей, проклинаящих меня сегодня, благословят меня завтра за то, что я спас страну от самой огромной опасности из всех, которые ей приходилось испытывать в прошлом, хотя никто, кроме Господа Бога, никогда не узнает о том, чего мне стоила эта борьба». Спустя 20 лет Конгресс отменил Закон о занятии высших должностных постов, против которого возражали все президенты-преемники Джонсона, независимо от их партийной принадлежности, а еще позднее Верховный суд США, сославшись на «крайности, выявившиеся в этом эпизоде деятельности нашего правительства», принял решение о его неконституционности. Росс переехал в Нью-Мексико, где много лет спустя ему предстояло стать назначенным губернатором территории. Незадолго до смерти, когда ему была присуждена Конгрессом специальная пенсия за службу в годы Граж-

данской войны, пресса и страна воспользовались возможностью воздать должное его верности принципам в годы испытаний и его мужеству, проявленному ради спасения американской системы правления от разрушительного господства террора. Они теперь были согласны с высказанным ранее Россом утверждением, что его голос «спас страну от... напряженности, которая разрушила бы любую другую форму правления». Те канзасские газеты и политические лидеры, которые ранее осуждали его, хвалили Росса за противостояние диктату парламентской толпы: «Твердость и мужество сенатора Росса спасли страну от опасности, превосходящей опасность войны, но подвергли его политическому мученичеству, самому жестокому в нашей истории... Росс стал жертвой дикого пламени нетерпимости, сокрушившей всё перед собой. Он исполнил свой долг, понимая, что это означает его политическую смерть... Для Росса это было героическим поступком, и он его совершил. Он действовал исходя из своей совести и основываясь на возвышенных идеях патриотизма, независимо от того, какими губительными, как он знал, последствиями это ему могло грозить. И он поступил правильно».

Я не могу закончить рассказ об Эдмунде Россе, не упомянув о не менее достойных шести мужественных республиканцах, которые стояли бок-о-бок с Россом и, не обращая внимания на сыпавшиеся на них оскорбления, выступали за оправдание Эндрю Джонсона. Эдмунд Росс, пострадавший в большей степени, чем кто-либо из этих его коллег, как до, так и после голосования пришел к своему сознательному решению более трудным путем и до 16 мая вызвал своим уклончивым молчанием самый огромный интерес и напряженность в обществе. Его история, так же как и его голосование, имеют ключевое значение для этой трагедии с импичментом. Но всех семерых республиканцев, проголосовавших против осуждения, надлежит по-

мнить за проявленное ими мужество. Ни один из них не был переизбран в Сенат. Ни одному из них не удалось избежать того жуткого сочетания угроз, попыток подкупа и давления, с помощью которых коллеги-республиканцы пытались их запугать, чтобы добиться нужного им голосования; и ни один из них не избежал ужасных мук злобной критики в свой адрес, вызванной их решением проголосовать за оправдание президента.

Уильям Питт Фессенден из Мэна, один из наиболее выдающихся сенаторов, ораторов и юристов своего времени и видный республиканский лидер, восхищавшийся Стэнтоном и ненавидевший Джонсона, уже на раннем этапе этой политической игры пришел к убеждению, что «все это чистое безумие».

«Страна придерживается настолько дурного мнения о президенте, которого он полностью заслуживает, что ожидает его осуждения. Каковы бы ни были последствия этого лично для меня, независимо от того, что я думаю и чувствую как политик, я не приму решения по этому вопросу, противоречащее моему собственному суждению. Я предпочту быть обреченным до конца жизни на работу на огороде и заниматься выращиванием капусты... Решайте сами, если в этом возникнет необходимость, хотите ли вы слышать, как меня будут называть предателем и, возможно, вешать изображающее меня чучело. Отдельные люди и газеты, поддерживающие сторонников импичмента, обрушили на меня все возможные оскорбления. Я получил несколько писем от друзей, предупредивших меня, что моя политическая могила уже вырыта, если я не проголосую за импичмент, мною было получено несколько посланий с угрозой убийства. Довольно трудно в мои годы и после

продолжительной карьеры оказаться мишенью для острых стрел, выпущенных теми, кому я верно служил. Народ, находящийся в возбужденном и взвинченном состоянии под влиянием страстей и предрассудков, ничуть не лучше дикого зверя. В любых обстоятельствах я сохраню свое самоуважение и чистую совесть, и время, во всяком случае, воздаст должное мотивам, которыми я руководствовался».

Радикальные республиканцы были полны решимости одержать верх над уважаемым всеми Фессенденом, чья фамилия первой фигурировала под вопросом в списке опрашиваемых сенаторов, а его почта из штата Мэн содержала оскорбления, угрозы и мольбы. Уэнделл Филипс с презрением заявил шикающей публике, что «требуется шесть месяцев для того, чтобы идея государственной значимости нашла дорогу в голову господина Фессендена. Я не утверждаю, что он недоразвит, он просто тугодум».

Фессенден решил отказаться от чтения газет и прятать получаемые им письма. Но когда один из его самых старых политических друзей в Мэне обратился к нему с призывом «повесить Джонсона за пятки, как дохлую ворону в кукурузном поле, дабы отпугнуть все его племя», и заверил, что он «действительно уверен, что выражает единодушное мнение всех верных сердец и голов в этом штате», Фессенден негодуяще ответил:

«Я поступаю как судья... по какому праву кто-то, не несущий никакой ответственности и не слышавший даже каких-либо свидетельств, решается советовать мне, каким должно быть мое решение и даже приговор? Я хочу, чтобы мои друзья и избиратели поняли, что я, а не они сижу здесь для вынесения решения о президенте. Я, а не они принес присягу отправлять справедливое правосу-

дие. Я, а не они несут ответственность перед Богом и людьми за свои действия и их последствия».

В тот трагичный вечер 16 мая, как его описал Росс, сенатор Фессенден «сидел на своем месте, бледный и изможденный, но готовый на политическое мученичество, которое ему, скорее всего, предстояло и которое очень скоро свело его в могилу».

Первым республиканским сенатором, произнесшим «не виновен» и первым из семи сошедшим в могилу, преследуемый безжалостными оскорблениями, которые погасили все его надежды на переизбрание, был Уильям Питт Фессенден из штата Мэн.

Джон Б. Хендерсон из штата Миссури, один из самых молодых членов Сената, ранее уже продемонстрировал высокое мужество, внеся на рассмотрение Тринадцатую поправку к Конституции, ликвидирующую рабство, просто по той причине, что он был убежден: она будет принята лишь в том случае, если ее инициатором будет сенатор из рабовладельческого штата, за чем обязательно последует его политическая смерть. Но когда вся делегация республиканских представителей из его штата загнала его в угол кабинета и потребовала, чтобы он осудил ненавистного Джонсона, предупредив при этом, что миссурийские республиканцы не потерпят иного решения, обычное мужество Хендерсона покинуло его. Он смиренно предложил, что пошлет телеграмму губернатору штата с прошением об отставке, что даст возможность вновь назначенному сенатору проголосовать за осуждение. Но когда было выражено сомнение в том, что новому сенатору будет разрешено голосовать, он согласился выяснить, станет ли его голос решающим.

Однако оскорбительная и грозная телеграмма из Миссури возымела противоположный эффект: восстановила в нем чувство гордости, и он тут же ответил по те-

леграфу: «Сообщите моим друзьям, что я поклялся отправлять справедливое правосудие согласно закону и моей собственной совести, и я постараюсь поступить как честный человек».

Джон Хендерсон проголосовал за оправдание, совершив последний важный поступок в своей карьере сенатора. Подвергнутый осуждению, угрозам и сожжению в Миссури в виде чучела, он даже не попытался вновь баллотироваться в Сенат. Много лет спустя его партия, признав свой долг перед ним, попытается призвать его на менее значимые посты, но в Сенат, чье достоинство он поддержал, дорога ему была закрыта.

Питер Ван Уинкл из Западной Вирджинии, чья фамилия шла последней в списке опроса 16 мая, был, подобно Россу, «ником», но его твердое «не виновен» погасило последний проблеск слабой надежды, которую уже почти полностью разрушил Эдмунд Росс. Республиканцы надеялись на Ван Уинкла – первого сенатора Соединенных Штатов из Западной Вирджинии и критика отстранения Стэнтона. Газета «Интелидженсер» из Уиллинга окрестила его за проявленное им мужество «предателем Западной Вирджинии» и заявила всем и вся, что в штате нет ни одного лояльного гражданина, которого бы тот не предал своим голосованием. И в этом случае после окончания сенатского срока ему предстояло окончательное отлучение от политики.

Сенатор-ветеран Лаймэн Трамбл из Иллинойса, нанеший поражение Эйбу Линкольну в борьбе за кресло в Сенате, был автором многих важных законопроектов, касавшихся Реконструкции, на которые Джонсон наложил вето, он проголосовал за вынесение порицания Джонсону за его решение уволить Стэнтона.

Однако, сопротивляясь оказываемому на него огромному давлению, он проголосовал против осуждения пре-

зидента. Его «искусство управления государственными делами, – клеймила филадельфийская газета «Пресс», – выродилось в эгоизм», поскольку республиканский съезд в Чикаго принял решение: «Любой сенатор, избранный голосами республиканцев Союза, который в нынешней ситуации отступит и предаст, лишается всех прав и будет покрыт позором и проклят, пока существует это свободное правительство». А один республиканский лидер из Иллинойса предупредил досточтимого Трамбла: «Не показывайтесь на улицах Чикаго, так как я опасаясь, что представители возмущенного народа повесят его на ближайшем фонарном столбе».

Но Лаймэн Трамбл, завершив блестящую карьеру государственной службы и верности партии, которая отеклась от него, оставил грядущим поколениям следующие бессмертные слова:

«Вопрос, по которому предстоит вынести решение, не сводится к тому, является ли Эндрю Джонсон человеком, достойным поста президента, и достоин ли он того, чтобы продолжать занимать его... Однажды установленный прецедент импичмента президента по обвинению в том, что, позднее, когда в Палате представителей спадет накал страстей, будет рассматриваться как явно необоснованный повод, будет иметь далеко идущие последствия, а именно: ни один будущий президент, расходясь во мнении с большинством Палаты представителей и двумя третями Сената по любому вопросу, который они считают важным, не будет находиться в безопасности... Что же тогда случится с записанным в Конституции принципом «сдержек и противовесов», с таким тщанием разработанным и столь жизненно важным для обеспечения ее бессрочного существования? Они исчезнут... Я не могу служить орудием достижения

такого результата, и пока не настанут более спокойные времена и не будут оправданы мотивы, которыми я движим, я не вижу иной альтернативы, кроме стойкого выполнения моего долга – даже ценой потери дружеских связей и привязанностей».

Джозеф Смит Фоулер из Теннесси, являвшийся, подобно Россу, Хендерсону и Ван Уинклу, молодым сенатором, сначала считал, что президент заслуживает импичмента. Но бывший профессор из Нэшвилла был шокирован безумным взрывом страстей в Палате представителей, поспешно протавившей резолюции об импичменте с помощью обвинений против Джонсона, «основанных на фальшивках», и при участии «коррупцированного и бесчестного» Бена Батлера, «злобного человека, стремящегося превратить Сенат Соединенных Штатов в политическую гильотину». Он отказался услужливо подчиниться «политикам, вынесенным на поверхность свихнутым временем... поддерживая огонь в тлеющих угольках уходящей революции». Запуганный, отслеживаемый и оклеветанный его коллегами, радикальными республиканцами, нервничающий Фоулер так невнятно пробормотал свой ответ 16 мая, что его сначала приняли за слово «виновен». По Сенату прокатилась волна триумфа – Джонсона осудили, необходимости в голосе Росса не было! Но за этим последовал четкий и ясный ответ – «не виновен».

Поскольку его переизбрание было исключено, Фоулер ушел в отставку из Сената двумя годами позже, по завершении срока, сделав одно-единственное заявление в защиту отданного им голоса: «Я действовал в интересах моей страны и будущих поколений и подчиняюсь воле Господа».

Джеймс Граймс из Айовы, один из жестких и влиятельных врагов Джонсона в Сенате, убедился, что целью

судилища было лишь возбуждение общественных страстей с помощью «лживых утверждений, исходящих из уст самых недостойных и безответственных существ на этой земле» (что может считаться, возможно, свидетельством повысившегося качества вашингтонских корреспондентов за последние 87 лет).

К сожалению, оскорбления и угрозы, обрушившиеся на него во время судебного заседания, стали причиной паралича, разбившего его всего лишь за два дня до голосования, и он оказался в постели, не имея возможности двигаться. Радикальные республиканцы, отказавшись от перенесения даты голосования, были в восторге от того, что Граймс 16 мая будет не в состоянии присутствовать на заседании по болезни или же сошлется на болезнь, чтобы не голосовать за то, что было бы концом его карьеры. Толпа, собравшаяся на галереях, распевала «Старина Граймс мертв, этот плохой старик, мы его никогда больше не увидим». А Хорэйс Грили писал в нью-йоркской «Трибюн»: «Создается впечатление, что ни одно поколение не проходит, не дав нам хотя бы одного человека, которого можно считать одним из Предостережений истории. У нас были Бенедикт Арнольд, Аарон Бёрр¹, Джефферсон Дэвис, а теперь у нас есть Джеймс У. Граймс».

Но Джеймс У. Граймс был человеком огромного физического и духовного мужества, и, прежде чем начался опрос сенаторов 16 мая, четыре человека внесли бледного и истощенного сенатора из Айовы в зал и усадили в кресло. Позднее он писал, что Фессенден схватил его руку и одарил его «широкой улыбкой... Сегодня я не променял бы

¹ Бёрр, Аарон (1756–1836), американский государственный деятель, вице-президент США (1801–1805), получивший печальную известность убийством на дуэли Александра Гамильтона в 1804 г. и подготовкой в 1807 г. заговора с целью основания республики на юго-западе США, за что был подвергнут аресту, но оправдан.

это воспоминание на самую высокую награду в жизни». Председатель Верховного суда предложил ему оставаться сидящим во время голосования, но с помощью своих друзей сенатор Граймс с трудом поднялся и удивительно твердым голосом произнес «не виновен».

Изображавшее его чучело было подвергнуто сожжению, в прессе его обвиняли в «идиотизме и бессилии», его штат и друзья осудили его. Граймс не поправился, но, прежде чем он умер, объявил одному из своих друзей:

«Я всегда буду благодарен Господу за то, что в этот тяжелый год испытаний, когда многие признавались в частном порядке, что пожертвовали своим суждением и своей совестью под влиянием партийных газет и партийной ненависти, у меня достало мужества сохранить верность моей клятве и моей совести... Возможно, я был неправ, не совершив лжесвидетельства по приказу партии, но я не могу так считать... Я стал судьей под мою собственную ответственность и подотчетен только моей собственной совести и моему Создателю; и никакая сила в мире не заставит меня вынести решение по такому вопросу, противоречащее моим убеждениям, независимо от того, из кого состоит эта партия — из моих друзей или из моих врагов».

VII

Люшиус Квинтус Цинциннатус Ламар¹

«Сегодня я должен быть честным или лжецом»

Никто никогда не видел, чтобы закаленный политик-ветеран, спикер Палаты представителей Джеймс Г. Блейн плакал. Но вот он сидел на своем месте и не стыдился слез, струившихся по его щекам, будучи не в состоянии скрыть свои чувства при взгляде на членов палаты и зрителей в зале. Но очень немногие из сидевших в зале или на галереях в этот драматичный день в 1874 г. обращали хоть какое-то внимание на господина Блейна, тем более что многие из них также не пытались скрыть свои собственные слезы. И демократы, и республиканцы, покрытые боевыми шрамами ветераны Гражданской войны и политических баталей, сидели в хмуром молчании, слушая горячую мольбу молодого конгрессмена из Миссисипи. Он говорил простым и ясным языком, не прибегая к обычным риторическим средствам, и его густой, сочный голос доносил до сердца каждого слушателя бесхитростную просьбу о дружбе и соблюдении справедливости в отношениях между Севером и Югом.

¹ Ламар, Люшиус Квинтус Цинциннатус (1825–1903), американский политический деятель.

Да, все были тронуты его словами, но самым ошеломляющим было то, что Люшиус Ламар из Миссисипи обращался к ним от имени самого безжалостного врага Юга, одного из тех радикальных республиканцев, кто превратил период Реконструкции в незабываемый для Юга жуткий кошмар, – от имени Чарлза Самнера из Массачусетса. Чарлза Самнера, который называл Дэниела Уэбстера предателем за то, что тот хотел сохранить Юг в составе Союза; который помог распять Эдмунда Росса за поданный им голос против диктата парламентской толпы, готовой растоптать Юг и институт президентства; Чарлза Самнера, чью смерть ускорило ужасное избиение, устроенное ему четырьмя годами раньше в зале Сената конгрессменом Бруксом из Южной Каролины, который в результате этого превратился в героя Юга. Чарлз Самнер скончался, и Люшиус Ламар, получивший известность в предвоенные годы как один из наиболее оголтелых «пожирателей огня»¹ из южной глубинки, стоял сейчас на трибуне в зале заседаний Палаты представителей и произносил трогательную надгробную речь, оплакивающую его уход из жизни!

Незадолго до своей смерти, рассказывал Ламар затихшим слушателям, Чарлз Самнер

«считал, что все, что могло вызвать несогласие и недоверие между Севером и Югом, осталось позади... Разве не так же считают, а если не так, то разве не так же должны считать огромные массы нашего народа на Севере и на Юге? Разве нам не следует, скорбя над славным прахом... этого искреннего защитника человеческой доброты и благожелательности, отказаться от подозрительных умолчаний, порождающих лишь нескончаемые недоразумения и недоверие, и честно признать,

¹ Воинственные защитники интересов и конституционных прав южных штатов США в 50-х гг. XIX века.

что по обе стороны мы самым искренним образом желаем быть единым народом... душой и сердцем? Разве дух этого славного усопшего, которого мы сегодня оплакиваем, не мог бы сказать из своей могилы обеим сторонам в этом достойном сожаления разладе словами, которые должны дойти до каждого сердца по всей нашей огромной территории: "Соотечественники! Познайте друг друга, и вы возлюбите друг друга!"».

За этими словами последовала зловещая тишина — тишина осмысления и потрясения. А затем зал со всех сторон внезапно взорвался аплодисментами. «Боже, вот это речь! — сказал конгрессмен Лаймэн Тремейн из Нью-Йорка «чугунному» Келли из Пенсильвании. — Она прозвучит по всей стране».

Лишь немногие речи в американской политической истории производили столь немедленный эффект. За одну ночь она возвысила Ламара до высшего уровня в Конгрессе и во всей стране и, что более важно, стала поворотным пунктом в отношениях между Севером и Югом. Спустя две недели после панегирика Самнеру, произнесенного Ламаром, конгрессмен Карл Шурц из Миссури выступил перед десятитысячной аудиторией граждан Бостона и провозгласил Ламара пророком нового дня во взаимоотношениях между Севером и Югом. Бостонская газета «Глоуб» назвала речь Ламара, посвященную памяти Самнера, «свидетельством возрождения Союза на Юге», а бостонская «Эдвертайзер» написала, что это «самая важная и внушающая надежду речь, которая была произнесена Югом со времен войны».

То, что и на Севере, и на Юге найдутся люди, которые неверно поймут эту речь, было неизбежно. Северяне, чья политическая власть зависела от сохранения федеральной гегемонии над бывшими штатами Конфедерации, сопротивлялись любой попытке залечить раны конфликта мест-

нических интересов. Джеймс Блейн, утерев слезы, написал о панегирике, посвященном Самнеру: «То, что представитель Юга произнес пылкую и утонченную надгробную речь в честь Самнера и искусно вплепел в нее защиту того, что господин Самнер, подобно Джону Уэсли, считал суммой всех подлостей, было признаком его несомненной одаренности».

Южане, для которых Чарлз Самнер был символом всего худшего в довоенном аболиционистском движении и послевоенной Реконструкции, почувствовали себя преданными. Несколько ведущих газет штата Миссисипи, включая «Демократ» из Коламбуса, «Мэйл» из Кантона и «Меркьюри» из Меридиана, резко раскритиковали Ламара и, подобно его старым друзьям, сочли, что он сдал на поругание принципы и честь Юга. Ламар писал своей жене:

«Здесь никто не считает, что я спустил флаг Юга, но южная пресса обрушилась на меня... Наш народ так сильно исстрадался, так часто предавался теми, кому он имел все основания доверять, что, вполне естественно, должен питать подозрение к любому слову или попытке примирения, адресованным Северу выходцем с Юга. На этот раз я знаю, что совершил добро в интересах Юга... я вызвал сострадание там, где ранее была лишь враждебность. Если он меня осудит, хотя проявление его неодобрения и не будет мне безразлично, я... не обижусь. Мысль о том, что я совершил полезное для Юга дело, вселяет в меня силы. Настала пора, чтобы государственное лицо попыталось сослужить Югу службу, а не прислуживало его раздраженным чувствам... Я не буду служить чьим-либо другим интересам, кроме его интересов, и уйду спокойно и без шума в частную жизнь, если народ Юга выскажет мне свое неодобрение».

Такие нападки, однако, были сравнительно малочисленны. Повсюду, и на Севере, и на Юге, признавали, что речь, которая могла обернуться форменной катастрофой, стала в действительности заметной победой. Было очевидно, что движимые неведомыми силами истории и персональной судьбы личность и обстоятельства сошлись в тот день в Вашингтоне.

Кем был этот человек?

В 1874 г. Люшиус Квинтус Цинциннатус Ламар был «публичным человеком». Мелочным проблемам, политическим пустякам и даже личным делам не позволялось загромождать его разум. Ничто – ни партийные, ни личные или местнические соображения не могли перевесить его преданность национальным интересам и истине. Он был не только государственным деятелем, но и ученым и одним из немногих оригинальных мыслителей своего времени. Генри Адамс считал его одним из «самых спокойных, самых рассудительных и самых приятных людей в Соединенных Штатах и, к тому же, человеком совершенно необыкновенного обаяния в общении с людьми. И прежде всего он обладал... тактом и юмором». Генри Уоттерсон, известный вашингтонский репортер, называя Ламара «исключительно интересным и приятным человеком», писал: «Я склонен считать, что он самый умный из всех, с кем я знаком в Вашингтоне». А сенатор Хоар однажды заметил:

«Покойный Мэтью Арнольд обычно утверждал, что американский государственный деятель лишен качества, которое он называл “индивидуальностью”. О Ламаре этого нельзя сказать. Он выделялся бы повсюду своими непохожими ни на кого свойствами и качествами. Он был очень интересной, очень примечательной и очень благородной личностью».

Широко известный вашингтонский корреспондент Уильям Престон Джонсон писал: «Ламары являются гугенотами по происхождению. Этому дому достался фатальный дар гениальности, и печатью его прикосновения, его вдохновения, его триумфа и в какой-то мере его злого рока отмечено все, что исходило из этого дома». Впечатляло уже само перечисление личностей, связанных с домом Ламара: среди его дядей были Мирабо Бонапарт, чья стремительная атака у Сан-Хасинто разрушила мексиканские боевые ряды и военная слава сделала его вторым президентом Республики Техас; Джефферсон Джексон, Томас Рэндолф и Лавуазье ЛеГран – имена тех, кто оставил свой след в истории, а затем в политике и, от политики, – в химии. Но этим фатальным даром гениальности и в то же время меланхолии отличался и отец Люшиуса Ламара: в возрасте 37 лет, когда его ожидала впечатляющая карьера в Коллегии юристов Джорджии, находясь в состоянии сильной депрессии, он поцеловал на прощание жену и детей, вышел в сад и застрелился.

Нечто похожее – черная нить подавленности и депрессии – пронизывало весь жизненный путь Люшиуса Ламара. Хотя подобные настроения так и не совладали с ним, современники отмечали, как временами он замыкался и уходил в себя, становился болезненно уязвимым, а порой и мрачным. Однако его юность была, в целом, счастливой и прошла на плантации в том самом регионе, где Джоэль Харрис¹ собирал свои сказки о Дядюшке Римусе и Братце Кролике. Сам Ламар также получил позднее известность как автор рассказов о сельском Юге, что было отмечено Генри Адамсом, говорившим о том, какого успеха мог бы добиться в Лондоне представитель Конфедерации Ламар: «Лондонское общество было бы восхищено им, его рас-

¹ Харрис (Гаррис), Джоэль Чэндлер (1848–1908), американский журналист и сказочник, автор широко известных сказок.

сказы пользовались бы успехом, его манеры вызвали бы к нему любовь, а его ораторские способности покорили бы любую аудиторию».

С самого начала под руководством своей матери Ламар проявил большие способности к учебе. Много позднее он сказал: «Книги! Книги окружали меня со всех сторон. Первой книгой, которую, как мне помнится, дала мне моя мать, была «Автобиография» Франклина¹». Второй была «История» Роллинса, та самая «История», которой за много лет до него зачитывался 9-летний Джон Квинси Адамс. Ламар прочел множество книг по дипломатии и праву, но в то же время обожал легкую литературу, как случайно обнаружили много лет спустя некоторые корреспонденты: входя в Белый дом для участия в заседании кабинета министров, Ламар уронил портфель, и из него выпало несколько книг. Все эти книги были дешевыми романами!

Эмори-колледж, в котором учился Ламар, был идейным очагом борьбы за права штатов². Президент колледжа, член известной семьи Лонгстритов, был горячим сторонником Кэлхуна, и его влияние на Ламара, всегда значительное, лишь усилилось после женитьбы Ламара на его дочери. Когда Лонгстрит уехал из Джорджии, чтобы возглавить Университет штата Миссисипи в Оксфорде, Ламар последовал за ним, чтобы заняться адвокатской практикой и преподавательской деятельностью. Именно там во время учебы в университете Ламару представилась

¹ Франклин, Бенджамин (1706–1790), американский государственный и политический деятель, один из отцов-основателей американского государства, дипломат и ученый. Его «Автобиография» является незаконченным трудом.

² Права штатов – концепция (доктрина), согласно которой штаты пользуются всеми правами, не запрещенными им Конституцией США и не переданными ими федеральным властям. Демократами за права штатов именовались южные демократы середины XIX века. Партия диксикратов, возникшая в 1840 г., стала именоваться с 1853 г. Демократической партией прав штатов.

возможность, с которой началась его карьера на государственном поприще.

5 марта 1850 г. легислатура штата Миссисипи приняла ряд резолюций, предписывающих представителям Миссисипи в Конгрессе голосовать против принятия в Союз Калифорнии. Когда сенатор Фут, проявив явное мужество, пренебрег предписанными инструкциями, демократы, члены комитета за права штатов, настояли на том, чтобы Ламар выступил в дебатах с сенатором по возвращении последнего в Миссисипи для участия в губернаторских выборах. Ламару было всего 26 лет от роду, он был новичком в штате и в политической жизни того времени, и ему дали всего несколько часов на подготовку к дебатам с одним из наиболее опытных и агрессивных политиков того времени. Его не подготовленная заранее речь, в которой он отхлестал сенатора Фута за игнорирование инструкций легислатуры Миссисипи (как он сделал то же самое спустя 28 лет), оказалась весьма успешной, и по окончании дебатов студенты университета «вынесли его на своих плечах».

За этим последовало избрание его в Конгресс в качестве стойкого сторонника доктрин Кэлхуна и Джефферсона Дэвиса. В Конгрессе Ламар оставался неистовым защитником интересов Юга, тогда как Александр Стивенс, Роберт Тумбс и другие южные юнионисты¹ тщетно пытались остановить волну местничества. «Другие могут похвастаться своим безмерным патриотизмом и своей раздутой и всеохватной любовью к Союзу, – сказал он, выступая в Палате представителей. – Что касается меня, то я должен признаться, что защита интересов Юга уступает по важности только сохранению чести Юга». Спустя несколько лет он признает, что никогда не сомневался в прочности системы южных штатов до тех пор, пока не обнаружил, что рабство не выдержит войны. Он, однако, перестал придер-

¹ Юнионисты – приверженцы сохранения единства Союза до и во время Гражданской войны в США.

живаться избранного им курса, не отдавая себе отчета в том, что рабство обречено. В одном из своих писем он писал: «Раскол не может произойти мирным путем... Когда зайдет солнце Союза, оно зайдет в море крови».

К 1860 г. он слыл, по словам Генри Адамса, «за наихудшего из южных пожирателей огня». Потеряв все надежды на то, что Югу удастся добиться справедливости в составе Союза, он покинул съезд Демократической партии в Чарльстоне вместе с Джефферсоном Дэвисом, способствовав тем самым разрыву еще одного звена в цепи Союза. Его довоенная карьера достигла пика в 1861 г., когда он составил проект Ордонанса о сецессии, разрывающего связи Миссисипи с Союзом. Ветер был посеян, и теперь Ламару и Миссисипи предстояло пожинать бурю.

Она обрушилась на них обоих с одинаковой силой. Конечно, многие из испытаний и страданий, выпавших на долю Юга в послевоенные годы, объяснялись поражением в борьбе тех, кто, как ожидалось, сможет возглавить власть в регионе. На Юге контроль за деятельностью правительства, в противовес Северу, всегда был в руках узкого круга лиц, а в правящих кланах было «пролито много вина»¹. Из тринадцати потомков первых Ламаров, приехавших в Америку, тех, кто служил в армии конфедератов в чине подполковника и выше, семеро погибли в боях. Самый младший брат Ламара, как считалось, самый блестящий из всех, Джефферсон Мирабо был убит, когда он направил своего коня через вражеский бруствер в Крэмpton-Гэпе. Его кузен Джон, один из крупнейших рабовладельцев Юга, пал рядом с ним. Спустя два года старший брат Ламара, Томпсон Бёрд, полковник Пятого флоридского полка, был убит в кровавом сражении у Питерсберга. Два партнера Ламара по адвокатской конторе были убиты: полковник

¹ Автор прибегает к библейской аллюзии – вино-кровь, чтобы подчеркнуть огромные людские потери среди членов правящих семей Юга.

Мотт – у Уильямсберга, где рядом с ним сражался Ламар, и Джеймс Отри – в боине у Мерфрисборо. Расколотая вдребезги табличка с именами всех трех партнеров была найдена плавающей рядом в реке, что выглядело символом наступающих черных дней.

Конец военной карьере самого Ламара положил апоплексический удар – болезнь, от которой он страдал всю свою жизнь и которая висела над ним грозным мечом в моменты сильного нервного напряжения. Практически весь остаток войны он прослужил в качестве дипломатического агента правительства Конфедерации.

С окончанием войны, которая разрушила все надежды и иллюзии Ламара, он испытал сильное желание избавиться от тяжелого груза прошлого и уехать в другую страну. Он полагал, как писал его биограф Уирт Армистид Кейт, что утратил доверие, оказавшись лидером, который завел свой народ в дикие дебри, откуда не было выхода. Но он последовал совету Роберта Ли лидерам Юга остаться в стране и «разделить судьбу своих штатов», и с 1865 по 1872 г. вел тихую жизнь в Миссисипи, занимаясь преподавательской деятельностью и адвокатской практикой, в то время как его штат проходил через испытания тяжкой годины Реконструкции.

Ни один штат не пострадал от правления «мешочников»¹ больше, чем Миссисипи. Аделберт Эймс, первый сенатор, а затем и губернатор штата, был выходцем из Мэна, зятем печально известного «нью-орлеанского мясника» Бена Батлера. Он признался в ходе слушаний в одном из комитетов Конгресса, что лишь перспектива избрания в Сенат стала причиной его переезда на постоянное местожительство в Миссисипи. Он был избран губернатором

¹ «Мешочниками» в период после окончания Гражданской войны в США южане называли устремившихся на Юг северян, представителей федеральных властей, пытавшихся занять ключевые посты в штатах региона в ущерб местным политическим деятелям.

большинством, состоявшим из освобожденных рабов и радикальных республиканцев, поддерживаемых и защищаемых федеральными штыками. Некто по имени Кардоза, разыскиваемый в Нью-Йорке по обвинению в воровстве, был поставлен во главе школ, а два бывших раба занимали посты вице-губернатора и статс-секретаря штата. Огромные территории северной части Миссисипи лежали в руинах. Налоги выросли в четырнадцать раз выше обычного уровня, с тем чтобы покрывать необузданные расходы реконструкционного правительства и тяжелые долги штата и страны.

Будучи свидетелем этих тревожных лет, Ламар осознал, что единственная надежда Юга заключалась не в том, чтобы продолжать старые ссоры с Севером, а в том, чтобы содействовать примирению, восстанавливать и развивать нормальные взаимоотношения между федеральными властями и штатами и избавиться от военного правления. А этого можно было добиться, в свою очередь, лишь убедив Север в том, что Юг более не желает быть, говоря словами Ламара, «возбудителем и возбужденным маятником американской политики». Ламар надеялся убедить Север в том, что аннулирование конституционных гарантий для населения Юга неизбежно повлияет на свободы, которыми пользовалось население Севера. Он пришел к убеждению, что будущее счастье страны может быть найдено лишь на основе взаимного примирения и сотрудничества между людьми, проживающими во всех местностях и во всех штатах.

Против такой политики выступали две политические силы. С одной стороны, это были республиканские лидеры, уверенные в том, что, лишь «размахивая окровавленной рубашкой», они смогут сохранить поддержку своей политики на Севере и Востоке страны, особенно в Великой армии Республики, и убежденные результатами выборов 1868 г., что южные штаты, будучи вновь под контролем демократов, совместно со своими союзниками на Севере навечно превратят республиканцев в партию меньшинства

в общенациональном масштабе. С другой стороны, и на Юге существовали люди, избравшие легкий путь к завоеванию влияния и популярности путем поощрения и эксплуатации естественного чувства горькой обиды, испытываемой побежденным Югом к своим завоевателям.

В противовес им Ламар верил, что «единственный путь, которым должен идти я вместе с другими представителями Юга, – это делать все возможное, чтобы ослабить напряженность между частями страны и принести мир и примирение».

В 1872 г. он был избран в Конгресс, и его петиция, содержащая положение об отмене ограничений в правах, наложенных на всех должностных лиц Конфедерации 14-й поправкой к Конституции, получила поддержку. Смерть Самнера и полученное от конгрессмена Хоара из Массачусетса предложение выступить с панегириком создали идеальную ситуацию, которую так долго ждал Ламар для того, чтобы протянуть Северу руку дружбы. Все способствовало обеспечению его успеха: его довоенная репутация противника Союза; его служба на посту должностного лица Конфедерации; тот факт, что Самнера ненавидели повсюду в Миссисипи и на всем Юге; наконец, его собственное ораторское искусство. Все эти работавшие в его пользу факторы были усилены впечатляющей внешностью, включая, говоря словами Генри Грейда, «эту необычную смуглость кожи, бледной, но здоровой, яркие серые глаза, высокие скулы, темнокаштановые волосы, твердый, решительный рот». Его памятный панегирик в честь Самнера предоставил Люшиусу Ламару первую возможность продемонстрировать новый тип южного государственного мышления. Первую, но не последнюю.

Жители Миссисипи в целом либо пришли к пониманию и одобрению настроения, выраженного в панегирике Самнеру, и уважению искренности Ламара, даже если она

была им не по душе, либо, если они твердо придерживались противоположных взглядов, прощали ему то, что было, по их мнению, серьезной ошибкой по сути дела. Ламар был избран легислатурой штата в Сенат Соединенных Штатов на волне завоеванной им популярности и возвращения демократов к власти в Миссисипи в 1876 г. Но еще до того, как он перешел из Палаты представителей в Сенат, Ламар вновь вызвал возмущение многих своих сторонников, отказавшись поддержать свою партию и свой регион по другому спорному вопросу.

Схватка за президентский пост в 1876 г. между Хейсом и Тилденом была жесткой. Достаточно сказать, что демократ Тилден получил самое незначительное преимущество в голосах выборщиков. Хейс сначала воспринял свое поражение с философским спокойствием, но его подручные при помощи республиканской газеты «Нью-Йорк таймс» превратили вполне очевидное избрание Тилдена в сомнительное, оспорив результаты голосования в трех штатах – Южная Каролина, Луизиана и Флорида, а затем попытались превратить это сомнение в утверждение о несомненной победе Хейса, поскольку им удалось заполучить от возглавляемых «мешочниками» правительств этих трех штатов сфальсифицированные избирательные бюллетени. В обстановке ширящихся слухов о грозящих беспорядках и усилении военной диктатуры Конгресс США принял решение о передаче вопроса на рассмотрение беспристрастной, как предполагалось, электоральной комиссии. Люшиус Ламар, уверенный в том, что объективное расследование засвидетельствует явный обман, совершенный республиканцами, согласился с таким решением, чтобы избежать возобновления трагического конфликта, который лег камнем на его душу и научил шире смотреть на вещи.

Но когда комиссия, действовавшая в полном соответствии с партийной линией, присудила спорные штаты и по-

беду на выборах Хейсу в соотношении 185 голосов выборщиков против 184, поданных за Тилдена, Юг пришел в ярость. Четыре года республиканского правления означали еще четыре года закабаления и эксплуатации Юга, еще четыре года, прежде чем Юг сможет вновь обрести достоинство и законно принадлежащее ему место в стране. Ламара обвинили в том, что он продал свой голос и честь своего региона за обещание будущего поста; его обвинили в трусости, в том, что он боится поддержать свой штат, когда предстоит серьезная борьба, его обвинили также в том, что он предал свой народ и свою партию в тот момент, когда согласно всем законам победа должна была быть признана за ними. Осознав, что пройдет шесть лет, прежде чем уже избранный сенатором Ламар будет вынужден вновь баллотироваться, его враги поклялись, что никогда не забудут о дне, когда Ламар совершил это вероломство.

Но Люшиус Ламар, человек справедливости и чести, не мог теперь отречься от результатов расследования, какими бы шокирующими они ни были, проведенного комиссией, созданной при его участии. Он поддержал это заключение комиссии, так как считал, что инаугурации Хейса можно помешать лишь с помощью силы и что такой путь будет вновь грозить катастрофой. Для Юга будет лучше, считал он, несмотря на провокационные призывы, согласиться в этом случае с поражением. Он был, однако, достаточно умелым политиком, чтобы заручиться обязательством Хейса пойти на уступки Югу, включая вывод военных оккупационных сил и восстановление местного самоуправления в ключевых штатах. Эта действительно важная услуга, оказанная им своему штату в условиях, когда многие политики-южане твердили о необходимости открытого противостояния, была поначалу в значительной мере проигнорирована. Оставаясь выше обрушившейся на него из Миссисипи бури критики, Ламар мобилизовал все

свои силы, готовясь к самому важному для него испытанию в роли независимого, беспартийного государственного деятеля, которая предстояла ему в Сенате.

Ни один высокопоставленный чиновник Конфедерации никогда не становился до этого членом Сената. И многие сенаторы не забыли, что около 20 лет назад Ламар был конгрессменом, проповедовавшим крайне местнические взгляды, который отказался от своего места в Палате представителей, чтобы принять участие в подготовке проекта Ордонанса о сессии. Момент явно не благоприятствовал его возвращению. Республиканцы уже обвиняли демократов в том, что они укрывали мятежников и предателей. Демократы также внесли свой вклад в усиление межрегионального недоверия, воспитав новое поколение демагогов-южан, нетерпимых и мстительных, «вращенных Реконструкцией из числа интриганов».

Когда сенатор Ламар, больной и усталый, отдыхал на протяжении почти всего 1877 г., Юг и Запад страны были охвачены новым движением, которое будет отравлять существование политических партий страны в течение жизни следующего поколения — движением за неограниченную чеканку серебряных монет. Уильям Дженнингс Брайан¹, пророк Моисей тех сил, которые выступали за это, еще не появился на политической арене, но «серебряный Дик» Блэнд, конгрессмен-демократ из Миссури, возглавил движение, представив на рассмотрение Палаты представителей законопроект о неограниченной чеканке монет из всего серебра, доставленного на Монетный двор. Поскольку огромный масштаб добычи серебра на западных серебряных рудниках уже привел к значительному понижению

¹ Брайан, Уильям Дженнингс (1860–1925), американский государственный и политический деятель, государственный секретарь США (1913–1915), лидер Демократической партии (1896–1912), кандидат в президенты США от Демократической партии в 1896, 1900, 1908 гг.

его стоимости по сравнению со стоимостью золота, единственная цель сил, выступавших за неограниченную чеканку монет из серебра, была ясной, простой и соблазнительной – легкие инфляционные деньги.

В Миссисипи этот лозунг пользовался огромной популярностью. Финансовая паника 1873 г. обрекла страну на самую глубокую экономическую депрессию в ее истории, которая нанесла особенно тяжелый удар по уже обнищавшим южным штатам. Случаи банкротства исчислялись тысячами, росла безработица, падала заработная плата. Цены на сельскохозяйственную продукцию быстро снижались по сравнению с высокими ценами военных лет, и фермеры Миссисипи, отчаянно нуждавшиеся в наличных средствах, поклялись поддержать любой законопроект, который повысит цену на их продукцию, снизит размеры их долгов и увеличит доступность денег. Юг понимал, что он останется постоянным должником финансовых институтов Востока США, если не будут обеспечены легкие деньги для выплаты его тяжелых долгов.

Поэма Вэчела Линдсея¹ четко отразила настроения беспомощности и горечи, с которыми Юг и Запад наблюдали за растущим финансовым доминированием Востока:

И все то время, в дни бессилья,
В оковах мрачного Востока
Они страдали от ошибок,
Что совершал за них патернализм² –
Он пригвоздил к распятью Запад,
Давно уж злобно превратив
Седой Атлантики берега
В гнездо гиганта-паука.

¹ Линдсей, Вэчел (1879–1931), американский поэт.

² Согласно этой философии государственного управления государство должно выступать в роли покровителя своих граждан-детей и заботиться об их благополучии, поскольку-де государство лучше знает, что нужно его гражданам.

Проблема свободной чеканки серебряных монет внезапно приобрела политический аспект как отражающая чаяния бедняка, в отличие от золота – денег богача; серебро было денежным средством прерий и маленьких городков, тогда как золото – деньгами Уолл-стрит. Серебро должно было обеспечить легкое решение проблем всех и каждого: падающих цен на фермерскую продукцию, высоких процентных ставок на кредиты, тяжелых долгов и всего остального. Хотя со времен Джексона и Бентона Демократическая партия была партией звонких денег, она тут же бросилась эксплуатировать эту новую и популярную проблему – и было вполне естественно предположить, что молодой сенатор-демократ из обнищавшего штата Миссисипи с энтузиазмом присоединится к борьбе.

Но Ламар, эрудированный ученый и профессор, подошел к этой проблеме несколько отлично от своих коллег. Практически не обращая внимания на требования своих избирателей, он изучил все доступные научные труды, посвященные обеим сторонам спорной проблемы. Его исследования убедили его – возможно, ошибочно – в том, что единственным здравым решением была поддержка крепких денег. Выплата долгов нашего государства, даже «раздувшимся держателям облигаций» с Уолл-стрит, снизившихся в цене, подвергшейся инфляции валютой, как это предусматривалось Биллем Блэнда и сопровождающей его резолюцией Мэтьюза, была, как он считал, этически несправедливой и, по существу, ошибкой, которая обязательно нанесет урон нашему авторитету в глазах всего мира, и предлагалась не в качестве долговременной финансовой программы, а как мера, якобы направленная на облегчение экономических трудностей государства.

24 января 1878 г. в своем мужественном и научно обоснованном послании – его первой речи в зале заседаний Сената – Ламар отверг призывы избирателей штата Миссисипи и подверг критике детально разработанные

обоснования двух предлагаемых мер в области «серебряного» законодательства, назвав их искусственными и преувеличенными. А на следующий день он проголосовал против резолюции Мэтьюза, выступив против своего коллеги из Миссисипи, исключительно талантливого чернокожего республиканца, избранного в Сенат несколькими годами раньше старой легислатурой штата, состоявшей из «мешочников».

Из многих уголков страны поступали хвалебные высказывания по поводу высокого уровня и государственной мудрости проведенного сенатором Ламаром анализа проблемы, но из Миссисипи слышались в основном порицания. 30 января легислатура штата приняла меморандум, никак не упоминавший имени Ламара, но – явная и намеренная пощечина – содержащий поздравление и благодарность его коллеге (которому белые демократы-законодатели обычно стойко противостояли) за то, что тот проголосовал отлично от Ламара и тем самым выразил «чувства и волю своих избирателей». Меморандум больно ранил Ламара, его не утешило даже письмо, полученное от близкого друга, спикера Палаты представителей штата Миссисипи, который назвал произошедшее «чертовски возмутительным», но объяснил:

«Люди испытывают на себе бремя тяжелых времен и недостатка денежных средств, и их представители сочли себя обязанными добиться чего-то, что могло бы принести облегчение, но как или с какой целью – мало кто из них мог объяснить».

Но на этом легислатура не остановилась. 4 февраля обе палаты легислатуры штата приняли резолюцию, содержащую указание Ламару проголосовать за законопроект Блэнда о неограниченной чеканке серебряных монет и использовать все свои возможности как представителя Миссисипи для того, чтобы законопроект был принят Конгрессом США.

Это решение легислатуры глубоко обеспокоило Ламара. Он знал, что выполнение обязывающих указаний легислатуры издавна считалось законом на Юге. Но в своем письме жене, касавшемся требований легислатуры, которая назначила его, он признавался: «Я не могу этого сделать. Я лучше навсегда уйду из мира политики». Он попытался подробно объяснить одному из своих друзей, заседавших в легислатуре штата, что признает право этого органа высказывать свое мнение по вопросам федеральной политики и обязанность сенатора следовать этому мнению, независимо от наличия у него сомнений в отношении должного курса. Но в этом конкретном случае, настаивал он, «их пожелания прямо противоречат убеждениям всей моей жизни, и, если бы я проголосовал [по резолюции Мэтьюза] в соответствии с указаниями, я бы проголосовал против своей совести».

«Если [сенатор] позволит себе руководствоваться мнением своих домашних друзей, каким бы верным другом он им ни был или какими бы верными друзьями они ни были ему, он выбросит на ветер все щедрые результаты, достигнутые им в ходе предшествовавшей подготовки и исследований, и превратится в обычного выразителя популярных воззрений, которые через несколько дней могут измениться... Такой курс сведет к минимуму искусство государственного управления любого человека, а его голос превратится в простое эхо существующих мнений, а не будет результатом зрелых раздумий».

Кроме всего прочего, согласно мужественной философии, которой он руководствовался с момента прихода на государственную службу, Ламар был исполнен решимости не отступать лишь по той причине, что его регион занимал противоположную позицию. Он не был намерен приобретать

уважение Севера к себе и своему региону, став на заранее просчитанный и низкопоклонствующий курс; но, определив однажды свое отношение к качествам законопроекта и решив, что он негоден, Ламар хотел продемонстрировать стране, что искусство государственного управления не утрачено на Юге и что Юг не намерен отказываться от обязательств перед государством и от своей чести. Он считал, что в данном случае исключительно важно, чтобы Юг не пошел по узкой тропе действий, диктуемых местническими интересами. На протяжении многих лет высказывалось мнение, что демократы-южане стремятся отказаться от обязательств, наложенных Правительством Соединенных Штатов в годы Гражданской войны, за выполнение которых Юг не нес никакой ответственности. Ламар, единственный из демократов-южан, выступал против движения за неограниченную чеканку серебряных монет, за исключением сенатора Бена Хилла из Джорджии, который говорил, что, хотя во время войны он сделал всё возможное, чтобы держатель облигаций Союза, купивший долларовую облигацию за 60 центов, потерял эти 60 центов, сейчас он стоит за выплату обещанного этому держателю облигаций доллара.

Неделей позднее законопроект Блэнда о неограниченной чеканке серебряных монет был внесен на окончательное голосование в Сенате. Когда обсуждение близилось к завершению, сенатор Ламар неожиданно поднялся со своего места. В руках у него не было никаких записей, так как он был одним из наиболее блестящих в Сенате специалистов по произнесению речей экспромтом. («Перо является разрушителем моих мыслей и мучителем моих нервов», — говорил он). Вместо этого он держал в руке официальный документ, заверенный печатью штата Миссисипи, который он, страницу за страницей, отправил на председательский стол. Извинившись перед своими коллегами, сенатор Ламар объяснил, что несмотря на то, что он уже изложил

свои взгляды на законопроект Блэнда, у него был «еще один долг, весьма болезненный, но, тем не менее, вполне четко выраженный». А затем он попросил зачитать текст резолюций, которые он отправил председательствующему.

Члены Сената были вначале поражены, а затем весь зал замолк во внимательном ожидании, когда секретарь Сената занудным голосом зачитал специальное решение легислатуры Миссисипи рекомендовать своим сенаторам, чтобы они проголосовали за билль Блэнда. После того как секретарь Сената закончил читать указания, все взоры с ожиданием обратились к Ламару. Как позднее описал это один из репортеров вашингтонской газеты «Кэпитол»,

«помня о вызвавшей затруднения позиции этого джентльмена в том, что касалось внесенного на утверждение законопроекта, все сенаторы немедленно сконцентрировали свое внимание на возникшей ситуации, и в зале заседаний установилась могильная тишина».

Массивно выглядевший, хотя и казавшийся одиноким в сенатском зале Люшиус Ламар говорил тихим, но производящим сильное впечатление голосом, голосом, который «дрожал от охвативших оратора чувств, в то же время вздрагивал от волнения»:

«Господин президент! Между этими резолюциями и моими убеждениями пролегла огромная пропасть. Я не в состоянии ее преодолеть... В годы становления моего штата, просвещению которого я имел честь способствовать, я всегда стремился внушить веру в то, что истина лучше лжи, честность лучше, чем политика, мужество лучше трусости. Сегодня я должен следовать тому, чему учил других. Сегодня я должен говорить правду или ложь, быть честным или коварным, верным или не верным своему народу. Даже в этот час, когда

легислатура выражает свое неудовольствие и неодобрение, я не могу голосовать в соответствии с ее указаниями. Причины моего голосования будут изложены моему народу, и тогда ей предстоит решать, лишает ли меня права представлять ее то, что я придерживаюсь моих искренних убеждений; может ли разделить нас различие в точках зрения на трудный и сложный вопрос, к внимательному, продолжительному и добросовестному изучению которого я подошел честно и целеустремленно и посвятил все свои способности, отпущенные мне Богом... Но каким бы ни оказалось их нынешнее решение, я знаю, что уже недалеко то время, когда они признают мои сегодняшние действия разумными и честными, и я буду спокойно ожидать результатов с сознанием честно выполненного долга, сохраняя веру в слова великого американца: «Истина всемогуща, а суд народный неизбежен»».

Сенаторы, как поддерживавшие законопроект, так и выступавшие против него, окружили его стол, выражая восхищение его мужеством. Ламар знал, что его речь и голосование не смогут помешать принятию законопроекта Блэнда огромным большинством голосов и последующему утверждению его вопреки вето президента Хейса. И тем не менее его сознательное и поразительно мужественное непослушание воле его избирателей было не напрасным. По всему Северу раздавалась похвала в адрес произнесенной им речи. Недоверие к Югу, подозрительность в вопросе об отношении Юга к национальному долгу и национальному кредиту уменьшились. «Харперс уикли», отметив, что Ламар голосовал вопреки «сильному и самому широкому выражению общественных настроений в своем штате», заключил:

«Ни один сенатор не продемонстрировал, что он достоин всеобщего уважения в большей степени,

чем господин Ламар, ибо никто не встал на защиту своих принципов более мужественно, чем он, перед лицом самого авторитарного порицания со стороны своего штата... Сенатор от Миссисипи продемонстрировал мужество, достойное американского государственного деятеля».

Журнал «Нейшн» писал в редакционной статье, что краткая речь Люшиуса Ламара, в которой он объяснил мотивы неповиновения инструкциям своего штата, «не имела себе равных в истории Конгресса по мужеству, достоинству и пафосу. Поданный им голос скорее всего будет стоить ему его места».

Это предсказание имело все основания, чтобы оправдаться. Наступление на сенатора из Миссисипи было незамедлительным и мощным. Он повернулся спиной к своему народу и своему региону. Говоря словами одного из политических ораторов, он «так поспешил влиться в ряды врагов, что спотыкался о могилы своих погибших соратников». Его старый друг Джефферсон Дэвис нанес ему серьезную рану, публично осудив игнорирование Ламаром инструкции его легислатуры как удар по «основам нашей политической системы» и традиционной практике Демократической партии Юга. Отказ от выполнения инструкций или отказ от ухода в отставку со своего поста, дабы избиратели «могли избрать того, кто мог бы действительно представлять их», был, по словам Дэвиса, равносителен отрицанию того, что народ обладает достаточным разумом, чтобы управлять! (Ламара больно ранило отношение его бывшего начальника, но любопытно отметить, что спустя несколько дней, когда сенатор Хоар попытался лишить Дэвиса пенсии ветерана войны с Мексикой, на которую тот имел законное право, именно Ламар выступил в защиту лидера конфедератов с памятной и исполненной драматизма речью:

«Сэр, такой поступок не требует мужества... этот джентльмен, я полагаю, числится христианским государственным деятелем. Он мог бы и лучше усвоить уроки мифологии. Когда Прометей оказался прикованным к скале, свой клюв в израненные внутренности жертвы вонзил не орел, а стервятник».

По свидетельству современника, в тот момент, когда Ламар свистящим шепотом произнес слово «стервятник», его правая рука выпрямилась и указующий перст устоялся прямо на Хоара.)

Все сошлись на том, что по окончании первого срока своего пребывания в Сенате Ламар политически мертв, и оставался нерешенным лишь единственный вопрос: кто станет его преемником? Ламар любил Миссисипи, и исходящая из этого штата критика глубоко ранила его. Он писал своей жене, что хотел бы, чтобы его финансовое состояние позволило ему уйти в отставку с поста, не нанося вреда его семье:

«Мир полон для меня печали, если бы не ты... Я получаю множество комплиментарных писем с Севера, но очень мало из Миссисипи... Может ли быть правдой, что Юг осудит бескорыстную любовь тех, кто, отстаивая его подлинные интересы, подставляет свою незащищенную грудь как препятствие против вторжения ошибок?.. Это поистине тяжелый крест, лежащий на государственном человеке, который вынужден занять позицию, в результате которой он теряет любовь и доверие своих избирателей».

Но подобно его знаменитому дяде, Мирабо Ламару из Техаса, и другим членам его семьи, Люшиус Квинтус Цинциннатус Ламар не боялся того, что у него очень мало шансов на успех. Несомненно, он нарушил указания

легислатуры, говорил он. «Но я обращусь к суверенному народу – хозяевам легислатуры, которые правомочны давать мне указания».

Сделав это заявление, сенатор Ламар предпринял несколько поездок по штату Миссисипи. Выступая перед тысячами людей в переполненных залах и на открытом воздухе, Ламар откровенно заявлял, что он отдает себе отчет в том, что его избиратели им недовольны; что самым легким путем было бы использование довода местнических интересов, верность которым он всегда сохранял; но его намерение состояло в том, чтобы помочь создать атмосферу взаимного доверия между Севером и Югом путем голосования в общенациональных интересах, не обращая внимания на региональное давление.

В течение трех- или четырехчасовых выступлений его страстные и образные речи завораживали толпы людей, пришедших, чтобы освистать его. Как описывали позднее некоторые свидетели его выступлений, «он выступал как горный поток, сметая на своем пути валуны, препятствующие его свободному течению».

Но Ламар не прибегал к использованию ораторских хитростей, чтобы играть на эмоциях, избегая при этом острые проблемы. Напротив, его речи представляли собой тщательно обоснованное объяснение занятой им позиции с изложением конституционной истории Сената и его взаимоотношений с легислатурами штатов и содержали цитаты и примеры из политических биографий Бёрка, а также Кэлхуна, Уэбстера и других известных сенаторов, не подчинявшихся указаниям легислатур: «Лучше следовать примеру этих названных мною выдающихся людей, чем попросту отказаться от здравого суждения и убеждений из почтения перед ропотом народа».

В ходе всех выступлений он рассказывал об инциденте, который, как он заверял своих слушателей, произошел во время войны. Ламар в группе с другими видными воен-

ными и гражданскими лицами Конфедерации находился на борту направлявшегося в Саванну корабля, пытавшегося прорвать блокаду. Ламар рассказывал, что высокопоставленные офицеры, посоветовавшись, решили, что продолжение движения не представляет опасности, однако капитан отправил матроса Билли Саммерса на мачту, чтобы уточнить, нет ли в гавани канонерок северян, и Билли сказал, что заметил десять таких канонерок. Эта группа видных офицеров знала, где находился флот янки, – знала, что его *не было* в Саванне. Они сказали капитану, что Билли ошибся и их корабль должен продолжать свой путь. Капитан отказался, настаивая, что при всем том, что офицеры знали гораздо больше о военных делах, находившийся на вершине мачты с биноклем в руках Билли Саммерс мог намного лучше оценить реальную ситуацию.

Как оказалось позднее, Билли был прав, сказал Ламар, и, если бы они продолжили путь, их всех захватили бы в плен. Подобно матросу Билли Саммерсу, Ламар не утверждал, что он мудрее законодательной власти Миссисипи. Но он считал, что находится в более предпочтительном положении как член Сената Соединенных Штатов, чтобы решать, что лучше для интересов его избирателей.

«Таким образом, мои соотечественники, вы отправили меня на вершину мачты, и я говорю вам, что я вижу. Если вы считаете, что мне следует спуститься, я безропотно подчинюсь, так как вы не можете заставить меня лгать вам; но если вы отзовете меня, я могу только сказать, что сохраню любовь к стране, истине и Богу... Я всегда считал, что первейшей обязанностью государственного деятеля, состоящего на службе у Республики, основной на суверенитете народа, является честное и откровенное выражение своего мнения своим избирателям. Я ценю доверие народа Миссисипи, но я никогда не действовал ради популярности.

Я с глубоким уважением отношусь к общественному мнению, но я считаю, что в здравом осознании цели заложена прочная основа, которая при любых обстоятельствах поддержит человека, обладающего обычной стойкостью».

Его поездка по штату была исключительно успешной. «Люди, которые были настроены настолько враждебно, что их трудно было принудить даже выслушать его, забирались на скамьи и столы, размахивали шляпами и до хрипоты в голосе приветствовали его криками “ура!”». Другие молча удалялись, размышляя о смысле того, что он сказал. Когда он выступал в графстве Язу, цитадели сил, оппозиционных к нему, местная газета «Геральд» сообщила, что он, подобно «загнанному льву», «одолел предубеждения сотен людей, которых убедили в том, что его взгляды по отдельным проблемам в большей степени отвечали взглядам тех, кто проживал на широте Новой Англии, чем тех, кто проживал в Миссисипи». А вскоре после этого демократический конвент графства Язу принял резолюцию о том, что их законодатели «проголосуют за него и будут работать в его пользу с самого начала до самого конца, исходя из того, что таков выбор населения округа на пост сенатора Соединенных Штатов».

Приятно отметить, что народ Миссисипи продолжал поддерживать его, несмотря на то что в трех важных случаях – в его панегирике Чарлзу Самнеру, в его поддержке электоральной комиссии, сделавшей свой выбор в пользу республиканца Хейса, и в вопросе о неограниченной чеканке серебряных монет – Ламар выступал против четко выраженных пожеланий избирателей. Но именно избиратели отреагировали на продемонстрированные им искренность и мужество, продолжая оказывать ему поддержку и расположение вплоть до завершения его политической карьеры. Он был вновь избран подавляющим большинством голосов в Сенат, позднее стал председате-

лем сенатского демократического кокуса, затем министром внутренних дел США и, наконец, членом Верховного суда Соединенных Штатов. По праву называемый наиболее одаренным государственным деятелем, направленным Югом на службу нации со времен окончания Гражданской войны до конца столетия, он никогда не изменял своему глубокому убеждению, выраженному в то время, когда он подвергался резкому осуждению в 1878 г.:

«Свобода нашей страны и ее огромные интересы никогда не смогут быть обеспечены, если ее публичные деятели превратятся в простых лакеев, выполняющих распоряжения своих избирателей, вместо того чтобы быть представителями в истинном смысле этого слова, уделяющими основное внимание прочному процветанию и будущим интересам всей страны».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВРЕМЯ И МЕСТО

Два достойных человека – оба республиканцы, оба выходцы со Среднего Запада, но столь различные по своей политической философии и по личной манере поведения – наилучшим образом иллюстрируют, какое воздействие оказал XX век на Сенат в целом и на атмосферу политического мужества в частности. Джордж У. Норрис и Роберт А. Тафт, чьи сенатские карьеры переплелись лишь на непродолжительное время каких-то 17 лет назад, были знатоками законодательного процесса, лидерами фундаментально противостоящих друг другу политических фракций и толкователями, каждый по-своему, основополагающих конституционных доктрин. И среди их достижений далеко не последнее место занимает тот престиж и уважение, которое они и другие подобные им личности принесли Сенату Соединенных Штатов. Так уж сложилось, что на рубеже веков славу и власть людям, обладавшим способностями и талантом, приносила деятельность в сфере промышленного производства, но не в сфере политики. В результате общественность зачастую относилась к политической профессии с апатией, индифферентностью, неуважением и даже не воспринимала ее всерьез.

Потеря престижа профессии политика отразилась и на Сенате. Частично именно общественной реакцией на появление нового типа законодателя объясняется то, что на

рубеже века им слишком уж часто становился чванливый корпоративный адвокат и грязный политический босс. Казалось, что Сенат утратил значительную долю эмоционального напряжения и драматизма, которые были столь важной частью его деятельности в годы, предшествовавшие Гражданской войне; во многом утратил власть и престиж, которыми он столь бесстыдно пользовался в годы администраций Джонсона и Гранта. В какой-то мере это было реакцией на то, что законодательные проблемы стали более сложными и многоплановыми. Даже Санто-Доминго казалось куда более далеким, чем Форт-Самтер (в связи с тем, что Сенат задержал прохождение подписанного Тедди Рузвельтом Договора Санто-Доминго, президент заявил Сенату, что тот «полностью некомпетентен»)¹, а торговля между штатами казалась менее волнующей и важной проблемой, чем снятие ограничений с чеканки серебряных монет. Фамилии известных сенаторов уже не употреблялись столь же часто в повседневной жизни, как в годы великого триумvirата. Страна уже не следила, затаив дыхание, за сенатскими дебатами, как в дни Великого компромисса или импичмента Джонсона. Политическая карьера уже не привлекала самых блестящих учащихся страны, которые 60 или 70 лет назад заучили бы наизусть ответ Уэбстера Хейну.

Те граждане, которые проявляли интерес к деятельности Сената в начале XX века, взирали на него скорее с опаской, чем с гордостью. По всей стране появилось удивительное множество реформаторов, «разгребателей грязи»² и движе-

¹ Санто-Доминго – столица Доминиканской Республики, Форт-Самтер – федеральный военный форт в штате Южная Каролина, с обстрела которого артиллерией конфедератов началась 12 апреля 1861 г. Гражданская война в США.

² Так называли буржуазных реформаторов, разоблачавших в печати злоупотребления трестов и усиление эксплуатации трудящихся. Традиционно приписываемая богатой фантазии президента Теодора Рузвельта, эта фраза принадлежит в действительности английскому писателю Джону Бьюниану (1628–1688).

ний за эффективное правительство, представляемых в Сенате новой породой идеалистов и независимых людей, людей, обладающих заметными способностями и талантами к управлению государственными делами, которые ничем не уступали самым выдающимся именам более ранней истории. Для того, чтобы остановить дальнейшее развитие этих двух тенденций – индифферентности избирателей по отношению к своим сенаторам и индифферентности сенаторов к своим избирателям, реформаторы как в самом Сенате, так и вне его наконец добились изменений в избирательном механизме – право избирать сенаторов было отобрано у легислатур штатов и передано непосредственно в руки народа.

Семнадцатая поправка к Конституции, ратифицированная в 1913 г., отражала совершенно иной подход к «массам» избирателей по сравнению с тем недоверием, которое питали к ним в 1787 г. создатели Конституции, но, вместе с тем, она отражала и всеобщий упадок уважения к легислатурам штатов, слишком часто позволявшим мощным лоббистам и политическим машинам узурпировать их право избрания сенаторов. Один из президентов железнодорожной компании признался Уильяму Лайону Фелпсу, что он никогда не хотел стать сенатором Соединенных Штатов, поскольку сам «сделал» очень многих из них. Имея в виду эти слова, видный сенатор из Новой Англии У.Э. Чэндлер лаконично объяснил свой уход в отставку тем, что его «переехал железнодорожный состав».

Не может быть сомнения в том, что семнадцатая поправка практически сразу сделала Сенат более внимательным к воле избирателей как в принципе, так и в действительности. Однако ее результаты оказались не столь далеко идущими, а лицо и состав Сената изменились не столь основательно, как на это надеялись реформаторы. Сенатор Бойес Пенроуз, политический босс Пенсильвании, сказал своему другу-реформатору:

«Мне достаточно народа, всегда и во всём! Посмотрите на меня! Ни одна легислатура никогда не решалась избрать меня в Сенат, даже в Гаррисберге¹. Но народ, мой дорогой народ, избрал меня гораздо более внушительным большинством голосов, чем было набрано моим оппонентом, превосходством в более чем полмиллиона голосов. Вы и ваши друзья-«реформаторы» думали, что прямые выборы удалят людей, подобных мне, из Сената! Мне достаточно народа, всегда и во всём!»

Не существовало (и не существует) какого-либо метода, чтобы измерить с помощью статистики или науки последствия прямого избрания сенаторов для повышения качественного уровня самого Сената. Всегда доставало как презрительной критики, так и щедрых похвал в адрес Сената в целом и отдельных сенаторов. Но слишком уж часто такие суждения высказывались в общем плане и основывались на отдельных случаях или ограниченном собственном опыте. К примеру, незадолго до своей смерти Вудро Вильсон², боровшийся с Сенатом за Лигу Наций и Версальский договор, отказался от предложения баллотироваться на место в Сенате от штата Нью-Джерси, заявив: «За пределами Соединенных Штатов Сенат не стоит ни гроша. А в Соединенных Штатах Сенат в основном презирают; за пятьдесят лет там не возникло ни единой мысли». В 1920 г. многие были согласны с ним, и есть немало людей, которые согласятся с этим мнением и сегодня.

Но профессор Вудро Вильсон до того, как его опалило политическое пламя, считал Сенат одним из наиболее эффективных и наиболее могущественных законодательных органов в мире. В какой-то степени такая власть,

¹ Столица штата Пенсильвания.

² Вильсон, Томас Вудро (1856–1924), 28-й президент США (1913–1921).

а также умение, требующееся от тех сенаторов, которые хотели обуздать ее, стали результатом растущего влияния федерального законодательства на внутренние дела. Но еще более важной была постепенно растущая власть Сената во внешнеполитической сфере – власть, которая многократно расширилась с повышением статуса нашего государства в сообществе наций, власть, которая в XX веке превратила Сенат в куда более важный орган власти с точки зрения прямых последствий его решений, чем пышный Сенат времен Уэбстера, Клея и Кэлхуна, который безостановочно, но бесплодно трудился над вопросом о рабстве.

И точно так же, как в 1850 г. раздираемая внутренним кризисом страна потребовала от сенаторов мужества, проявления мужества потребовала страна, столкнувшись с международным кризисом. Джон Квинси Адамс осознал это за сто лет до того, как Джордж Норрис прибыл в Вашингтон. Но он не мог предвидеть, что роль, которую играет в мире наша страна, будет вносить в зал заседаний Сената проблемы постоянно возникающих кризисов и тревожных ситуаций – кризисов, которые заставят таких людей, как Джордж Норрис, сделать выбор между совестью и избирателями, и проблем, которые заставят таких людей, как Боб Тафт, сделать выбор между верностью принципам и популярностью.

Это рассказ не просто о политическом мужестве, проявленном в XX веке, и, возможно, даже не самые выдающиеся или самые выразительные его примеры. И тем не менее, видимо, благодаря тому, что менялся характер Сената, его деятельность и сами его члены, мы не так часто, как прежде, становимся свидетелями гражданского подвига – бескорыстной позиции, занятой во имя реализации великих, но непопулярных принципов. Возможно, еще не такое уж долгое время отделяет нас от тех соотечественников, чью деятельность более непредубежденные историки сочтут достойной быть занесенной в анналы

политического мужества. Возможно, от сенатора XX века не требуется рисковать всем своим будущим ради всего лишь одного важного вопроса, как это было в случае с Эдмундом Россом или Томасом Хартом Бентоном. Возможно, наши нынешние примеры политического мужества не побуждают народ на такие же действия, которые разрушили карьеры Сэма Хьюстона и Джона Квинси Адамса. И все же сегодня, когда мы понимаем, что одна газета, решившая осудить сенатора, дойдет до в тысячи раз большего числа избирателей, чем все именитые и словоохотливые хулители Дэниела Уэбстера, взятые вместе, во всех этих историях проявления политического мужества в XX веке уже заключены и драма и стимул – и вдохновение.

VIII

Джордж Норрис¹

«Я пришел домой, чтобы сказать вам правду»

Ровно в час пополудни зимним днем 1910 г. конгрессмен Джон Дэлзелл из Пенсильвании покинул кресло спикера Палаты представителей и вышел из здания палаты, чтобы выпить в ресторане Капитолия свою ежедневную чашечку кофе с куском пирога. Его выход из здания не был чем-то необычным, так как конгрессмен Дэлзелл, занимавший пост первого заместителя спикера Джона Кэннона и руководивший работой Палаты представителей со спикерского кресла, часто покидал палату в точно определенный час, и почти столь же неизменно его заменял в председательском кресле конгрессмен Уолтер Смит из Айовы. Но именно в этот конкретный январский день за проходом конгрессмена Дэнзелла через ряды кресел с нескрываемым удовольствием наблюдал некий взлохмаченный конгрессмен, облаченный в простой темный костюм с небольшим галстуком в виде шнура. Заместитель спикера едва достиг дверей палаты, когда республиканский конгрессмен Джордж У. Норрис из Небраски подошел к конгрессмену Смиту и спросил у него, может ли тот

¹ Норрис, Джордж Уильям (1861–1944), американский сенатор и политический деятель.

предоставить ему слово на две минуты. Смит, член республиканской правящей клики Кэннона–Дэнзелла, но личный друг Норриса, согласился.

К его изумлению, конгрессмен Норрис предложил внести поправку в находившуюся тогда на обсуждении резолюцию – резолюцию, согласно которой должен быть создан комитет для расследования разногласий, вызванных диспутом между Бэллинджером и Пинчотом по поводу предложенных первым мер по охране природы¹. Норрис потребовал, чтобы вся Палата представителей приняла участие в назначении членов комитета по расследованию, вместо того чтобы, как обычно, предоставлять спикеру право выбора членов такого комитета.

Служители палаты поспешили разыскать Кэннона и Дэнзелла. Это было «бунтом на корабле» – первой попыткой ограничить ранее ничем не ограниченные права «царя» Кэннона! Но Норрис настаивал на том, что он движим желанием добиться справедливого расследования, а не сфабрикованного правительством. При поддержке сторонников Пинчота, мятежных республиканцев и практически всех демократов ему удалось провести утверждение поправки с небольшим перевесом в голосах – 149 к 146.

Это было первой неудачей из когда-либо испытанных могущественным спикером, и он поклялся, что никогда об этом не забудет. Но для Джорджа Норриса победа в вопросе, касавшемся резолюции о создании комитета, была лишь предварительным шагом. Дело в том, что во внутренен-

¹ Диспут возник в результате разногласий между министром внутренних дел США Ричардом Бэллинджером, предлагавшим передать ранее изъятые из продажи земельные участки в штатах Вайоминг и Монтана в общественное пользование, и руководителем Службы леса США Джеймсом Пинчотом, обвинившим Бэллинджера в содействии корпоративным интересам. Президент У.Х. Тафт поддержал Бэллинджера, но общественный протест против такого решения вынудил Бэллинджера подать в отставку в 1911 г.

нем кармане его изношенного пиджака лежала написанная неразборчивыми каракулями резолюция, проект которой был подготовлен много лет назад, – резолюция, согласно которой именно Палата представителей, а не ее спикер должна назначать членов Процедурного комитета – именно того, который диктовал всю программу деятельности палаты и, в свою очередь, полностью подчинялся диктату спикера.

В День Св. Патрика в 1910 г. Норрис поднялся со своего места, чтобы обратиться к «царю». Всего лишь за несколько минут до этого Кэннон вынес решение о том, что законопроект о переписи, внесенный одним из его подручных, обладает согласно Конституции страны привилегированным статусом и может быть рассмотрен вне очереди, поскольку касается проведения переписи населения. «Господин спикер, – выкрикнул Норрис, – я вношу резолюцию, обладающую согласно Конституции привилегированным статусом». «Джентльмену предоставляется возможность внести ее», – самоуверенно ответил Кэннон, не отдавая себе отчета в том, что за этим последует атака. Джордж Норрис извлек потрепанный лист бумаги из кармана пиджака и попросил секретаря палаты зачитать ее вслух.

Республиканских лидеров охватила паника. В кулуарах Сената уже ходили слухи о характере предлагаемой Норрисом резолюции, но она была всего лишь предметом презрительных насмешек для рядовых республиканцев, которые знали, что обладают достаточной властью, чтобы навеки похоронить ее в дебрях Процедурного комитета. Но сейчас предложение самого Кэннона, касавшееся законопроекта о переписи, внесенное в поддержку своего друга, развязало Норрису руки и открыло дорогу его резолюции, четко основанной на конституционных положениях о правилах процедуры Палаты представителей. Конгрессмену из Небраски предоставилась таким образом возможность повести за собой всех бунтарей в палате и демократов. Кэннон и его подручные были специали-

стами парламентского маневрирования и не собирались тут же сдаваться. Они попытались объявить перерыв в работе палаты, перенести заседание, помешать обеспечению кворума. Они продолжали дебатировать вопрос, пользуется ли резолюция привилегированным статусом, в то время как лояльные партийцы спешили в зал заседаний с парадов в честь Дня Св. Патрика. Потом, изменив тактику, спикер не объявлял перерыва в заседании, надеясь сломить волю менее организованных бунтовщиков. На протяжении всей ночи инсургенты оставались на своих местах, отказываясь подремать вне зала из боязни, что Кэннон неожиданно вынесет вопрос на голосование в их отсутствие.

Наконец все попытки запугать или достичь компромисса провалились, и спикер Кэннон, как и ожидалось, объявил о недопустимости принятия резолюции. Норрис тут же обжаловал решение спикера. Демократы и мятежные республиканцы большинством голосов (182 «за», 160 «против») аннулировали решение спикера, и с еще большим перевесом в голосах резолюция Норриса, уже с поправками, внесенными в нее с целью получить поддержку демократов, была принята. В результате самый безжалостный и автократичный в истории Палаты представителей спикер подал в отставку, но Джордж Норрис, настаивавший на том, что целью его борьбы было не наказание отдельной личности, а желание положить конец диктаторской власти спикера, проголосовал против ее принятия. Спустя много лет Кэннон скажет ему:

«Норрис, на протяжении всех лет нашего жестокого спора я не припоминаю ни единого случая, когда Вы были нечестны. Я не могу сказать того же самого о многих из ваших коллег, а Вам я хочу сейчас сказать: если кому-либо из членов вашей чертовой шайки предстоит избрание в Сенат, я бы, скорее, предпочел, чтобы это были Вы, а не кто-либо другой из них».

Свержение кэннонизма устранило удавку, брошенную консервативными республиканскими лидерами на правительство и страну; но оно и лишило конгрессмена из Небраски того расположения, которое они ему ранее оказывали. При «царе» пост спикера Палаты представителей располагал властью, которая, как иногда казалось, почти ни в чем не уступала власти президента страны и всего Сената Соединенных Штатов. Это была власть, ставящая политические партии выше всех других интересов, власть, которая подпитывалась партийной лояльностью, патронажем и политическими организациями. И эта власть, несмотря на неприязнь к ней, проявлявшуюся повсюду, за исключением Востока страны, не оспаривалась в течение многих лет. Но «один человек, не занимавший важного поста, – как писал один газетный редактор, – выступил против двухсот лиц, сплоченных в самую могущественную политическую машину, которую когда-либо знал Вашингтон, и дважды победил их в их собственной игре. Господин Джордж Норрис достоин того, чтобы его знали и относились к нему с вниманием».

Джордж У. Норрис *действительно* был достоин внимания, так как его дальнейшая карьера в Сенате, куда он был избран после победы над Кэнноном, создала ему репутацию одной из самых мужественных личностей в американской политической жизни. Свержение кэннонизма, которое приветствовали в Небраске все, за исключением нескольких стойких приверженцев партии, потребовало, однако, исключительного мужества и лидерских способностей от молодого конгрессмена, подвергнутого энергичной критике глубоко окопавшихся лидеров и готового пожертвовать всеми благами и связями, которые сулит партийная лояльность. Будучи в Сенате, он часто расходился не только со своей партией, но и со своими избирателями. Однажды он заявил:

«Я предпочитаю уйти в политическую могилу с чистой совестью, чем мчаться в победной колеснице в качестве марионетки Конгресса, раба, слуги или вассала любого человека, будь то хозяин и управляющий законодательным хозяйством или правитель великого государства... Я бы предпочел лежать в безмолвной могиле, сохраняясь в памяти моих друзей и врагов как человек, верный своим убеждениям и никогда не испытывавший колебаний при исполнении того, что считаю своим долгом, чем продолжать жить престарелым человеком, лишенным доверия обеих фракций».

Это слова идеалиста, независимой личности, борца, человека с глубокими убеждениями, человека бесстрашного мужества, искренней честности – Джорджа У. Норриса из Небраски. Нам нет нужды делать вид, что он был безупречным образцом добродетели; напротив, он был, и не раз, чрезмерно эмоционален в своих размышлениях, злоязычен в своих обвинениях и склонен к использованию резких и неоправданных нападок, вместо того чтобы сосредоточить свой огонь на позитивных моментах обсуждаемого вопроса. Но ничто не было в состоянии поколебать его в том, что он считал правильным, в его решимости оказать помощь всем людям, в его надежде спасти их от двойной трагедии – нищеты и войны.

Трагедия нищеты была хорошо известна Джорджу Норрису по его собственному детству. После смерти отца, когда Джорджу было всего четыре года, он был вынужден подростком зарабатывать средства существования для своей матери и десяти сестер на фермерской земле в Огайо, усеянной пнями срубленных деревьев. Ему были также знакомы ужасы войны с тех пор, как его старший брат, которого он едва помнил, безвременно скончался в годы Гражданской войны. Его исполненное вдохновения письмо, написанное раненым солдатом незадолго до смерти,

Джордж хранил многие годы. В 1917 г., когда страна вот-вот собиралась вступить в европейский конфликт, Джордж Норрис не забывал о материнском горе и ее ненависти к войне.

Сельский учитель, адвокат в небольшом городке, местный прокурор и судья – то были годы, когда Джордж Норрис глубоко узнал народ Небраски и всего Запада страны, когда он стал свидетелем все большего числа фермерских банкротств, потерь земельных участков и оттока работников с ферм в города и безработицу.

Когда старый, XIX век сменился новым, XX, Америка переживала время перемен, ее промышленность и города росли, ее могущество в мире увеличивалось. Но сам Джордж Норрис почти не менялся. Его коренастая фигура была по-прежнему облачена в тусклые черные пиджаки, белые рубашки и небольшие черные галстуки шнурком, которые он носил большую часть своей жизни и будет носить до своей кончины. Его мягкие манеры, обезоруживающая честность, стремление избегать общество политиков и предпочтение тихих вечеров с книгой в руках отличали его от сосредоточенных на карьерных соображениях политиков, чью популярность среди избирателей он, однако, далеко обошел.

Его политические взгляды изменились лишь после того, как он начал свою продолжительную карьеру в Вашингтоне, длившуюся сорок лет. Ведь когда Джордж Норрис прямо с равнин Небраски впервые ступил в зал Палаты представителей в 1903 г., он был непоколебимым консервативным республиканцем, «уверенным в своей позиции», как он писал позднее, «неблагоразумным в своих убеждениях и несгибаемым в противостоянии любой другой политической партии или политической мысли, за исключением своей собственной». Но «я стал свидетелем того, как блекли мои любимые герои один за другим... Я обнаружил, что моя партия... несла вину практически за всё то зло, в котором я обвинял оппозицию».

В одной главе невозможно пересказать со всеми деталями мужественные сражения, которые в одиночку вел Джордж Норрис. Наиболее впечатляющих успехов он добился в сфере общественной жизни, и трудно найти что-либо подобное той борьбе, которую он вел, к примеру, чтобы донести блага дешевой электроэнергии жителям долины р. Теннесси, хотя они жили на расстоянии тысячи миль от его родного штата Небраска. Но в его жизни произошли три сражения, которые достойны особого упоминания по той причине, что в ходе этих сражений Норрис проявил высокое мужество – свержение «царя» Кэннона, о котором упоминалось выше, его поддержка кандидатуры Эла Смита на пост президента и его «обструкция»¹ в ходе голосования по Законопроекту о вооружении торговых судов в 1917 г.

Когда Вудро Вильсон, проявив печальную решимость в объявлении «вооруженного нейтралитета» в начале 1917 г., предстал перед объединенной сессией насторожившегося Конгресса и запросил санкцию на вооружение американских торговых судов, американская общественность тут же дала свое согласие на это. Ничем не сдерживаемая германская подводная война шаг за шагом создавала прочную блокаду, с помощью которой кайзер стремился удушить голодом Британские острова и заставить их покориться. Государственного секретаря Лансинга вежливо поставили в известность, что любой американский корабль, оказавший-

¹ Тактика умышленного затягивания хода сессии, чтобы оттянуть принятие неудобного какой-либо из фракций решения. (Эта тактика получила в США название «флибустьерство».) Наиболее распространенным методом является продолжительное выступление не по существу дела (это может быть зачитывание длинных отрывков из не имеющих никакого отношения к обсуждаемому вопросу документов, книг и проч., включая даже Библию). Согласно 22-й поправке к Конституции (1975), сенаторы получили право прекращать такие дебаты двумя третями голосов.

ся в зоне военных действий, будет торпедирован. До этого американские суда уже подвергались обыску, их захватывали в плен и пускали на дно. Пресса была заполнена рассказами о зверствах по отношению к нашим морякам.

Когда начались дебаты по этому законопроекту, газетам стало известно о новом заговоре против Соединенных Штатов, подробности которого содержались в послании германского министра иностранных дел Циммермана на имя германского посланника в Мексике. В этом документе якобы (поскольку были люди, подвергавшие сомнению его подлинность и мотивы британских и американских политиков, раскрывших его содержание именно в то конкретное время) излагался план образования союза Мексики и Японии против Соединенных Штатов. В награду за использование ее территории в качестве базы для вторжения на американскую территорию Мексике было обещано восстановление ее «американских колоний», захваченных более семидесяти лет назад Сэмом Хьюстоном и его соотечественниками.

Когда содержание послания Циммермана просочилось в газеты, все сопротивление Законопроекту о вооружении торговых судов в Палате представителей немедленно прекратилось. Законопроект был в спешном порядке принят этим органом подавляющим большинством голосов (403 против 13), что явно свидетельствовало о положительном отношении общественности к этому решению президента. Конечно, единодушная поддержка этого законопроекта конгрессменами из Небраски отражала позицию этого штата.

Но 2 марта 1917 г. Законопроект о вооружении торговых судов встретил в Сенате решительное сопротивление небольшой двухпартийной группки бунтарей во главе с Ла Фоллетом из Висконсина и Норрисом из Небраски. Джордж Норрис, сенатор-новичок из штата, годом раньше проголосовавшего за демократические легислатуру, губернатора, сенатора и президента, не был (в отличие от Ла Фол-

лета) сколько-нибудь заметной и признанной политической фигурой в своем избирательном округе и не был уверен в том, что население штата будет возражать против Вильсона и проводимой им политики.

В предшествующие месяцы он поддерживал президента по всем основным политическим вопросам, включая разрыв дипломатических отношений с Германией. Хотя он и был воинствующим пацифистом и изоляционистом, сама его натура не позволяла ему быть простым обструкционистом по всем международным проблемам или же ограниченным фанатиком, стоящим на страже интересов своей партии и выступающим против всех просьб президента. (И действительно, по мере приближения Второй мировой войны его изоляционизм в значительной мере сошел на нет.)

Но Джордж Норрис ненавидел войну и опасался, что «большой бизнес», который, как он полагал, подталкивал к движению по пути к войне, был склонен втянуть страну в бесполезную кровавую борьбу, а президент – отнюдь не делясь своими планами с народом – пытался вынудить общественное мнение повлиять на Сенат, чтобы тот дал согласие на объявление войны. В этой связи, считал Норрис, Законопроект о вооружении торговых судов был одним из инструментов защиты прибылей американских производителей оружия ценой жизни американцев, инструментом, который вовлек бы нас в конфликт в качестве воюющей стороны без дальнейшего обсуждения такого шага Конгрессом и без каких-либо наступательных действий Германии против Соединенных Штатов. Он опасался, что законопроект передаст правительству чрезмерные властные полномочия, и возмущался тем способом, которым этот документ был протасен через Конгресс. Сейчас неважно, прав был Норрис или нет. Сейчас важно мужество, которое он проявил в отстаивании своих убеждений.

«Народ может не поверить этому, – сказал как-то сенатор Норрис, – но я не люблю ввязываться в драку».

В 1917 г., нравилось ему это или нет, сенатор-новичок из Небраски приготовился вести одну из самых тяжелых, самых ожесточенных битв в своей политической карьере. Поскольку это происходило до принятия внесенной самим Норрисом 20-й поправки, или поправки «хромой утки»¹, 64-я сессия Конгресса должна была завершить свою работу в полдень 4 марта, когда начинался новый президентский срок. Так что принятие законопроекта этим составом Конгресса можно было предотвратить, если Сенату не удалось бы проголосовать до наступления этого часа, и Норрис вместе со своей небольшой группкой лиц надеялись, что новый Конгресс, избранный народным волеизъявлением в ходе президентской кампании 1916 г. – лозунгом которой была фраза «Он спас нас от войны» – может присоединиться к оппозиции, выступавшей против этой меры, или, по крайней мере, более внимательно ее рассмотрит. Но голосование по этому вопросу в ближайшие два дня могло быть предотвращено лишь одним способом – с помощью обструкции!

Джордж Норрис, сам будучи сторонником изменения процедурных правил Сената с целью устранения злоупотреблений практикой обструкции, но твердо считая, вместе с тем, что на карту поставлен вопрос о войне, избрал именно такую тактику, «несмотря на мое отвращение к этому методу». В качестве парламентского лидера своей группы он установил такой порядок выступлений, который обеспечивал проведение дебатов без перерыва, что позволило бы поставить законопроект на голосование.

Многие из его ближайших друзей в Сенате были в ужасе от его поведения. «Ни один штат, за исключением тех,

¹ 20-я поправка к Конституции США, определявшая сроки и причины прекращения полномочий президента США, получила название поправки «хромой утки», поскольку, как утверждали ее противники, сокращала возможности президента влиять на политику страны – превращала его в «хромую утку».

где живет одно бабье, не одобрили бы того, что пытается делать Норрис», — жаловался один сенатор, уверенный, что в его штате бурно нарастают антигерманские настроения. Но Небраска *не* одобряла позицию, занятую ее младшим сенатором. По мере развития дебатов газеты штата Небраска сообщали с тонким намеком на ожидаемые последствия, что точка зрения большинства членов Палаты представителей «отражает чувства народа». Да и легислатура штата Небраска уже единогласно пообещала президенту Вильсону «лояльную и единоклубную поддержку всех граждан штата Небраска, независимо от принадлежности к той или иной политической партии, происхождения или места рождения, во всем, что он найдет нужным для защиты прав американцев, величия нашей страны и чести нашего флага».

Но Джордж Норрис руководствовался лишь своей совестью. «В противном случае, — заявил он, — член Сената, подчиняющийся публично высказанному мнению общественности, превращается всего лишь в бездушную машину, а Конгресс не требует ни патриотизма, ни образования, ни мужества...» И полагаясь лишь на собственную совесть, сенатор работал круглые сутки, чтобы укрепить падающий дух своей небольшой группы, подготовить новых выступающих в продолжающихся дебатах и предотвратить любую попытку оппозиции положить конец обструкции.

Позднее Норрис рассказал, что несколько сенаторов в частной беседе с ним пожелали успеха обструкции, сославшись, вместе с тем, на партийные правила и политическую целесообразность, предписывающие им публичную поддержку точки зрения президента. Когда же Норрис сказал им, что важно обеспечить достаточное количество выступающих, независимо от того, какие взгляды они выражают, двое из сторонников президента по согласованию с Норрисом выступили с пространными заявлениями в поддержку законопроекта.

Дебаты продолжались днем и ночью, и утром 4 марта Сенат превратился в беспорядочное скопище усталых людей. «Эти заключительные минуты живы в моей памяти», – писал позднее Норрис.

«В этом зале люди стали рабами своих эмоций. Более жесткого столкновения гнева и горечи не знала вся предшествующая история Соединенных Штатов. Когда стрелки часов приблизились к полудню, председательствующий объявил перерыв в работе Сената. Обструкция победила. Доклад, который должен был санкционировать вооружение американских торговых судов, не получил поддержки Сената... По всей стране и особенно в самом Сенате воцарилось напряженное волнение... С этого дня и по сей день я считаю, что обструкция была оправданной. Я никогда не просил прощения за ту роль, которую играл в ней... [Мы] искренне верили, что благодаря нашим действиям в этой борьбе мы предотвратили американское участие в войне».

Но это была временная победа, так как президент – помимо того, что он немедленно объявил о созыве специальной сессии Конгресса, в ходе которой Сенат принял процедурное правило, ограничивающее продолжительность дебатов (поддержанное Норрисом), – объявил также, что дополнительное изучение законодательных актов показало, что исполнительная власть уже располагала правом вооружать торговые суда без согласия на то Конгресса. И президент разразился еще одной тирадой, часто цитируемой и сегодня, направленной против «кучки упрямцев, не представляющих чьего-либо мнения, кроме своего, которые сделали великое правительство Соединенных Штатов беспомощным и достойным презрения».

Джордж Норрис назвал резкое обвинение президента тяжкой несправедливостью по отношению к людям, кото-

рые добросовестно пытались исполнить свой долг так, как они его видели. Но, если исключить неуместную и контрпродуктивную похвалу, доставшуюся им от германской прессы, «эпитетов, подобных тем, которые адресовались этим людям, невозможно найти в анналах американской журналистики». По словам луисвилльской газеты «Курьер джорнел», «они заслужили вечное проклятие». Массовый митинг в Карнеги-холл заклеил Норриса и его коллег как «достоинных осуждения предателей», которые «отказались защитить звездно-полосатый флаг в открытом море»; толпы людей кричали «предатель» и «повесить его», когда упоминались имена Норриса, Ла Фоллета и их сторонников. «Настало время, когда народ нашей страны приходится делить на две категории – на американцев и предателей», – восклицал мэр Нью-Йорка на другом митинге.

Хартфордская газета «Курант» назвала их «политическими проститутками», а нью-йоркская «Сан» заклеила двенадцать сенаторов Соединенных Штатов как «группу моральных извращенцев». Газета «Джорнел» из Провиденса определила их действия как «мало отличающиеся от измены», а в редакционной статье «Нью-Йорк таймс» заявлялось, что «позорное пятно изменнического замысла навечно останется на их именах». «Нью-Йорк геральд» предсказывала: «Им повезет, если их имена не останутся в истории навечно связанными с именем Бенедикта Арнольда».

В последующие десятилетия сенатор Норрис научится стойко переносить безжалостные оскорбления, неизбежно обрушивавшиеся на ту или иную из его независимых и откровенно высказанных точек зрения. В сенатском зале его будут обзывать большевиком, врагом прогресса, предателем и многими другими именами. Все это позже. Но в тот момент грубое поношение и дезертирство бывших друзей глубоко ранили его. Однажды несколько пассажиров покинули троллейбус, когда Норрис и Ла Фоллет уселись рядом с ними. Его почта изобиловала оскорбле-

ниями, в нескольких письмах содержались рисунки, на которых он был изображен в немецкой военной форме, увешанной наградами.

Пресса Небраски присоединилась к поношению своего младшего сенатора. «Уорлд геральд» из Омахи (опубликовавшая на своей первой странице список «Двенадцати сенаторов, колеблющихся принять решение в самом крупном кризисе со времен Гражданской войны») восклицала: «Может ли сенатор Норрис поверить, может ли любой здравомыслящий человек поверить в то, что американское правительство покорно подчинится этим актам грубого произвола?».

«Страхи Норриса перед тем, что при Вильсоне будет установлена абсолютная монархия, просто нелепы, – писала газета «Стар» из Линкольна. – Возможно, это шутка. Если же нет, то друзьям господина Норриса следует поинтересоваться состоянием его психики». А газета «Би» из Омахи сочла, что его опасения по поводу неограниченных президентских полномочий «не делают чести здравому смыслу сенатора».

В Вашингтоне считали, по словам одного вашингтонского корреспондента, что совесть молодого сенатора из Небраски стала причиной «его политической смерти». «Разгневанная легислатура штата Небраска с радостным энтузиазмом приняла резолюцию, выражающую доверие штата президенту Вильсону и его политике».

Джорджа Норриса опечалило фактическое единогласие, с которым «мой собственный народ осудил меня... и заявил, что я искажаю мнение своего штата». Хотя, как он писал позднее, популярность не была его целью во что бы то ни стало, в течение всей своей карьеры он стремился «делать то, что в глубине сердца считал правильным для всего народа». Так, не желая «представлять народ Небраски, если он не хочет меня», он принял драматичное решение – изъявил готовность подать в отставку и подчиниться ис-

ходу специальных выборов по его отзыву из Сената, чтобы «дать моим избирателям возможность решить, представлял ли я их в Вашингтоне или искажал их позицию». В своих письмах губернатору и председателю Республиканской партии штата он настаивал на проведении чрезвычайных выборов, соглашаясь с любым их результатом и отказываясь от каких-либо конституционных прав, защищающих его от отзыва.

Разделяя опасения своих изумленных друзей в Сенате по поводу возможной истерии и основательно финансируемой оппозиции с целью обеспечения его поражения, которое, в свою очередь, можно будет интерпретировать как выдачу мандата на вступление в войну, он, тем не менее, настаивал в своем письме губернатору на том, что у него «нет намерения представлять народ Небраски, если мое поведение на занимаемом посту противоречит их желаниям».

«Доставшиеся на мою долю оскорбления... дают мне основания полагать, что существует весьма реальная возможность того, что курс, которого я придерживался, не удовлетворяет представляемый мной народ и, таким образом, создается впечатление, что было бы лишь справедливым передать этот вопрос на их решение. Однако даже по единодушной воле моих избирателей я не нарушу принесенную мной присягу и не принесу ее в жертву предложения, означающего сдачу единственно ему принадлежащего права объявлять войну... Если мой отказ так поступать противоречит желаниям народа Небраски, меня следует отозвать и на мое место избрать кого-то другого... Я, однако, настолько твердо уверен в правоте занятой мною позиции, что верю: если разумным и патриотично настроенным гражданам страны будет всего лишь предоставлена возможность выслушать обе спорящие стороны, все деньги христианского мира и все по-

литические механизмы, созданные этим богатством, не смогут нанести поражение тому принципу правления, за который сражались наши предки... Если я неправ, то мне не только следует подать в отставку, но я даже хочу этого. У меня нет желания оставаться на государственной службе, если от меня ожидается, что в ходе исполнения моих официальных функций я буду слепо следовать диктату газетных комбинатов... или же превращусь в человека, просто ставящего штамп одобрения на решениях пусть даже президента Соединенных Штатов».

Когда он отправился в свой штат, пресса в основном проигнорировала сенатора, объявившего о проведении в Линкольне открытого митинга для разъяснения своей точки зрения. Норрис попытался заручиться согласием члена республиканского национального комитета быть председателем этого митинга, но в ответ досточтимый джентльмен предупредил его, что «проведение такого митинга без того, чтобы не возникли беспорядки, невозможно. Я считаю, что митинг будет сорван или же Вы столкнетесь с такой недружественно настроенной аудиторией, что не сможете внятно произнести свою речь». Один из немногих навестивших его друзей настаивал на том, чтобы он отменил митинг, сославшись на нездоровье, и считал, что Норрис совершил весьма серьезную ошибку, возвратившись в Небраску, когда еще не утихли страсти. Другие предсказывали, что среди присутствующих на митинге будут находиться агитаторы, которые не дадут сенатору изложить свои аргументы, и рассказали ему о трех новых случаях торпедирования американских торговых кораблей с тех пор, когда обструкция в Сенате в еще большей степени озлобила его избирателей. В автобиографии сенатор позднее вспоминал: «Я не помню другого дня в своей жизни, когда я сильнее страдал бы от одинокого чувства подавленности. Мои

друзья дали мне понять, что народ Небраски чуть ли не единодушно был настроен против меня».

Столкнувшись с тем, что ни один из его друзей или сторонников не был готов выступить в роли председателяствующего, Норрис был, тем не менее, полон решимости провести митинг. «Я сам арендовал зал, и это будет моим митингом, – заявил он одинокому репортеру, – я никого не прошу быть моим спонсором или спонсором моих действий. Но мне не за что извиняться, и я не буду ни от чего отказываться».

В тот прекрасный весенний вечер по дороге из своей гостиницы до городского зала Норрис заметил, что более трех тысяч людей – озабоченных, скептически настроенных и любопытных – заполнили зал, причем многие стояли между рядами и снаружи, на улице. Спокойный, но дрожащий от напряжения, он вошел на сцену перед ними и, не произнеся ни слова, стоял в течение какого-то времени: одинокая фигура в поношенном пиджаке с небольшим галстуком-шнурком. «Я ожидал, что столкнусь с недружелюбно настроенной аудиторией, – писал он, – и я вошел в зал с опаской. Когда я уже был в зале и прошел на сцену, в зале установилась гробовая тишина. Не раздалось ни единого хлопка. Но я не ожидал аплодисментов, и я был доволен, что не было и шиканья».

В характерной для него скромной, спокойной и вместе с тем напряженной манере сенатор Норрис начал свою речь простыми словами: «Я приехал домой, чтобы сказать вам правду».

«Эти слова были немедленно встречены взрывом аплодисментов, раздавшихся со всех концов зала. Никогда за всю мою жизнь аплодисменты не доставляли мне такого удовольствия... В сердцах простых людей была жива вера в то, что за ложью и искажениями истины, за политической властью и влиянием скрывалась вся фальшь пропаганды».

Не было никаких актов насилия, никакого шиканья, и огромная аудитория громко выражала одобрение, когда Норрис разражался гневными упреками в адрес своих критиков. Его сухая, без словесных изысков, но напористая речь и спокойная глубина его гнева захватили аудиторию, когда он настаивал на том, что их газеты не предоставляли им фактов, и, несмотря на их предупреждение о том, что ему не следует появляться на публике, пока его роль в сенатской обструкции не будет забыта, он хотел бы, чтобы о ней помнили. Он с сарказмом упомянул, что более половины нью-йоркской аудитории, которая шикала на него, была одета в вечерние костюмы, и задал вопрос, сколько из них готовы сражаться или послать своих детей на войну.

«Конечно, если бы можно было сделать солдат из пуделей, эта аудитория могла бы составить целый полк... Мой коллега говорил в течение двух с половиной часов в защиту законопроекта, и его назвали героем. Я говорил полтора часа против законопроекта и был назван предателем. Даже если вы говорите, что я неправ, если даже вы уверены, что мне надо было поддержать президента, разве пришло время, чтобы мы не могли даже высказать наше мнение в Сенате, куда нас послали, чтобы обсуждать такие вопросы, без того, чтобы те, кто движим денежными интересами, не заклеили нас предателями? Я могу встать во весь рост и принять любое лекарство, не моргнув глазом перед лицом любого обвинения, за исключением обвинения в предательстве. Во всем английском языке, во всех языках мира нельзя найти более отвратительного слова, чем это».

В зале, слушавшем его речь в течение более часа, раздались одобрительные возгласы. Но убедить газеты

было труднее, и они были менее склонны к прощению. «Уорлд геральд» заявила: «Его продуманное и изобретательное объяснение – глупый нонсенс... дурацкое заявление, которое вызвало у людей отвращение». «Сенатор не нашел времени для детального объяснения существа проблемы, – заявила «Стейт джорнел». – Судя по всему, он считал, что критика не должна нарушать его душевное равновесие».

Но сенатора Норриса, которого просили выступить перед различными группами населения для объяснения, что он считает истинными проблемами, встречали с одобрением по всему штату. После того как губернатор штата заявил, что он будет просить легислатуру одобрить проведение специальных выборов по отзыву Джорджа Норриса из Сената, сенатор возвратился в Вашингтон более готовым к тому, чтобы переносить оскорбления, поток которых еще не иссяк.

В течение следующих одиннадцати лет известность Джорджа Норриса многократно возросла, а его политическая судьба стала выглядеть намного более благоприятной. В 1928 г., несмотря на сохраняющиеся разногласия с Республиканской партией и ее администрациями, сенатор из Небраски был одним из наиболее выдающихся членов партии, председателем юридического комитета Сената и потенциальным претендентом на пост президента США. Но сам Норрис посмеивался над сообщениями, касавшимися последней перспективы:

«Я не льщу себя никакими ожиданиями выдвижения моей кандидатуры на пост президента. Для человека, который следовал тому политическому курсу, которым следовал я, этот пост закрыт... Я отдаю себе полный отчет в том, что человек, придерживающийся тех же взглядов, что и я, никогда не будет выдвинут кандидатом на пост президента».

Он категорически отказался принять предложение баллотироваться в паре с Гербертом Гувером на пост вице-президента США и подверг критике политическую платформу, принятую съездом Республиканской партии, и методы, с помощью которых он выбрал своих кандидатов. В годы, предшествовавшие созданию Управления ресурсами бассейна р. Теннесси¹, сенатор из штата Небраска был самым активным защитником народной власти; он считал, что «трест монополистической власти» продиктовал выдвижение кандидатуры Гувера и содержание республиканской платформы.

Не желая связывать себя обязательствами с Демократической партией, против которой он всегда выступал, Норрис разъезжал по стране, ведя избирательную кампанию в интересах единомышленников-прогрессистов², независимо от их партийной принадлежности. Но когда предвыборные высказывания кандидата демократов Эла Смита из Нью-Йорка стали совпадать со взглядами самого Норриса, перед ним встала самая сложная за всю его карьеру политическая проблема.

Джордж Норрис был республиканцем, выходцем со Среднего Запада, протестантом и сторонником «сухого закона», и Герберт Гувер сочетал в себе все эти характеристики³. Но Эл Смит – демократ из Таммани-холл⁴ с нью-

¹ Государственная корпорация США, созданная в 1933 г. в рамках рузвельтовского «нового курса» для охраны и разработки ресурсов р. Теннесси и ее притоков.

² Так называли в США членов и идейных последователей Прогрессивной партии (партии «сохатого»), созданной Т. Рузвельтом в 1912 г.

³ Гувер, Герберт Кларк (1874–1964), 31-й президент США (1929–1933).

⁴ Таммани-холл – название штаб-квартиры Демократической партии штата Нью-Йорк: связано с названием зала благотворительного Общества Таммани, где с 1789 г. проходили собрания партии.

йоркских улиц, католик, выступавший за отмену «сухого закона», ни одной из этих характеристик не обладал. Естественно, что Смита мало кто поддерживал в штате Небраска, который также был республиканским, протестантским, принадлежал к региону Среднего Запада и со дня своего образования поддерживал «сухой закон». Мог ли Норрис в таких обстоятельствах предать свою партию, свой штат и своих избирателей?

Он мог. Он всегда стоял за то, чтобы «отменить ответственность перед партией и учредить взамен личную ответственность. Любой человек, даже если он является самым отъявленным республиканцем, не верящим в правоту идей, которые я считаю правильными, должен следовать своим убеждениям и голосовать против меня». И вот таким образом Норрис наконец объявил в 1928 г., что прогрессисты

«не могут оказаться нигде, кроме как в лагере Смита... Останемся ли мы столь твердокаменными партийцами, что поставим нашу партию выше нашей страны и откажемся следовать за единственным лидером, который дает нам возможность избавления от контроля трестов?.. Мне думается, что нам нельзя заставить замолчать нашу совесть и поддержать кого-то, кто, как мы знаем заранее, выступает против тех вещей, за которые мы так долго сражались».

А как насчет религиозных взглядов Смита? А насчет того, как он относился к вопросу об алкоголе?

«Человеку, занятому в сфере государственной службы, дозволено проводить разделительную линию между его религиозными воззрениями и его политической деятельностью... Я протестант и сторонник «сухого закона», но при этом я бы поддержал человека, выступающего за отмену этого закона

и являющегося католиком, при условии, что я был бы уверен в его искренности в вопросах, касающихся строгого выполнения законов, и в правильности его взглядов по экономическим вопросам... Я скорее поверю честному человеку – стороннику отмены «сухого закона», прогрессивному и мужественному по складу ума, чем политикам, притворяющимся, что они стоят за «сухой закон», но при этом делающим для претворения в жизнь этого закона не больше, чем нелегальные производители и контрабандисты спиртного в нашей стране».

Это были мужественные слова, но их не заметили возмущенные избиратели. Когда его поезд проезжал по территории штата по дороге в Омаху, где он собирался выступить в поддержку Смита по национальной радиосети, в его вагон стали наведываться старинные друзья и республиканские лидеры, чтобы оказать на него воздействие в интересах партии и его будущей карьеры. Глава могущественной Антиалкогольной лиги¹ штата Небраска, ранее бывший активным сторонником Норриса, назвал поднятый им вопрос о власти народа чепухой. «Главным вопросом в этой кампании является вопрос об алкоголе, и Норрис об этом знает. Если он выступит с этой речью в поддержку Смита, для Лиги он станет конченым человеком». (Когда Норриса спросили, намерен ли он вновь баллотироваться в Сенат в 1930 г., он сухо ответил: «Такие вещи могут вынудить меня к этому».) Пастор крупнейшей баптистской церкви в Омахе писал сенатору, что он «нас ни в коем случае не представлял и нам очень стыдно за ваше отношение к правительству». Но в своем ответе Норрис спокойно

¹ Общенациональная общественная организация, основанная в 1893 г. и состоявшая преимущественно из представителей протестантской и евангелической церквей. В 1948 г. была переименована в Американскую лигу трезвости.

спросил священника, «предпринял ли он какую-нибудь попытку вытащить бревно из своего глаза, чтобы четче разглядеть, как можно будет вытащить соринку из глаза своего брата».

Лидеры старой республиканской гвардии уже давно настаивали, во всяком случае в частном порядке, на том, что Норрис «никакой не республиканец», теперь они говорили об этом открыто. Но теперь тревогу по поводу его отхода от позиций своей партии выражали и многие убежденные сторонники Норриса. Мелкий бизнесмен из Игла, штат Небраска, сказал: «Я поддерживал Норриса в течение 20 лет, но больше никогда не буду. Он политический извращенец и брюзга по своему складу ума. Он настроил против себя все республиканские администрации, начиная с рузвельтовской¹. Сенатору следовало бы проявлять больше уважения к своим почитателям и не надеяться, что они будут голосовать так же, как и демократы – сторонники “сухого закона”». Человек, служивший первым секретарем Норриса во время пребывания того в Конгрессе, заявил репортерам, что он «резко протестует против необоснованной поддержки им кандидата Таммани-холл в президенты США».

Делегат, поддерживавший кандидатуру Норриса на пост президента во время работы съезда Республиканской партии, заявил прессе, что Норрис «не носит мою политическую совесть в кармане своей жилетки. Я глубоко опечален занятой им позицией. Норрису надо искать новых друзей, и это его дело, если он решит искать их на тротуарах Нью-Йорка. Но достойно сожаления, что он использует Республиканскую партию в качестве средства избрания на пост, а затем отрекается от ее знаменосца».

Редактор газеты «Таймс» из Уолтилла писал: «Я говорю это с печалью, но с Норрисом у меня покончено. Поли-

¹ Имеется в виду администрация Теодора Рузвельта (1901–1909).

тически он заблудился в дебрях, вдали от своих старых прогрессивных друзей».

«Голодного фермера или обуянного жаждой сторонника отмены «сухого закона» средних политических способностей можно простить, – писал один адвокат из Линкольна, близкий к лагерю сторонников Норриса, – но для государственного деятеля, обладающего способностями и опытом Норриса, это непростительно».

Но Джордж Норрис хотел помочь голодному фермеру, даже если это означало оказание помощи обуянному жаждой стороннику отмены «сухого закона». Не поддавшись ни просьбам, ни нападкам, он произнес в Омахе убедительную речь в поддержку Смита. Нью-йоркский губернатор, сказал он, поднялся над диктатом Таммани, а республиканский съезд действовал методами, в сравнении с которыми «Таммани-холл вполне мог сойти за ангела в белых одеждах». Он, по его собственным словам, произнесенным перед слушателями, «путешествовал в компании весьма выдающихся людей», поддерживая кандидата оппозиционной партии, точно так же, как это делал сам Герберт Гувер десятью годами раньше. Но его речь была посвящена прежде всего критике могущественных трестов – «спруту с липкими щупальцами, который облагает сбором каждый очаг» – и критике Гувера за его отказ от обсуждения этих вопросов: «Мы совершаем грех, сохраняя молчание, когда нам следует протестовать, это делает из мужчин трусов».

В завершение своей речи Норрис откровенно высказался по религиозному вопросу:

«Мы должны как патриоты отказаться от этой антиамериканской доктрины и бросить упрек в адрес тех, кто поднял факел нетерпимости. Все верующие независимо от своих религиозных убеждений должны объединиться и продолжить нашу политическую деятельность, чтобы принести как можно больше счастья нашему народу».

Но в 1928 г. народ Небраски не был намерен слушать рассуждения на тему терпимости или обсуждать эти вопросы. Поступало множество телеграмм, критиковавших Норриса за его поддержку католиков и противников «сухого закона». Норрис позднее вспоминал, что «буря, последовавшая за высказанной в Омахе поддержкой Смита, была самой сильной из когда-либо обрушивавшихся на меня. Хорошо, что у меня уже был достаточный опыт, как противостоять нападкам». Даже его жена, как писали тогда газеты, говорила, что не будет голосовать ни за Смита, ни за Гувера. «Я не следую за Джорджем во всем этом... Я всегда выступала за “сухой закон” и не собираюсь голосовать за Смита, даже если Джордж будет голосовать за него». Правда, та же самая влиятельная демократическая газета Омахи «Уорлд геральд», которая критиковала его принципиальную позицию против Вудро Вильсона, сочла сейчас возможным аплодировать сенатору Норрису «за его великолепное мужество и преданность». Другие газеты Небраски обвинили его в том, что он променял свой штат на Таммани-холл, рассчитывая, что это поможет ему через четыре года вновь претендовать на президентский пост. Его речь поставила под угрозу шансы на переизбрание для его республиканского коллеги-либерала, и друга Норриса из числа республиканских бунтарей в Сенате выразили недовольство взятым им курсом. Когда сенатор возвратился в свой родной город, его друзья и другие видные граждане отвернулись от него столь решительно, как будто они были рады «вырезать мое сердце и вывесить его на заборе в назидание другим».

Убедительная победа Гувера, поддержанного практически во всех графствах и общинах Небраски, как и в целом по стране, огорчила Норриса. Он заявил, что Гувер победил на выборах, используя ложные проблемы религии и «сухого закона», тогда как истинными проблемами были властные полномочия и помощь фермерам. По его словам, силы, пред-

ставляющие групповые интересы, и государственная политическая машина «выдвигали эти вопросы как якобы первостепенные по важности, [хотя] знали, что они были фальшивыми, безнравственными и несправедливыми».

Обструкция, устроенная Джорджем Норрисом Законопроекту о вооружении торговых судов, потерпела провал как с точки зрения достижения ее главной цели – предотвращения президентских действий, так и с точки зрения удержания страны от вступления в войну, в которую она будет ввергнута несколькими месяцами позднее. Его кампания в поддержку Эла Смита также потерпела поражение, причем жесточайшее поражение. И, тем не менее, спустя много лет сенатор признался в письме к другу:

«Это происходит очень часто – когда кто-то пытается что-то сделать и терпит поражение. Он чувствует себя обескураженным, и, тем не менее, спустя годы может обнаружить, что именно эта предпринятая им попытка стала причиной того, что эту же попытку предпринял кто-то другой и добился успеха. Я действительно верю в то, что истинную пользу прогрессивному человечеству я принес не столько теми вещами, которых мне удалось добиться, сколько теми, осуществления которых мне добиться не удалось».

На долю Джорджа Норриса в его продолжительной карьере на государственной службе, охватившей без малого столетия американской политической жизни, выпали и успехи, и неудачи. Но вся сущность этого человека и его карьеры нашла выражение в дани уважения, отданной в сентябре 1932 г. республиканскому сенатору из Небраски – кандидату в президенты США от Демократической партии¹:

¹ Имеется в виду Франклин Д. Рузвельт.

История задает вопрос:

“Был ли этот человек честен?

Был ли этот человек бескорыстен?

Обладал ли этот человек мужеством?

Был ли этот человек последователен?”.

Сегодня в Америке найдется не так уж много государственных деятелей, которые бы так определенно и ясно заслуживали положительного ответа на эти четыре вопроса, как Джордж У. Норрис.

IX

Роберт А. Тафт¹

*«свобода личности обдумывать
свои собственные мысли»*

Покойный сенатор Роберт А. Тафт из Огайо никогда не был президентом Соединенных Штатов. И в этом заключена его личная трагедия. И в этом заключено его национальное величие.

Дело в том, что президентский пост был именно той целью, реализации которой Боб Тафт добивался в течение всей своей сенатской карьеры, его честолюбивым стремлением, об осуществлении которого всегда мечтал этот сын бывшего президента США². «Мистер республиканец» – главный выразитель республиканской политической философии на протяжении более десяти лет – был горько разочарован тем, что он потерпел поражение в трех попытках быть выдвинутым официальным кандидатом партии на пост президента США.

Но Роберт А. Тафт был, кроме всего прочего, еще и человеком, твердо придерживавшимся принципов, в ко-

¹ Тафт, Роберт Альфонсо (1889–1953), американский сенатор и политический деятель.

² Роберт А. Тафт был сыном Уильяма Хоуарда Тафта (1857–1930), 27-го президента США (1909–1913).

которые он верил, и когда вопрос вставал об этих основополагающих принципах, даже заманчивость Белого дома или возможность нанесения ущерба своей кандидатуре не могли удержать его от откровенного изложения своих взглядов. Он был талантливым политиком, но не раз решался на защиту взглядов, которые не мог бы одобрить ни один из политических деятелей с такими же амбициозными планами. К тому же он был блестящим политическим аналитиком, который знал, что при его жизни американские избиратели, разделяющие фундаментальные принципы его политической философии, неизбежно будут оставаться в меньшинстве и надеяться на достижение своей цели он может лишь с помощью лести в адрес новых групп поддержки, в то же время не подрывая отношения с теми группами населения, которые включают его потенциальных избирателей. И тем не менее он часто пренебрегал сдержанностью, которую рекомендовал ему его собственный анализ, отказываясь прогибаться перед той или иной группой, молчать при обсуждении того или иного вопроса.

Нельзя утверждать, что вся карьера Боба Тафта в Сенате представляла собой бесконечную борьбу между популярностью и принципами, как это было в случае с Джоном Квинси Адамсом; ему не надо было бороться, чтобы оставаться честным, как это было в случае с Томасом Хартом Бентоном. Его личные принципы обычно находили выражение в выводах, с которыми была готова согласиться значительная часть его избирателей и политических союзников. Хотя время от времени его политическое поведение отражало его политические амбиции, в своей позиции по большинству фундаментальных проблем он вовсе не руководствовался соображениями популярности. Поддержка им Закона о трудовых отношениях Тафта–Хартли¹ не могла

¹ Принятый в 1947 г. закон предоставлял трудящимся право самим решать вопрос о вступлении в профсоюз, но ограничивал право профсоюзов объявлять забастовки, пикетирование и т.п.

обеспечить ему большого количества голосов в промышленно развитом штате Огайо, так как те, кто поддерживал налагаемые этим законом ограничения на деятельность профсоюзов, и так уже числились в сторонниках Тафта, но эта поддержка вызвала гневную анитафтовскую реакцию профсоюзов в Огайо во время промежуточной избирательной кампании в Сенат в 1950 г. и способствовала созданию убежденности в том, что Тафт не может рассчитывать на победу в борьбе за пост президента, что и повлияло на его шансы быть выдвинутым кандидатом на этот пост в 1952 г. Вместе с тем, он антагонизировал сторонников Закона Тафта–Хартли и поставил под угрозу свое собственное лидирующее положение в Республиканской партии, поддержав социально ориентированные меры в области образования, жилищного строительства, здравоохранения и т.п.

Те, кто был шокирован этими явными отступлениями от его традиционной позиции, не могли понять, что консерватизм Тафта содержал весьма заметную долю прагматизма, которым и объяснялась поддержка им интенсивной федеральной активности в тех сферах деятельности, которым, по его мнению, система частного предпринимательства уделяла недостаточное внимание. Тафт не считал, что это противоречит консервативной доктрине: консерватизм, по его мнению, не означал безответственности. Тем самым Тафт расширил горизонты философии консерватизма: он сохранил верность этому убеждению, когда оно оказалось на самой нижней точке престижа и влияния, и вновь довел его до уровня, обеспечивающего ответственное и уважительное отношение к нему. Он был необычным лидером, поскольку не владел изощренным искусством риторики и построения фраз, не следовал бездумно партийной линии (если не сам ее диктовал) и не обладал присущим политику естественным инстинктом избегать спорных позиций и проблем.

Но он был больше, чем просто политический лидер, больше, чем «Мистер республиканец». Он был также одним из Тафтов и, следовательно, «Мистером честность». Дед сенатора, Альфонсо Тафт, переехал на Запад страны в 1830 г., чтобы заняться адвокатурой, написав своему отцу, что «пресловутый эгоизм и бесчестность огромного числа людей, которые обитают в Нью-Йорке, являются, с моей точки зрения, серьезным препятствием к тому, чтобы обосноваться там». А отцом сенатора был Уильям Хоуард Тафт, хорошо знавший, что представляют собой политическое мужество и политические обвинения; он столкнулся с этим, поддержав своего министра внутренних дел Бэллинджера в борьбе с мощнейшей оппозицией, представляемой Пинчотом, Рузвельтом и прогрессистскими элементами в своей собственной партии.

Итак, Боб Тафт, как писал его биограф, «родился, чтобы быть честным». Он был известен в Сенате как человек, никогда не нарушавший достигнутого соглашения, никогда не скомпрометировавший республиканские принципы, в которые он глубоко верил, никогда не прибегавший к политическому обману. Когда сенатор скончался, его злейший враг Гарри Трумэн¹ сказал: «Он и я не соглашались в вопросах государственной политики, но он знал, где стою я, а я знал, где стоит он. Нам нужны такие высокоинтеллектуальные люди, как сенатор Тафт». Примеры его прямоты бесчисленны и поразительны. Этот выходец из Огайо как-то сказал фермерской группе в самом сердце республиканской фермерской территории, что цены на сельскохозяйственную продукцию слишком высоки, а другой группе фермеров сказал, что «ему надоело видеть всех этих людей, разъезжающих в “Кадиллаках”». Поддержка им программы федерального жилищного строительства

¹ Трумэн, Гарри С. (1884–1972), 33-й президент США (1945–1953).

дала основание его коллеге заметить: «Я слышал, что социалистам удалось добраться до Боба Тафта». Он информировал видного политического союзника, который лелеял надежду получить от Тафта похвальный отзыв в письменном виде, что его помощник «десятками направлял такого рода послания», но сам сенатор их не видел и тем более не подписывал. А другой его коллега вспоминает, что сенатор, не соглашаясь с теми или иными идеями своих друзей, отнюдь не подбирал мягкие выражения, а сухо и без каких-либо колебаний называл их «чепухой». Как писал Уильям С. Уайт, «он обладал четкой откровенностью цели, которая производила исключительно освежающий эффект в палате, далеко не всегда отличающейся откровенностью».

Было бы, однако, ошибкой сделать из сказанного вывод, что сенатор Тафт был холодным и резким в своих личных взаимоотношениях. От краткого периода работы с ним в Сенате и в сенатском комитете по трудовым отношениям в последние месяцы его жизни у меня сохранилось сильное впечатление о его удивительном и необычном личном обаянии и обезоруживающей простоте манер. Именно эти качества в сочетании с непоколебимым мужеством, которым он отличался на протяжении всей своей жизни и особенно в последние дни, связывали с ним его сторонников неразрывными узами.

Возможно, прошло еще не так много времени с тех пор, как происходили противоречивые события в карьере сенатора Тафта, чтобы вывести оценку его жизни в исторической перспективе. Человека, в одинаковой степени способного вызывать как злобу у своих врагов, так и беззаветную преданность у своих сторонников, лучше всего оценивать по прошествии многих лет, достаточного времени, чтобы улегся осадок от политических и законодательных битв, чтобы вернее оценить наше собственное время.

Но с 1946 г. прошло достаточно времени, чтобы можно было получить более или менее беспристрастное представление об акте мужества, совершенном сенатором Тафтом в тот год. В отличие от того, что совершили Дэниел Уэбстер или Эдмунд Росс, этот акт не изменил ход истории. В отличие от Джона Квинси Адамса или Тома Бентона, Тафту не пришлось уходить в отставку из Сената. В отличие от всех актов мужества, описанных выше, то, что совершил Тафт, даже не произошло в зале заседаний Сената. Но об этом стоит вспомнить здесь как о примере абсолютной непредвзятости, продемонстрированной тогда, когда непредвзятость была отнюдь не в моде, вспомнить как об отважном призыве к справедливости во времена нетерпимости и вражды.

В октябре 1946 г. сенатор Роберт А. Тафт из Огайо был основным выразителем позиций республиканцев в Вашингтоне, защитником интересов своей партии на национальной политической арене и вероятным кандидатом Республиканской партии на пост президента в 1948 г. То было время, когда даже сенатору со столь сложившейся репутацией человека, откровенно высказывающего свое мнение, надо было проявлять осторожность в том, что он говорит, а тем более такому сенатору, как Боб Тафт, который так много поставил на карту. Партия, которая была для него всей его жизнью, республиканцы в Конгрессе, от чьего имени он выступал, вновь приближались к той грани, которая обещала успех на осенних выборах. Обладание партийным контролем над обеими палатами Конгресса повысило бы престиж Боба Тафта, в еще большей степени подтвердило бы его право на выдвижение в качестве республиканской кандидатуры на пост президента США и проложило бы дорогу для его триумфального возвращения в Белый дом, из которого его отец был так бесславно удален в 1912 г. Или, во всяком случае, так казалось большинству политических обозревателей того

времени, предполагавших, что республиканский лидер не произнесет ничего, что могло бы спутать все карты. В условиях, когда Конгресс находился на каникулах, когда все складывалось совершенно не в пользу демократов, ранее контролировавших Конгресс, казалось, что от сенатора не требовалось ничего большего, кроме обычных предвыборных заявлений по обычным проблемам.

Но сенатор Тафт был встревожен, а когда он был встревожен, у него была привычка откровенно выражать свои мысли. Он был встревожен по поводу суда над военными преступлениями лидеров Германии и ее союзников, завершавшегося тогда в Германии, и приближающегося суда в Японии. Нюрнбергский процесс, в ходе которого на основе обстоятельно документированного обвинения одиннадцать отъявленных нацистов были признаны виновными в «ведении агрессивной войны», был популярен во всем мире и особенно в Соединенных Штатах. Столь же широкой популярностью пользовался и уже объявленный высоким трибуналом приговор – смерть.

Но каким был этот суд? «Независимо от того, сколько было написано книг или собрано судебных досье, – писал недавно член Верховного суда США Уильям О. Дуглас, – независимо от того, насколько внимательно адвокаты проанализировали их, то преступление, за которое судили нацистов, никогда не было официально признано преступлением с определенностью, требуемой нашими правовыми нормами, и не было объявлено вне закона международным сообществом как подлежащее наказанию смертной казнью. Согласно нашим правовым нормам это преступление не подпадает под действие закона, имеющего обратную силу. Геринг и другие заслужили суровое наказание. Но их вина не оправдывала совершенную нами замену – сила вместо принципа».

Этот вывод, как я полагаю, поддерживается сегодня значительным числом американских граждан. И он под-

держивался, во всяком случае в частном порядке, внушительным числом граждан и в 1946 г. Но ни один из влиятельных политиков не решился высказаться по этому поводу – особенно после того, как был вынесен приговор и начались приготовления к казни, – ни один, за исключением сенатора Тафта.

В своих политических решениях сенатор из Огайо руководствовался лишь одним евангелием – Конституцией Соединенных Штатов. Она была его источником, его оружием, спасением его души. И если Конституция предписывала – «никаких законов, имеющих обратную силу», Боб Тафт принимал это наставление как вечно мудрое и повсеместно применимое. Конституция не была собранием беспорядочно изложенных политических обещаний, подлежащих широкому толкованию. Она не была перечнем приятных банальностей, который можно было бы по необходимости отложить в сторону. Это была основа американской системы права и правосудия, и он отвергал ситуацию, при которой его страна отказывалась от этих конституционных предписаний, чтобы покарать поверженного врага.

И тем не менее, с чего бы ему вообще на это реагировать? Нюрнбергский процесс никогда не ставился на обсуждение в Конгрессе. Вопрос о нем никогда и ни в каком виде не поднимался в ходе предвыборной кампании. Ни Республиканская, ни Демократическая партии не излагали своей позиции по процессу, которому с энтузиазмом аплодировала вся страна. Да и приведению в исполнение вынесенного приговора не могла бы помешать речь ни одного сенатора Соединенных Штатов, каким бы влиятельным он ни был. Выступление с речью, не оправдываемой необходимостью, дорого обошлось бы в политическом плане и было бы абсолютно бесполезной затеей.

Но Боб Тафт выступил.

6 октября 1946 г. сенатор Тафт выступил на конференции, посвященной нашему англо-американскому наследию,

спонсором которой был Кэньон-колледж из Огайо. От выступающих на конференции не ожидалось каких-либо комментариев по поводу военных преступлений. Но, озглавив свое выступление «Равная справедливость по закону», Тафт отказался от своего обычного нежелания браться за обсуждение новых и рассчитанных на драматический эффект концепций. «Суд победителей над побежденными, – заявил он внимательно слушавшей, но несколько ошеломленной аудитории, – не может быть непредубежденным независимо от того, как он связан с формами отправления правосудия».

«Я сомневаюсь, что казнь через повешение тех, кто, несмотря на все питаемое к ним презрение, был лидером германского народа, когда-либо отвратит кого бы то ни было от развязывания агрессивной войны, так как никто не начинает агрессивной войны, не рассчитывая победить в ней. Во всем этом решении присутствует дух мстительности, а мстительность редко означает справедливость. Казнь через повешение одиннадцати осужденных лиц ляжет пятном на репутацию Америки, о чем мы будем долго сожалеть.

В ходе этого процесса мы согласились с русской идеей о цели суда – государственной политикой, а не правосудием, – имеющей мало общего с англосаксонским наследием. Облачив политику в форму судебной процедуры, мы можем дискредитировать всю идею правосудия в Европе на многие годы вперед. В конечном счете, даже с окончанием ужасной войны мы смотрели бы в будущее с большей надеждой, если бы даже наши враги сочли, что мы отнеслись к ним справедливо, в соответствии с нашей англоязычной концепцией права в вопросе предоставления им помощи и в окончательной передаче территорий».

Через десять дней предстояла казнь нацистских лидеров. Но Боб Тафт сухим, отрывистым, деловым тоном выразил сожаление по поводу этого приговора и сказал, что принудительная ссылка – подобная той, к которой приговорили Наполеона, – была бы более разумной. Но в еще большей степени достоин сожаления, сказал он, сам процесс, который «нарушает основополагающий принцип американского права, согласно которому человека нельзя осуждать по закону, не имеющему обратной силы». Нюрнберг, настаивал сенатор из Огайо, является пятном на американской конституционной истории и серьезным отступлением от нашего англосаксонского наследия справедливого и равноправного рассмотрения дела, наследия, справедливо вызывающего всеобщее уважение к нашей стране. «Мы не можем научить даже наш народ здоровым принципам свободы и справедливости, – завершил он свое выступление. – Мы не можем научить его, как править Германией, подавляя свободу и справедливость. Как мне представляется, у англоязычных народов есть одна огромная ответственность. Это – возрождение в сознании людей верности равной справедливости по закону».

Эта речь, произнесенная в разгар напряженной избирательной кампании, произвела впечатление взрыва. Республиканские кандидаты поспешили укрыться в своих убежищах, тогда как демократы воспользовались возможностью продвинуться вперед. Многие, очень многие люди возмутились замечаниями Тафта. Те, кто сражался или чьи родственники участвовали в боях и, возможно, погибли, давая отпор германским агрессорам, отнеслись с негодованием к этим красивым словам, произнесенным политиком, никогда не видевшим сражений. Те, чьими родственниками или бывшими соотечественниками были евреи, поляки, чехи и представители других национальных групп, терроризированных Гитлером и его подручными, были шокированы. Воспоминания о газовых камерах Бухенвальда

и других нацистских концентрационных лагерей, рассказы об ужасных зверствах, которые были воскрешены в памяти новыми свидетельствами в Нюрнберге, боль и страдания, входившие в тысячи американских домов с каждым новым списком военных жертв, – всё это, среди множества других причин, заставило многих с болью и гневом отреагировать на слова сенатора Соединенных Штатов, выразившего сожаление по поводу процесса и приговора в отношении этих не более чем «достойных презрения» людей.

В Нью-Йорке – штате, важном в любой президентской избирательной кампании, и штате, в котором политики особенно чувствительны ко взглядам многочисленных групп национальных и этнических меньшинств, демократы ликовали, а республиканцы сердились и хмурились. Нью-йоркский губернатор Томас Э. Дьюи, республиканский кандидат в президенты в 1944 г. и ярый соперник Тафта, боровшийся с ним за контроль над партией и за право быть выдвинутым кандидатом партии в президенты страны в 1948 г., заявил, что приговор был вполне справедливым. В заявлении, к которому присоединился нью-йоркский кандидат на пост сенатора Ирвинг Айвз, Дьюи заявил: «Над обвиняемыми в Нюрнберге был проведен справедливый и всесторонний суд. *Никто* не может питать какое-либо сочувствие к этим нацистским лидерам, доставившим такие страдания всему миру». Руководитель избирательной кампании демократов в штате Нью-Йорк бросил Тафту вызов «приехать в наш штат и повторить свой призыв пощадить жизнь нацистским военным преступникам».

«Демократическая партия обладает полным правом спросить, нужна ли общественности такая национальная администрация или администрация штата, которым отдает предпочтение сенатор Тафт, заявивший, что он хочет пощадить осужденных нацистов и, вполне возможно, подготавливающий рес-

публиканскую пропагандистскую кампанию за смягчение смертного приговора нацистским убийцам».

Новый республиканский кандидат в члены Палаты представителей Джекоб К. Джэвитс направил Тафту телеграмму, в которой назвал его заявление «плохой услугой всему тому, за что мы сражались, и всему делу будущего мира». Кандидат демократов в Сенат от штата Нью-Йорк заявил, что он глубоко шокирован заявлением Тафта, и выразил уверенность, что оно будет отвергнуто «правильно мыслящими и разумными американцами». А кандидат в губернаторы от демократов заявил своим слушателям, что, если бы сенатор Тафт увидел жертвы нацистских концентрационных лагерей, он никогда бы не смог сделать такого заявления.

Реакция на заявление Тафта была практически аналогичной даже в столице страны, где Тафт пользовался особым расположением и где такая резкая прямота от него более или менее ожидалась. Лидеры Великой старой партии¹ обычно отказывались от официальных комментариев, но в частном порядке выражали свои опасения по поводу последствий этого заявления для своих кандидатов в Конгресс. В ходе проведенной им пресс-конференции председатель республиканского комитета по выборам в Конгресс отказался от комментариев, заявив, что у него есть «своя точка зрения» на Нюрнбергский процесс, но он «не намерен вступать в полемику с сенатором Тафтом».

Демократы, однако, ликовали, хотя и скрывали свое ликование за маской бурного негодования. Президент Трумэн на своей еженедельной пресс-конференции с улыбкой заметил, что будет рад, если сенатор Тафт и губернатор Дьюи разрешат эту проблему в борьбе друг с другом. Лидер демократического большинства в Сенате (ставший позднее вице-президентом США) Олбен Баркли из Кентукки за-

¹ Великой, или Величественной, старой партией (Grand Old Party, GOP) именуют в США Республиканскую партию.

явил, выступая перед избирателями, что Тафт «никогда не испытывал усиленного биения сердца по поводу толп у общественных кухонь в 1932 году, но его сердце мучительно кровоточит из сочувствия преступникам в Нюрнберге». Типичным для реакции демократов на слова Тафта было заявление сенатора Скотта Лукаса из Иллинойса, который назвал речь Тафта «классическим свидетельством того, что у него каша в голове», и предсказал, что это «отзовется бумерангом на его ожиданиях быть выдвинутым кандидатом в президенты в 1948 г.».

«Одиннадцать миллионов сражавшихся ветеранов Второй мировой войны ответят господину Тафту... Я сомневаюсь в том, что председатель Национального комитета Республиканской партии позволит сенатору выступить еще с одной речью после того, как Тафт назвал процесс пятном на репутации Америки... Ни американский народ, ни история с этим не согласятся... Сенатор Тафт, верил он в это или нет, защищал преступников, виновных в убийстве десяти миллионов человек».

Даже в родном для Тафта штате Огайо, где его строгое следование конституционным нормам принесло ему огромную популярность, речь сенатора вызвала гнев, замешательство и тяжелые политические последствия. Республиканский кандидат в сенаторы, бывший губернатор Джон Брикер был не только близким соратником Тафта, но и выдвигался на пост вице-президента США в 1944 г. в качестве напарника губернатора Дьюи. Его соперник-демократ сенатор Джеймс Хаффман, вновь баллотировавшийся в Сенат, бросил вызов Брикеру, предложив сделать свой выбор между Тафтом и Дьюи:

«Страна, пострадавшая от бича современной войны, потерявшая более трехсот тысяч своих прекрасных сыновей и израсходовавшая свои ресурсы

стоимостью в 300 миллиардов долларов в результате действий этих осужденных гангстеров, никогда не будет считать, что вынесенные приговоры были слишком суровыми... Сейчас не время проявлять слабость в вынесении наказания за международные преступления. Таковую критику, даже если она справедлива, следовало высказывать в тот момент, когда международные трибуналы только создавались».

Газета «Блейд» из Толидо сообщила своим читателям, что «в этом вопросе, как и во многих других, сенатор Тафт демонстрирует, что он обладает замечательным умом, который знает практически все, но не понимает практически ничего».

Кливлендская газета «Плейн дилер» писала в редакционной статье, что Тафт «возможно технически прав», но «прощение самой ужасной банды головорезов во всей мировой истории... не обеспечило бы миру защиту того великого принципа, в котором так отчаянно нуждается человечество: принципа, согласно которому планирование и ведение агрессивной войны вполне определено является преступлением против человечества».

Сенатор Тафт был сломлен напором обрушившейся на него критики и чувствовал себя крайне неловко, когда один из оправданных нацистских лидеров, Франц фон Папен, сказал интервьюировавшим его журналистам после освобождения из тюрьмы, что он согласен с речью Тафта. Представитель Тафта опубликовал лишь одно краткое заявление: «Он изложил свою точку зрения на проблему и считает, что если другие хотят критиковать его, пусть критикуют». Но сенатор от штата Огайо не мог понять, почему даже его многолетний сторонник газетный политический обозреватель Дэвид Лоуренс назвал занятую им позицию не чем иным, как «техническим софизмом». И он, должно быть, особенно расстроился, когда такие ува-

жаемые эксперты в области конституционного права, как президент Американской ассоциации юристов, председатель ее исполнительного комитета и другие ведущие правоведы единогласно осудили его заявление и высказались в защиту процесса как полностью соответствующего международному праву.

Но Роберт Тафт высказался не «в защиту нацистских убийц» (как утверждал один профсоюзный лидер), не в защиту изоляционизма (как сочло большинство обозревателей), а в защиту того, что он считал традиционными американскими концепциями права и справедливости. Поскольку он был апостолом строгого соблюдения конституционных норм, главным защитником консервативного образа жизни и правления, Роберта Альфонсо Тафта не могла остановить даже угроза ущерба для его партии, находившейся и без того в тяжелой ситуации, и даже угроза его собственным президентским планам. Для него речь шла о правосудии, и по сравнению с этим все другие озабоченности были не более чем тривиальны. Как заметил тогда один из обозревателей, «это является иллюстрацией одновременно исключительного упорства, честности и политического упрямства сенатора Тафта».

«То, что тысячи людей не согласны с ним и что это политически невыгодно другим республиканцам, Тафта совсем не волнует. На протяжении многих лет он привык к тому, что решение остается за ним, независимо от того, приносит ли это вред ему или кому-то еще. Тафт, конечно, знал, что его замечания будут искажены и неправильно поняты и что выбранное им время для их высказывания поднимет переполох в текущей избирательной кампании. Но то, что он решил не останавливаться, весьма характерно для него».

Буря, поднятая его речью, со временем улеглась. После всей шумихи, поднявшейся вокруг нее, оказалось, что она не помешала убедительной победе республиканцев в 1946 г. и не повлияла – во всяком случае явным образом – на кампанию Тафта за выдвижение его кандидатуры на пост президента в 1948 г. Нацистских лидеров повесили, а Тафт, как и вся страна, занялись другими делами. Но нас не интересует сегодня вопрос о том, был ли Тафт прав или не прав в своем осуждении Нюрнбергского процесса. Стоит отметить: речь, произнесенная Тафтом, стала иллюстрацией его непоколебимого мужества, проявленного в противостоянии напору общественного мнения в деле, которое он считал правым. Его действия были характерны для человека, которого называли реакционером, который был горд тем, что является консерватором, и который был автором нестареющих определений либерализма и свободы:

«Либерализм подразумевает прежде всего свободу мысли, свободу от ортодоксальной догмы, право других думать иначе, чем вы. Он подразумевает свободный разум, открытый новым идеям и готовый их внимательно изучить...

Когда я говорю «свобода», я имею в виду свободу личности обдумывать свои собственные мысли и жить своей собственной жизнью в полном соответствии с тем, как он сам желает думать и жить».

Это было кредо, с которым сенатор Тафт жил, и он стремился, не завися ни от кого и по-своему, создать такую атмосферу в Америке, в которой и другие могли бы поступать так же.

Х

Другие образы политического мужества

«утешение... за презрение человечества»

Списка политически мужественных сенаторов не существует, и я не намеревался предлагать такой список. Напротив, рассказывая об *отдельных* наиболее выдающихся и исполненных драматизма проявлениях политического мужества в Сенате, я попытался показать, что это качество может быть обнаружено в любом сенаторе, в любой партии и в любую эпоху. Можно было бы привести гораздо больше примеров подобного поведения в подобных обстоятельствах.

Другие сенаторы, ставя свои убеждения выше своих карьерных соображений, порывали со своей партией, поступая во многом так же, как Джон Квинси Адамс, Томас Харт Бентон, Эдмунд Росс, Сэм Хьюстон и Джордж Норрис. Друзья республиканского сенатора Альберта Бивериджа из Индианы просили его смягчить высказанную им в ходе избирательной кампании 1910 г. критику в адрес Закона о тарифах Пейна–Олдрича¹, который поддерживала его

¹ Закон о тарифах 1909 г., названный по фамилиям подготовивших его сенаторов, снизил тарифы на импорт почти на 38%, что вызвало протест со стороны многих сенаторов, представлявших штаты Среднего Запада.

партия, но он не намерен был молчать. «Партия может жить, лишь развиваясь, – сказал он. – Нетерпимость к идеям [означает ее] смерть».

«Организация, которая полагается в своем развитии только на получение голосов, когда сын занимает место отца, является не политической партией, а тайным китайским обществом; это не граждане, объединенные мыслью и совестью, а индейское племя, объединенное кровью и предубеждением».

Лишившись иллюзий и обескураженный тем, что в результате оппозиции со стороны влиятельных слоев его собственной партии он потерпел поражение, Биверидж счел возможным сделать лишь одно замечание на утро после выборов: «Всё в порядке, двенадцать лет тяжелой работы и чистый послушной список; я удовлетворен».

Многие из тех, кто мужественно разрывает со своей партией, вскоре находят пристанище в других организациях. Но для тех, кто разрывает со своим регионом, как смогли убедиться сенаторы Бентон и Хьюстон, конец их политической карьеры может оказаться более безнадежным и более неприятным. Накануне съезда Демократической партии 1924 г. советники сенатора Оскара У. Андервуда из Алабамы – бывшего кандидата в президенты США (в 1912 г.), бывшего лидера демократов в Палате представителей и Сенате, автора знаменитого законопроекта о тарифах, известного под его именем, и основного претендента на пост президента США – настаивали, чтобы он не говорил ничего оскорбительного в адрес Ку-клукс-клана, в те годы набравшего силу, особенно в политической жизни в южных штатах. Но сенатор Андервуд, убежденный, что деятельность Клана противоречит принципам джефферсоновской демократии, в которую он верил, решительно и недвусмысленно осудил его, настаивая на том, что это исклю-

чительно важный вопрос, по которому партия должна занять твердую позицию, и энергично, хотя и безуспешно, сражался за то, чтобы антиклановское положение было включено в политическую платформу партии. Делегация Луизианы и другие южане публично осудили его, и с этого момента его шансы на избрание президентом США сошли на нет. Как писал Фрэнк Кент, ему даже не удалось добиться переизбрания в Сенат,

«и единственная причина тому – искренность и честность его политических заявлений... Оппозиция к нему в Алабаме в силу твердости и откровенности его убеждений возросла в такой степени, что повторное выдвижение его кандидатуры попросту стало невозможным без того, чтобы он не ввязался в борьбу такого рода, в которую он не хотел ввязываться... Если бы сенатор Андервуд сыграл в игру в Алабаме в соответствии со здравым политическим правилом казаться говорящим что-то, но не делающим этого, не было бы никакой серьезной оппозиции к тому, чтобы он оставался в Сенате до конца его дней».

В те тревожные годы до начала Гражданской войны огромное мужество в противостоянии региональному давлению, более сильному, чем даже то, которое довелось испытать Уэбстеру, Бентону и Хьюстону, продемонстрировал сенатор Эндрю Джонсон из штата Теннесси, отважный, хотя и бесцеремонный боец, который в 1868 г. был спасен от унижительного изгнания из Белого дома единственным голосом злополучного Эдмунда Росса. Когда в 1860 г. Союз стал распадаться, Бентон и Хьюстон уже не заседали в Сенате, и лишь Эндрю Джонсон, единственный из южан, защищал Союз. Когда он возвращался домой в Теннесси, чтобы бороться за сохранение своего штата в Союзе, его поезд сделал остановку в Линчберге, штат Вирджиния,

и озлобленная толпа вытащила сенатора из вагона, подвергла его избиению и оскорблениям и лишь в последнюю минуту, уже с накинутаой на его шею петлей, решила не линчевать его, согласившись, что привилегия повесить его принадлежит соседям в Теннесси. По всему штату Теннесси его освистывали, подвергали улюлюканью и вешали изображавшее его чучело. Конфедератских лидеров убеждали, что «его власть закончилась и что впредь от него не останется ничего, кроме смердящей вони предателя». Не обращая внимания на угрозы его жизни, Эндрю Джонсон разъезжал по штату, тщетно пытаясь остановить сецессионную волну и став в конечном счете единственным сенатором с Юга, отказавшимся отделиться вместе со своим штатом. Когда он возвращался в Вашингтон, на железнодорожной станции в Цинциннати его горячо приветствовали толпы людей, выступив перед которыми он гордо заявил: «Я гражданин Юга и штата Теннесси... [Но] я также и гражданин Соединенных Штатов».

Джон Квинси Адамс был не единственным сенатором, мужественно отказавшимся по принципиальным соображениям от своего поста. В свое время Сенат принял резолюцию, осуждающую президента Джексона за его не санкционированные Сенатом действия, направленные против Банка Соединенных Штатов. На волне личной и политической популярности Эндрю Джексона стала шириться поддержке давнего предложения сенатора Бентона об исключении этой резолюции из «Сенейт джорнел»¹. Однако против этого решительно выступил сенатор Джон Тайлер² из Вирджинии, убежденный в том, что внесение изменений в «Джорнел» противоречит Конституции США и недостойно Сената. Но легислатура штата Вирджиния, в которой доминировали друзья Джексона и враги Тайлера, поддавшись сен-

¹ Книга регистрации заседаний Сената США.

² Тайлер, Джон (1790–1862), будущий 10-й президент США (1841–1845).

тиментальным соображениям, что президенту должно быть позволено уйти в отставку без такого пятна, навечно остающегося на его послужном списке, дала указание своему сенатору поддержать резолюцию об исключении этой записи в «Джорнел».

Отдавая себе отчет в том, что его уход из Сената лишь укрепит позиции сторонников Джексона в спорах по гораздо более важным вопросам и что его собственная политическая карьера, уже обещающая ему выдвижение кандидатом на пост вице-президента США, будет по меньшей мере на какое-то время приостановлена, Джон Тайлер мужественно решил следовать наставлениям своей собственной совести и направил в легислатуру следующее памятное послание:

«Я не смогу и не позволю себе оставаться в Сенате ни на минуту дольше, чем уполномочат меня на то полномочные органы народа Вирджинии, которые уведомят меня о том, что в моих услугах нет больше нужды...

Но я не осмелюсь коснуться Книги регистрации заседаний Сената. Конституция запрещает это. В разгар всех партийных волнений я до сего времени всегда соблюдал положения этого священного инструмента. Сегодняшний человек уступает место завтрашнему, и идолы, которым поклоняется одна группа людей, разрушаются следующей группой. Единственным объектом моего поклонения должна быть Конституция моей страны...

Я унесу с собой в отставку принципы, которые я принес с собой в политику, и своей отставкой с высокого поста, на который поставили меня голоса народа Вирджинии, я подам пример моим детям: пример, который научит их не ставить ни в грош любое положение или любой пост, которого нужно добиваться или который можно занять лишь ценой своей чести».

Во время одной из первых в истории Сената демонстраций выдающегося мужества яркий и яростный сенатор Хамфри Маршалл из Кентукки предпочел в 1795 г. завершить свою карьеру в Сенате, поддержав президента страны в одобрении крайне непопулярного Договора Джея с Великобританией¹. Хотя даже федералисты Кентукки сочли необходимым выступить против президента Вашингтона по этому вопросу, Маршалл откровенно заявил своим избирателям:

«Обдумывая возражения против этого договора, я часто готов воскликнуть: “О, представители фракций! Друзья анархии! Враги и сознательные извратители федерального правительства! Какими громогласными в нескончаемом ропоте и оскорблениях, какими слабыми в обосновании и вынесении суждения представляются ваши аргументы!”»

Разъезжающего по штату и выступающего с обоснованием поданного им голоса Маршалла избегали и забрасывали камнями. Однажды вечером толпа вытащила его из дома с явным намерением выкинуть в ближайшую реку. На берегу реки сенатор Соединенных Штатов Маршалл с огромным спокойствием и юмором сказал беснующейся толпе:

«Друзья, это все противоречит правилам. Обрядом крещения, практикуемым в доброй старой баптистской церкви, предусмотрено, чтобы кандидат

¹ Договор Джея, американо-английский договор о дружбе, торговле и мореплавании, подписанный в 1794 г. в Лондоне особым уполномоченным правительства США Джоном Джейем и министром иностранных дел Великобритании. Договор, от которого ожидалось решение широкого круга вопросов, оставшихся нерешенными после окончания Войны за независимость США, содержал, по мнению его американских противников, слишком много уступок Великобритании.

рассказал о своем жизненном опыте до начала обряда крещения. А сейчас, в соответствии с установленными правилами и прецедентами, я хочу изложить мой опыт, прежде чем вы приступите к моему крещению».

Измученная и испуганная банда буйных горожан – лишь немногие из которых имели представление о Договоре Джея, но были, тем не менее, уверены, что Маршалл совершил акт предательства, поддержав договор, – поставила его на пень и приказала ему объяснить занятую им позицию. Начав в том же юмористическом духе, сенатор воодушевился по ходу дела и закончил свою речь, язвительно высмеяв своих врагов, включая и тех, кто робко стоял перед ним и кто позднее заслужил от него такую характеристику:

«Бедные, невежественные существа, собравшиеся на берегу реки ради благородной цели окунуть меня в воду за то, что я высказал независимое мнение. В этой патриотично настроенной группе самой достойной уважения личностью был, пожалуй, старина Джон Бирнс, пьяный мясник».

Молодого сенатора Соединенных Штатов из Кентукки не «крестили», но его острый язык не спас его от вынужденной отставки с сенатского поста.

Акты политического мужества не ограничивались, конечно, залом заседаний Сената Соединенных Штатов. Такие акты совершались с неменьшей отвагой и энергией членами Палаты представителей, президентами, губернаторами и даже простыми гражданами, не чуждыми политических амбиций. Достаточно привести один или два примера, чтобы показать, что это качество не было монополией только Сената или Вашингтона, Округ Колумбия.

За много лет до его избрания в Сенат Джон К. Кэлхун из Южной Каролины продемонстрировал огромное мужество, будучи еще членом Палаты представителей. Когда в 1816 г. члены Палаты представителей сами повысили себе жалованье, всю страну и членов всех партий внезапно охватила огромная волна негодования. Лишь относительно немногие члены палаты решились повторно выдвинуть свои кандидатуры. Клей едва избежал поражения лишь благодаря самой напряженной предвыборной кампании в своей политической карьере. Наиболее верные сторонники Кэлхуна настаивали, чтобы молодой конгрессмен выступил с публичным заявлением, обещая отдать свой голос против законопроекта, если только избиратели простят его и вновь его выберут. Но Кэлхун, когда-то сказавший одному из своих друзей: «Когда я что-то решил для себя, ни один человек не в силах заставить меня изменить мою точку зрения», не намеревался отступить. Больше того, он как-то даже заметил, что, возможно, и новая сумма недостаточна.

Но Кэлхун был вознагражден широкой поддержкой (хотя многие из его бывших коллег из Южной Каролины потерпели поражение и не были переизбраны) и, возвратившись в Конгресс, стоял практически одинокой фигурой в зале заседаний Палаты представителей, в то время как другие ее члены, старые и новые, соперничали между собой в обличении законопроекта. Но только не Кэлхун:

«Наша палата вправе вынести решение по этому вопросу в соответствии со своим разумием. Обязаны ли мы в любом случае делать то, что пользуется популярностью? Неужели народ нашей страны лишил этот орган власти права трезво обдумывать свои решения? Пусть джентльмены назовут время и место, когда и где народ собирался и обсуждал этот вопрос. О, нет! От него не поступало ни письменных, ни устных инструкций.

Закон не пользуется популярностью, и им приходится отвергать его вопреки тому, что им подсказывает их совесть и разум. Если дело обстоит именно так, каким же образом можно будет исправить множество прежних политических ошибок?»

От президента Соединенных Штатов не ожидается, что он должен подвергаться таким же испытаниям политического мужества, как сенатор. Его избиратели не различаются по региональному признаку, потеря популярности у одной группы населения или в одном регионе по конкретному вопросу может быть восполнена поддержкой других, а его власть и престиж обычно обеспечивают большую политическую безопасность, чем та, на которую может рассчитывать сенатор. Но один пример свидетельствует о том, что даже президент ощущает давление избирателей и групп специальных интересов.

Президент Вашингтон поддерживал Договор Джея с Великобританией, чтобы уберечь наше молодое государство от войны, которую оно бы не выдержало, хотя он и отдавал себе отчет в огромной непопулярности договора у людей, готовых сражаться. Том Пейн¹ сказал президенту, что он был «вероломным в личных дружеских отношениях и лицемерным на людях... Мир будет испытывать замешательство, решая, кем Вы являетесь – отступником или обманщиком; отказались ли Вы от добрых принципов или же никогда их не имели». В гневном раздражении Вашингтон воскликнул: «Я предпочитаю быть в могиле, а не на президентском посту», а Джефферсону написал:

«Меня обвиняют в том, что я являюсь врагом Америки и поддался влиянию иностранного государства... любое решение моей администрации подвергается обвинениям, высказываемым в таких

¹ Пейн, Томас (1737–1809), американский политический деятель, активный борец за независимость от британской короны.

преувеличенных и оскорбительных выражениях, которые вряд ли могли быть употреблены в адрес Нерона, отъявленного растратчика, или даже обычного карманника».

Но он твердо придерживался своей линии.

Полагаю уместным в этой книге, посвященной Сенату, отбирая один пример политического мужества губернаторов, обратить внимание на того, чьи храбрые поступки на губернаторском посту помешали ему осуществить его честолюбивое желание добиться места в Сенате. Ознакомившись с огромной кипой данных под присягой показаний и судебных протоколов, губернатор Иллинойса Джон Питер Олтджелд убедился в том, что на основании недостаточных доказательств и несправедливого суда трое подсудимых были приговорены к смерти (но еще не повешены) по делу об убийстве, совершенном в 1886 г. на известной чикагской площади Хэймаркет¹. Будучи предупрежден лидерами Демократической партии, что ему лучше забыть об этих осужденных, если он все еще хочет быть избранным в Сенат, Олтджелд ответил: «Никакие амбиции человека не вправе мешать ему исполнить простой акт справедливости», и когда председатель Демократической партии штата спросил, считает ли он свое решение об амнистии, сформулированное в 18 тысячах слов, «разумной политикой», он ответил громоподобным голосом: «она верна».

За этот акт чучело губернатора было подвергнуто сожжению, его исключили из числа приглашаемых на обычные церемонии типа парадов и присуждения ученых степеней, его ежедневно подвергали таким оскорблениям, как «анархист», «социалист», «апологет убийств» и «под-

¹ Во время рабочего митинга на площади Хэймаркет в Чикаго 4 мая 1886 г. произошло столкновение между участниками митинга и полицейскими, в результате которого имелись жертвы с обеих сторон. Восемь рабочих руководителей были преданы суду, и четверо из них приговорены к смертной казни.

стрекатель беззакония». Потерпев поражение в попытке переизбраться в 1896 г., получив даже отказ в традиционном праве на прощальное обращение в ходе инаугурационных церемоний в честь его преемника (новый губернатор фыркнул: «Иллинойс сыт по горло этим анархистом»), Джон Питер Олтджелд вернулся к частной жизни и тихо скончался спустя шесть лет. Он стал, если воспользоваться названием известной поэмы Вэчела Линдсея, «забытым орлом»:

Спи спокойно... орел забытый...
под камнем этим,
Тобою там займется время
и воздаст должное твоему праху.
Продолжи свой сон, о храбрый сердцем,
о мудрый человек, разжегший пламя –
Жить в памяти людей важней, чем
Просто быть помянутым по имени,
Жить в памяти людей куда важней, чем
Просто быть помянутым по имени.

В 1920 г. Чарлз Эванс Хьюз¹ не был ни конгрессменом, ни губернатором, но он был самым видным юристом в стране, бывшим губернатором, членом Верховного суда США и кандидатом на пост президента страны и рассматривался также как кандидат на занятие и других ответственных постов. (Вскоре ему предстояло стать государственным секретарем и председателем Верховного суда США). Но когда пяти социалистам – должным образом избранным членам легальной партии – было без каких-либо на то оснований отказано в праве заседать в законодательной ассамблее штата Нью-Йорк в основном из-за их не пользовавшихся популярностью взглядов, Хьюз поставил на карту свое положение в обществе и популярность, чтобы заявить протест против этого решения, нарушавшего

¹ Хьюз, Чарлз Эванс (1862–1948) часто фигурирует в отечественной историографии под фамилией Юз.

право общественности избирать своих собственных представителей. Проведя классическое сражение в нью-йоркской Ассоциации юристов, он преуспел в том, что специальный комитет ассоциации под его собственным председательством выступил в легислатуре в защиту социалистов, к взглядам которых он лично питал отвращение.

Получив отказ в разрешении выступить лично, Хьюз подал письменное заявление, в котором настаивал, что «если большинство может исключить целиком или часть меньшинства, считая, что исповедуемые им взгляды являются вредными, то свободному правительству приходит конец». Его аргументы, судя по всему, не произвели должного впечатления на нью-йоркскую легислатуру, которая исключила социалистов и поставила их партию вне закона. Но многие считают, что голос глубокоочтимого Чарлза Эванса Хьюза, одинокого, но отнюдь не запуганного, и мужественное вето, наложенное губернатором Элом Смитом на решение этой легислатуры, которое предусматривало введение контроля за распространением радикальных взглядов в школах, сыграли решающую роль в том, что страна пришла в чувство.

В завершении наших рассказов об американском политическом мужестве хотелось бы вспомнить еще один акт мужества, предшествовавший созданию нашего государства, представлявший образец для подражания в будущем. Вечером 5 марта 1770 г., когда английские часовые опрометчиво открыли огонь по ругающейся и буйствующей толпе на Стейт-стрит в Бостоне, Джон Адамс¹ из Массачусетса уже возглавлял движение протеста против игнорирования англичанами жалоб колонистов. К тому же, он был к этому времени авторитетным в обществе юристом и кандидатом на занятие поста в Генеральном совете² на предстоящих

¹ Адамс, Джон (1735–1826), 2-й президент США (1797–1801).

² Двухпалатное законодательное собрание в штате Массачусетс.

выборах. Таким образом, если бы он не присоединился к выражению возмущения всем Бостоном по поводу «бостонской бойни», в любом случае даже его молчание пошло бы ему на пользу.

Но этого воинственно настроенного противника короны попросили быть защитником привлеченных к суду солдат, и он не испытал никаких сомнений, дав согласие на это предложение. Позднее в автобиографии он отметил, что это дело было одним из «наиболее изнурительных и утомительных дел, которые я когда-либо вел, угрожающим столь трудно заработанной популярности и вызывающим у общественности подозрения и предубеждения, которые еще не исчезли». И тем не менее человек, который станет позднее отважным президентом, не только продолжал оставаться защитником, но и добился оправдания своих клиентов, обвинявшихся в убийстве, доказав в переполненном публикой зале, что суду не было представлено никаких доказательств того, что стрельба велась со злостными намерениями и без каких-либо на то оснований:

«Каковыми бы ни были наши пожелания, наши предрасположения или веления наших чувств, они не могут изменить ни фактов, ни улики. Закон не подчинится неопределенным пожеланиям, воображению или произвольным настроениям людей...

Господа присяжные заседатели, я выступаю в защиту стоящих перед судом арестованных и попрошу за это прощения лишь словами маркиза Беккариа¹: “Если мне предстоит быть всего лишь орудием защиты чьей-либо жизни, его благодарность и слезы будут для меня достаточным утешением за все презрение человечества!”».

¹ Беккариа, Чезаре (1738–1794) – итальянский просветитель, автор классических работ, легших в основу демократических принципов уголовного права.

XI

Секрет мужества

Эта книга посвящена мужеству и политике. Политика создавала ситуации, мужество подсказало предмет разговора. Мужество, универсальное достоинство, осознается всеми нами, но эти портреты мужества не развеивают тайны политики.

Ведь ни один из тех, чьи жизненные истории изложены на предшествующих страницах, не создает ясной и полной картины мотивов, которыми он руководствовался, и того, чего он добился. Присущие каждому из них комплексы, непоследовательность и сомнения беспокоят нас. Независимо от того, насколько подробным ни было бы наше исследование его жизни, каждый из них остается в каком-то смысле слова загадкой. Каким бы ясным ни был результат проявленного им мужества, суть дела скрыта за туманным покровом, убрать который мы не в силах. Мы можем уверенно сказать о причинах, но что-то, как представляется, нам всё время не поддается. Мы считаем, что располагаем ответом, – и все-таки что-то ускользает из наших рук.

Мотивацию, как нам скажет любой психиатр, всегда трудно определить. Особенно трудно ее проследить в мутном море политики. Те, кто вопреки своему штату и региону действовал во имя национальных интересов, – люди, подобные Дэниелу Уэбстеру и Сэму Хьюстону, не скрывавшие своей заинтересованности в более высокой должности,

подставили себя под удары обвинений в том, что они лишь стремились удовлетворить свои честолюбивые планы добиться президентского поста. Те, кто порвал со своей партией во имя борьбы за более широкие принципы, – люди, подобные Адамсу и Россу, – столкнулись с обвинением, что они заняли ответственный пост под одними знаменами и в момент кризиса перешли под другие знамена.

Но в тех конкретных случаях, о которых речь шла выше, как я убедился после внимательного изучения документов, именно национальные интересы, а вовсе не личные или политические выгоды лежали в первую очередь в основе мотивации действий тех, о ком мы говорили. Это не означает, что многие из них не старались, хотя и в очень редких случаях с успехом, получить какую-то выгоду на избранном ими сложном пути. Будучи политиками – а то, что мы их всех так называем, ни в коем случае не должно рассматриваться как проявление пренебрежения к ним, – они были вполне вправе поступать таким образом.

Конечно, акты мужества, описанные в этой книге, выглядели бы более вдохновляющими и ярче засверкали бы традиционным блеском возвеличенного геройства, если бы мы сделали вид, что каждый из этих людей полностью забыл о себе, посветив себя более высоким принципам. Но, возможно, президент Джон Адамс, без сомнения, один из самых непредубежденных и мудрых государственных служащих, которые у нас когда-либо были, был гораздо ближе к истине, когда писал в своей книге «Защита Конституции Соединенных Штатов»: «На самом деле неправда, что когда-либо существовали люди, любящие народ больше, чем самих себя».

Если это так, что же заставило упомянутых выше государственных деятелей действовать так, как они действовали? Не потому же, что они «любили народ больше, чем самих себя». Напротив, дело было в том, что они *любили себя*, поскольку стоящая перед каждым человеком необходимость сохранить самоуважение была для него

важнее популярности среди других людей, поскольку его желание завоевать или сохранить свою высокую репутацию за проявленные честность и мужество было сильнее его желания сохранить за собой высокий пост, поскольку его совесть, личные этические нормы, его самоуважение или мораль, называйте это как хотите, были сильнее, чем давление общественного неодобрения, поскольку его вера в то, что избранный *им* курс является наилучшим и в конечном итоге будет сочтен оправданным, перевесила его опасения по поводу общественного отщепенства.

Поскольку от принесенной им жертвы косвенным образом выигрывало общественное благо, то это не было некоей туманной и общей концепцией; на путь действий, приведших к описанным выше стрелам и камням, их толкала – так или иначе – любовь к себе. Именно тогда, когда политик не любит ни общественное благо, ни себя, или даже тогда, когда его любовь в себе ограничена и удовлетворяется мишурой занимаемого им положения, вот тогда общественным интересам служат плохо. И когда его любовь к себе так высока, его самоуважение требует, чтобы он следовал по пути мужества и совести, приносящему пользу всем. Именно тогда его вера в правоту избранного им курса позволяет ему повторить за Джоном К. Кэлхуном:

«Я никогда не знаю, что Южная Каролина думает об этом решении. Я никогда с ней не консультируюсь. Я поступаю так, как диктует мне мое суждение и моя совесть. Если я получаю одобрение штата, замечательно и хорошо. Если он не одобряет и хочет, чтобы кто-то другой занял мое место, я готов его освободить. Мы квиты».

Нельзя утверждать, что мужественные политики и принципы, которые они защищают, всегда безупречны. Говорят, что Джон Квинси Адамс должен был понять, что эмбарго разорит Новую Англию и вряд ли вызовет гнев англичан.

Дэниел Уэбстер, как утверждали его критики, безуспешно пытался умиротворить прорабовладельческие силы. Томас Харт Бентон был упрямым и помпезным эгоцентристом, Сэм Хьюстон – коварным, не отличающимся постоянством и ненадежным человеком. Эдмунд Росс, по мнению некоторых, совершил непростительный для политика поступок, проголосовав за человека, который бросил вызов Конституции и Конгрессу. Люшиус Ламар так и не понял, почему пороки запланированной инфляции иногда предпочтительней, чем трагедии неконтролируемой депрессии. Норрис и Тафт, считают их оппоненты, руководствовались в большей степени слепым изоляционизмом, чем конституционными принципами.

Всё это – и даже больше того – уже говорилось. Каждый из нас может решить для себя, насколько важен был курс, за реализацию которого бился каждый из этих людей.

Необходимо ли решать этот вопрос, чтобы восхищаться их мужеством? Должны ли люди сознательно подвергать риску свои карьеры исключительно во имя принципов, которые объявляются верными лишь задним числом, только для того, чтобы потомки восхваляли их за проявленное мужество? По-моему, нет. Нет сомнения в том, что в Соединенных Штатах Америки, где когда-то брат сражался против брата, мы не даем оценку храбрости человека, находящегося под огнем, в зависимости от того, под каким флагом он сражался.

Я не утверждаю, что все поставившие на кон свои карьеры, чтобы высказать свою точку зрения, были правы. Вполне понятно, что Уэбстер, Бентон и Хьюстон не могли быть одинаково правы в отношении компромисса 1850 г., поскольку каждый из них, преследуя одну и ту же цель сохранения Союза, придерживался абсолютно разных точек зрения на это «омнибусное» решение. Люшиус Ламар, отказавшись уйти в отставку после нарушения указаний своей легислатуры, продемонстрировал мужество совер-

шенно иным путем, чем Джон Тайлер, который закончил свою карьеру в Сенате, потому что считал такие указания обязывающими. С другой стороны, Тайлер презирал Адамса, а у Адамса вызывали отвращение «завистливый характер, ненасытные амбиции и прогнившее сердце Дэвида Уэбстера». Республиканцы Норрис и Тафт не могли сойтись во взглядах друг с другом, так же как и демократы Кэлхун и Бентон.

Эти люди вовсе не были все на одной стороне. Они не были все правы, не были все консерваторами или либералами. Кто-то из них, возможно, представлял взгляды молчаливого большинства своих избирателей, выступавших против визга громкоголосого меньшинства, но этого нельзя сказать о большинстве из них. Кто-то, возможно, действительно продвигал долгосрочные интересы своих штатов в противовес близоруким и узкокорыстным предубеждениям их избирателей, но этого нельзя сказать о других. Кто-то, возможно, был безупречен, великодушен, добр и благороден на протяжении всей своей карьеры в полном соответствии с традициями американского героя, но этого нельзя сказать о большинстве из них. Норрис – неуступчивый упрямец, Адамс – вызывающий раздражение выскочка, Уэбстер – получатель благ от бизнесменов, Бентон – напыщенный задира. Наши реальные политические герои делаются из такого материала.

Некоторые из них продемонстрировали мужество, проявив непреклонную верность абсолютному принципу. Другие продемонстрировали мужество, согласившись на компромисс, проповедуя примирение, проявляя готовность заменить конфликт сотрудничеством. Разумеется, они не уступали в мужестве один другому, но различались по калибру. Ибо американская система правления просто не смогла бы функционировать, если бы все люди, занимающие ответственные посты, подходили к решению каждой задачи, подобно Джону Квинси Адамсу, как к задаче из высшей математики, не обращая особого внимания на региональные нужды и человеческие слабости.

У большинства из них, несмотря на различия, было много общего: захватывающие дух ораторские способности, блестящий ум ученого, широта взглядов человека, стоящего выше партии и региона, и прежде всего глубокая вера в себя, в свою честность и правоту своего дела.

Секрет мужества, как и политические мотивы, зачастую остается непонятым. Некоторые получают удовольствие от возбужденной атмосферы сражений, но оказываются неспособными понять значение их последствий. Некоторые восхищаются достоинством мужества в других людях и в другие эпохи, но не способны осознать его современный потенциал. Возможно, для того, чтобы разъяснить значение этих историй проявления политического мужества, было бы уместно сказать, чем эта книга не является.

Она не претендует на оправдание независимости во имя независимости, упрямого противостояния компромиссам или излишне гордой и непреклонной приверженности своим личным убеждениям. Она не претендует на отставание утверждения, что по каждой проблеме существует одна правая и одна неправая сторона и что все сенаторы, за исключением плутов или дураков, в состоянии определить, где находится правая сторона, и будут ее придерживаться. Напротив, я разделяю точку зрения, высказанную премьер-министром Мелбурном¹, который, будучи ущемленным критикой тогда еще молодого историка Т.В. Маколея, заметил, что он хотел бы быть в такой же степени уверенным хотя бы в чем-то, как Маколей кажется уверенным во всем. А девять лет, проведенных мной в Конгрессе, убедили меня в мудрости произнесенных Линкольном слов: «Существует не так-то много вещей, которые можно назвать целиком плохими или целиком хорошими. Почти всё, и особенно относящееся к сфере государственной

¹ Мелбурн, Уильям Лэмб, виконт (1779–1848), премьер-министр Великобритании (1834, 1835–1839, 1839–1841).

политики, представляет собой неразрывное сочетание и того и другого, и поэтому от нас постоянно требуется здравое суждение о том, что перевешивает».

Эта книга не претендует на то, чтобы утверждать, что партийная дисциплина и партийная ответственность непременно являются вредными и никогда нельзя допускать, чтобы они влияли на наши решения. И она не претендует на то, чтобы утверждать, что местнические интересы какого-то штата или региона не имеют законного права рассматриваться в любое время. Напротив, лояльность каждого сенатора распределяется между его партией, его штатом и регионом, его страной и его совестью. В вопросах, касающихся его партии, обычно главенствует партийная лояльность. В дискуссиях по региональным проблемам его курс будет, скорее всего, диктоваться его региональными обязанностями. И только в вопросах национального масштаба, в вопросах, затрагивающих совесть и бросающих вызов партийной и региональной лояльности, подвергается испытанию личное мужество.

Мужество может потребоваться, чтобы вступить в борьбу со своим президентом, со своей партией или со взглядами подавляющего большинства в своей стране, но, с моей точки зрения, это не идет ни в какое сравнение с мужеством, требуемым от сенатора для того, чтобы выступить против возмущенной власти своих избирателей, которые определяют его будущее. Именно по этой причине я не включил в этот труд истории наиболее известных «инсургентов» нашей страны – Джона Рэндолфа, Таддеуса Стивенса, Роберта Ла Фоллета и им подобных – мужественных и честных людей, которые, однако, вели борьбу, зная, что они пользуются поддержкой избирателей в своем родном штате.

И наконец, эта книга не претендует на то, чтобы вызвать пренебрежение к демократической системе правления и власти народа. Приведенные в книге примеры того,

как обуреваемые страстями избиратели несправедливо осуждают принципиальных людей, вовсе не служат неопровержимым аргументом против самого широкого участия граждан в избирательном процессе. Истории людей, преуспевших в своей деятельности невзирая на жестокую клевету общества, не являются решающим доказательством того, что нам следует при всех обстоятельствах игнорировать чувства избирателей по проблемам общенационального характера. Уинстон Черчилль как-то сказал: «Демократия является наихудшей формой правления, за исключением всех других форм, которые были испробованы в разное время». Мы можем усовершенствовать наши демократические процессы, мы можем улучшить наше понимание связанных с ними проблем, и мы можем повысить наше уважение к тем честным людям, которые считают важным время от времени действовать вопреки общественному мнению. Но мы не можем решить проблемы независимости и ответственности законотворчества путем ликвидации или свертывания демократии.

Ведь демократия означает гораздо больше, чем общенародное правление или власть большинства, гораздо больше, чем система политических технологий, предназначенных для оболъщения или обмана влиятельных блоков избирателей. Демократия, в которой нет Джорджа Норриса как примера для подражания – монумента личной честности в океане общенародной власти, не достойна называться демократией. Истинная демократия, живая, развивающаяся и вдохновляющая, вкладывает всю свою веру в народ – веру в то, что народ не просто изберет людей, которые будут не только умело и честно представлять его взгляды, но и станут полагаться на свое добросовестное суждение. Это вера в то, что народ не осудит тех, чья преданность принципам привела их к непопулярным шагам и, больше того, оценит их мужество, проявит к ним уважение и в конечном счете признает их правоту.

Приведенные в этой книге истории – это истории именно такой демократии. Разумеется, их не было бы, если бы наша страна не сохраняла верность наследию свободы слова и несогласия, если бы она не поощряла откровенных конфликтов мнений, если бы она не поощряла терпимости к непопулярным взглядам. Циники могут обратить внимание на то, что не в наших силах обеспечить «хэппи энд» в каждой главе. Но я уверен, что эти истории не будут восприняты как предупреждение о необходимости соблюдать осторожность при проявлении мужества. Многие из тех, кто выстоял под давлением общественного мнения, продолжали пользоваться политическим успехом, а остальные были в конечном счете оправданы историей, и именно это позволяет нам сохранять веру в конечное здоровое суждение народа.

Таким образом, ни демонстрация проявленного в прошлом мужества, ни необходимость его проявления в будущем не ограничиваются залом заседаний Сената. Вопросы мужества и честности касаются всех лиц, занимающих официальные посты в нашей стране, как малозначительные, так и крупные, и независимо от того, кому они подотчетны – избирателям, законодательным органам, политической машине или партийной организации, – но не только их. Они также касаются каждого избирателя в нашей стране – и тех, кто не голосует, кто не проявляет интереса к сфере власти, и тех, кто питает лишь презрение к политикам и профессии политика. Они касаются всех тех, кто когда-либо сталкивался с коррупцией в руководящих сферах, и тех, кто когда-либо настаивал на том, чтобы его представитель прислушивался к его взглядам. Потому что в условиях демократии любой гражданин, независимо от того, питает он интерес к политике или нет, «находится на посту», каждый из нас занимает ответственный пост, и в конечном счете от того, как мы выполняем наши обязанности, зависит, какая власть будет в нашей стране. Мы, народ, явля-

емся хозяевами и получим то политическое руководство, плохое или хорошее, которое мы требуем и заслуживаем.

Это касается не только политики, поскольку все мы неизменно сталкиваемся с необходимостью того же основополагающего выбора между мужеством и уступчивостью — опасаемся ли мы гнева избирателей, друзей, правления директоров или нашего профсоюза, когда мы противостоям давлению взглядов по активно оспариваемым вопросам. Ни в коем случае не принижая значения мужества, проявленного людьми перед лицом смерти, мы не должны забывать об актах мужества, проявленных людьми, подобными описанным в этой книге, *при их жизни*. Мужество жить зачастую выглядит не так драматично, как мужество последних минут жизни, но оно представляет собой ничуть не менее величественное сочетание триумфа и трагедии. Человек совершает то, что должен совершить, несмотря на последствия личного плана, несмотря на препятствия, опасности и давление. И в этом заключена основа человеческой морали.

Для того, чтобы быть мужественным, как ясно свидетельствуют эти истории, не требуется исключительных качеств, магических формул, никаких сочетаний времени, места и обстоятельств. Такая возможность рано или поздно предоставляется нам всем. Политика просто открывает поле деятельности, которое обеспечивает возможность испытать мужество. В какой бы области жизнедеятельности ни приходилось сталкиваться с вызовом мужеству, какие бы жертвы ни требовалось принести, если возникает необходимость следовать велению своей совести, — потеря друзей, состояния, личной удовлетворенности, даже уважения единомышленников, — каждый человек должен решить для себя, каким путем он пойдет. Рассказы о былом мужестве могут дать точное определение этой черте характера: они могут научить, они могут дать надежду, они могут воодушевить. Но они не могут придать самого мужества, поскольку каждый человек должен заглянуть себе в душу.

Господин президент, когда человек становится членом этого органа власти, он не может даже представить себе те тяжелые испытания, через которые ему неизбежно придется пройти; каким огромным мужеством он должен обладать, чтобы одолеть те соблазны, с которыми он ежедневно сталкивается; какую обидчивую робость перед незаслуженным осуждением ему надо будет научиться контролировать; как справиться с постоянно возникающим столкновением естественного желания добиться общественного одобрения с чувством общественного долга; как научиться нести на своих плечах всю тяжесть несправедливостей, чинимых теми, кто должен был бы быть его друзьями; инсинуаций, касающихся мотивов его действий и решений; насмешек и сарказма невежества и злобы; всех многочисленных обид, беспрепятственно выплескиваемых на его голову партийной или личной злонамеренностью тех, чьи надежды он не оправдал.

Все это, господин президент, он должен научиться стойко сносить, если хочет оставаться честным и двигаться вперед по пути, диктуемому долгом, подкрепляемый лишь верой в то, что время сможет оправдать его, а если нет, то в конечном счете все его личные надежды и чаяния и даже имя его в сонме других людей не должны представлять особой важности для него в сравнении с благополучием народа, конституционным хранителем и защитником судьбы которого он является.

СЕНАТОР Уильям ПИТТ ФЕССЕНДЕН¹
из Мэна. Из панегирика, произнесенного в 1860 г.
по случаю кончины сенатора Фута из Вермонта
за два года до того, как голос сенатора Фессендена
за оправдание Эндрю Джонсона привел
к осуществлению его собственного предсказания.

¹ Фессенден, Уильям Питт (1806–1869), американский политический деятель, сенатор.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИСТОРИКА

(Еще один профиль мужества)

За четыре десятилетия, прошедшие после трагической гибели Джона Кеннеди, во всем мире вышли десятки книг, посвященных его жизни и президентству. Несколько книг о Кеннеди вышло и в Советском Союзе, как переводных, так и принадлежащих перу отечественных историков. Но труды самого Джона Кеннеди в нашей стране никогда не издавались. Правда, и трудов за ним числилось немного – всего два: «Нация иммигрантов» и «Профили мужества», если не считать разрекламированной после его прихода в Белый дом студенческой дипломной работы, написанной в годы учебы в Гарварде, – «Почему спала Англия?» (основательно доработанной и отредактированной известным американским журналистом и другом семьи Кеннеди Артуром Кроком) и сборников его речей.

С именем Джона Фицджеральда Кеннеди связано не так уж много законодательных инициатив в бытность его конгрессменом и сенатором. Будучи еще членом Палаты представителей, Джон Кеннеди инициировал в 1957 г. два законопроекта (о перемещенных лицах и помощи беженцам), которые позднее были утверждены Сенатом. В 1958 г., когда эти законопроекты еще только обсуждались Сенатом, Кеннеди написал и опубликовал небольшую работу, названную им «Нация иммигрантов», которую он впоследствии несколько раз дополнял и редактировал. Он работал

над новой редакцией этой книги, став президентом США, и продолжал работать над ней вплоть до дня своей гибели. В этой редакции книга была опубликована уже посмертно.

Совершенно иная судьба ожидала его вторую книгу, ныне впервые представляемую российскому читателю, — «Профили мужества». Она вышла в свет в США 50 лет назад. До сих пор не утихают разговоры (особенно оживившиеся после присуждения этой книге в мае 1957 г. престижной Пулитцеровской премии в литературном жанре «Биографии и автобиографии») о том, что «Профили мужества» в действительности принадлежали перу «авторов-призраков». И в первую очередь здесь называется имя давнишнего друга и соратника Дж. Кеннеди Теодора Соренсена, ставшего в годы президентства Кеннеди его основным спичрайтером, а позднее и автором фундаментального тома воспоминаний о нем. Когда это утверждение было выдвинуто одним из самых маститых американских политических обозревателей Дрю Пирсоном, Кеннеди возмутился, заявив, что не потерпит «этой открытой нападки на мою честь и достоинство», а его отец категорически настаивал на судебном иске «клеветникам», оценивая его в 50 млн. долларов. В конечном счете проблема была улажена вне зала судебных заседаний, и телекомпания Эй-би-си, в передаче которой прозвучало это утверждение Пирсона, принесла извинения президенту США. Но и после такого позитивного для него завершения скандала было замечено, что Джон Кеннеди не терпел шуток по поводу авторства этой книги и для него не было ничего более оскорбительного, чем подвергнуть сомнению его роль в ее создании.

Автор книги изначально упомянул о той роли, которую сыграли в ее подготовке его советники и помощники, особо выделив Соренсена. В том, что в сборе и обработке материала для книг, выходящих под именем видных государственных и политических деятелей, активно участвуют их помощники и советники, а то и специально приглашен-

ные журналисты, нет ничего необычного – в конечном счете, ставя свое имя на титульном листе книги, официально названный автором человек подписывается под всеми высказанными в ней мыслями и соображениями и несет за них ответственность перед историей и людьми. Поэтому мы вправе считать, что все вычитанное в книге «Профили мужества» есть не что иное, как изложение собственного отношения Джона Ф. Кеннеди к персонажам этой книги и вообще к роли и месту политического мужества в американской истории.

Весьма ограниченная роль, сыгранная Дж. Кеннеди в американском законодательном творчестве и его, мягко говоря, нечастое участие в работе обеих палат Конгресса США в бытность его конгрессменом и сенатором не дают оснований говорить о проявлении им политического мужества именно в стенах Конгресса. Поэтому представляется уместным объяснить, почему настоящее послесловие имеет такой подзаголовок и почему восемь «профилей мужества», выделенных Джоном Кеннеди, дополнены профилем 35-го президента США.

Но прежде чем говорить о его политическом мужестве, стоит начать нашу историю с тех дней, когда Джоном Кеннеди было проявлено простое человеческое мужество. Речь идет о годах Второй мировой войны. Вряд ли можно сомневаться в том, что у мультимиллионера Джозефа П. Кеннеди-старшего было достаточно возможностей, как политических, так и материальных, чтобы помочь своим старшим сыновьям – Джозефу Патрику-младшему и Джону Фицджеральду избежать мобилизации в действующую армию после вступления США во Вторую мировую войну или же, подобно другим будущим президентам США – Линдону Джонсону, Ричарду Никсону, Джеральду Форду, Рональду Рейгану, – отслужить в далеком от боевых действий тылу: в резерве ВМС, на интендантской службе, в Калифорнии или в вашингтонских кулуарах власти. Но оба брата сде-

ляли свой выбор и оказались в самом пекле боевых действий: один, старший, стал военным летчиком и погиб при выполнении боевого задания, другой стал военным моряком, командиром торпедного катера и был серьезно контужен в морском бою, проявив незаурядное личное мужество при спасении члена своего экипажа. Военные награды Джона Ф. Кеннеди были действительно заслужены в бою, в отличие, к примеру, от «боевой» награды Линдона Б. Джонсона (33-летний капитан второго ранга Джонсон был награжден Серебряной звездой, одной из высших наград США, за «проявленный героизм». А получил он эту награду за то, что в качестве представителя президента Ф. Рузвельта оказался в военном бомбардировщике, подвергнувшись атаке японских истребителей. Американскому самолету удалось избежать боя, скрывшись в облаках. Ни один из семи членов экипажа бомбардировщика не был удостоен награды, но ее получил пассажир).

На протяжении всей своей публичной жизни Джон Кеннеди испытывал физические страдания в результате полученной им в том бою контузии, несколько раз подвергался операциям, нередко был вынужден пользоваться костылями, но – характерная деталь – об этом в годы его пребывания на политическом поприще широким массам американцев не было известно. К 20 января 1961 г., когда он въехал в Белый дом, какая-то часть американцев уже успела влюбиться в своего молодого президента (а какая-то часть их только еще начинала его ненавидеть). Со страниц журналов и газет, с телеэкранов и выставленных в витринах магазинов сувенирных тарелок и кружек перед страной и перед всем миром предстал молодой и энергичный президент Джон Кеннеди с обаятельной женой Джеки, очаровательной дочкой Кэролайн и младенцем Джоном-младшим, родившимся уже после избрания отца.

Новый президент США выглядел пышущим здоровьем, о многочисленных болезнях (включая почечную бо-

лезнь Аддисона и поврежденный позвоночник) не было и речи. О них стало известно только после гибели Кеннеди. Но зато всем было известно о военном подвиге командира торпедного катера РТ-109 лейтенанта Джона Ф. Кеннеди на Тихоокеанском театре военных действий в годы Второй мировой войны.

В те недолгие 1036 дней пребывания Кеннеди в Белом доме понять и оценить истинные масштабы его деятельности и личности удалось очень немногим американцам и еще меньшему количеству сдерживаемых политико-идеологическими соображениями советских граждан. Давно известна универсальная истина, что лишь временное расстояние от исторического события или личности позволяет (естественно, при наличии достоверной информации) делать убедительные выводы. Сиюминутность, как уже не раз доказывала история, крайне необъективный и малонадежный судья, и настоящее часто вынуждает пересматривать оценки прошлого. Сегодня, спустя 40 с лишним лет, можно вынести гораздо более обоснованную оценку этой неординарной личности, хотя и такая оценка, возможно, еще будет подвергнута пересмотру через какое-то время с учетом новых фактов и новой информации, которые станут достоянием общественного внимания.

Хорошо известно, что первая «ознакомительная» встреча советского и американского лидеров в Вене в июне 1961 г. отличалась напряженностью и весьма скупо освещалась в советских средствах массовой информации, что не позволяло советским людям вынести суждение о человеке, с которым предстояло иметь дело советским руководителям в ближайшие годы. Официальные коммюнике фиксировали в самых общих выражениях лишь обсуждавшиеся в ходе переговоров темы, но не их суть и, конечно, не тон, в котором оба лидера обменивались своими взглядами на международные проблемы. Комментируя позднее содержание бесед с Н.С. Хрущевым, Дж. Кеннеди сказал амери-

канскому политическому обозревателю Дж. Рестону: «Помоему, он [Хрущев] поступил так из-за Залива Кочинос (провала поддержанного Центральным разведывательным управлением США вторжения кубинских контрреволюционеров на Кубу в апреле 1961 г. – Э.И.). Мне кажется, он подумал, что любой, кто оказался настолько молодым и неопытным, чтобы влезть в эту заварушку и не справиться с ней, слаб в коленках. И по этой причине он напустился на меня... Пока он придерживается подобных идей, мы ничего с ним не добьемся. Так что нам придется действовать». Кеннеди четко усвоил убежденность Хрущева в существовании трех видов войн – традиционных, ядерных и освободительных, лишь последняя из которых была, по мнению советского лидера, исторически неизбежна в силу своего «священного» характера.

Эта встреча не решила ни одной проблемы двусторонних и международных отношений, и оба лидера возвратились в свои столицы, не надеясь на возможность договориться о чем-то существенном в ближайшие годы. Более того, непримиримая позиция, занятая Н.С. Хрущевым по берлинскому вопросу, свидетельствовала о перспективе лишь дальнейшего осложнения советско-американских отношений.

В такой напряженной международной обстановке наступил 1962 год – год, который и дает основание озаглавить это послесловие как «Еще один профиль мужества». Это был год Кубинского кризиса – одного из самых крупных международных кризисов после окончания Второй мировой войны. В течение двух его недель мир был ближе к третьей мировой войне с применением ядерного оружия, чем когда-либо на протяжении всех послевоенных десятилетий.

В памяти присутствовавших на ключевом заседании Совета Безопасности ООН навеки оказался запечатленным эпизод полемики между Постоянным представителем СССР при ООН В.А. Зориным и Постоянным представителем США при ООН Эдлаем Стивенсоном. Продемонст-

рировав представителям государств-членов ООН кадры американской космической аэрофотосъемки «острова Свободы» с уже развернутыми советскими ракетными установками, Стивенсон выступил с обвинением СССР в намерении нанести ракетно-ядерный удар по США и потребовал от советского представителя разъяснений. Не располагавший абсолютно никакой информацией по этому вопросу и не получивший из Москвы каких-либо инструкций на этот счет В.А. Зорин ответил, что американская сторона получит ответ на этот вопрос «в свое время», на что Э. Стивенсон тут же отреагировал: «Мы готовы ждать до тех пор, пока не замерзнет ад», то есть, как можно было понять, столько, сколько потребуют обстоятельства. А обстоятельства требовали не только скорейшего, но и убедительного ответа с разъяснениями причин принятого Кремлем решения. Отрицать наличие советского ядерного оружия на территории Кубы было уже невозможно.

То, что происходило в Соединенных Штатах на протяжении последующих дней, можно охарактеризовать несколькими словами – всеобщая растерянность, предчувствие неминуемой и скорой гибели, состояние, близкое к безрассудной панике (в СССР наблюдалось абсолютное спокойствие, поскольку рядовые советские граждане по большей части оставались в неведении о грозившей катастрофе и позднее, узнав о том, что творилось в США, не скрывали своего удивления, приписывая все это разыгравшейся там «военной истерии»). В здании Секретариата ООН, где разворачивались если не основные, то достаточно важные события, царил атмосфера тревожного ожидания. Когда стране объявили об ожидаемом вечером 22 октября выступлении президента Кеннеди, напряжение достигло предела. Начиная с 5 часов вечера (выступление было назначено на 7 часов вечера по нью-йоркскому времени) все залы, где установлены телевизоры, были заполнены людьми. В зале журналистов, аккредитованных при ООН,

люди сидели даже на полу. Хорошего ожидать не приходилось: немногим более года назад авторитету президента Кеннеди был нанесен серьезнейший удар в результате фиаско в Заливе Кочинос. Хотя после этого крупного внешнеполитического поражения отправили в отставку директора ЦРУ Алена Даллеса, не было сомнения, что основным виновником катастрофы, как и основным «потерпевшим», был хозяин Белого дома. Вполне можно было предположить, что Кеннеди на этот раз в полной мере отыграется на Кубе и ее главном покровителе – СССР, тем более что в ближайшем окружении президента были люди, которые требовали решительных действий на Кубе в целях устранения Ф. Кастро и его режима.

За минуту или две до семи часов вечера 22 октября на экране появилось изображение океанских просторов с бороздившим их военным кораблем, скорее всего крейсером, а затем – словно высеченное из камня лицо высшего морского офицера, типичного «морского волка», стоявшего на капитанском мостике. Капитан вытряхнул в рот сигарету из пачки, поднес к ней зажигалку и глубоко затянулся. Ну всё! – явно читалось на лицах замерших в тревожном ожидании журналистов. И в абсолютной тишине с экрана раздался голос: «Курите сигареты «Коммодор», лучшие сигареты для настоящих мужчин!». В зале раздался взрыв напряженного хохота. Уж такого никто не ожидал. А за рекламой сигарет на экране высветилось спокойное, но решительное лицо американского президента, который «в качестве первых шагов» объявил о морской блокаде Кубы и ультимативном требовании, предъявленном Советскому Союзу, – безотлагательно удалить советские ракеты с территории острова. Подчеркнутая в выступлении президента фраза «в качестве первых шагов» давала понять, что администрация США готова принять более жесткие меры вплоть до начала военных действий в случае невыполнения Кубой и Советским Союзом предъявленных

требований. О решительности занятой США позиции свидетельствовали слова президента о том, что им отдан приказ вооруженным силам США «быть готовыми к любому развитию событий», и его предупреждение о том, что ракета, запущенная с территории Кубы против любой страны Западного полушария, будет считаться нападением Советского Союза на Соединенные Штаты, требующим адекватного ответного удара по Советскому Союзу.

Много позже стало известно, что у Кеннеди хватило политического мужества не поддаваться нажиму «ястребов» как в его окружении, так и в политической элите и прессе страны, требовавших более эффективных силовых санкций против Кубы, включая торпедирование шедших на Кубу советских кораблей, так же как хватило государственной мудрости ни разу не упомянуть в своем выступлении имени советского руководителя, уже прославившегося широко растиражированным в Америке выражением «мы вас похороним». Раздражать его не входило в планы американского президента, учитывая вполне реальную возможность трагического исхода конфликта.

Весь мир замер в ожидании дальнейшего развития событий, в то время как два с половиной десятка советских судов продолжали следовать в направлении Кубы, а 90 американских военных кораблей и 8 авианосцев заняли позиции на подступах к острову с целью их перехвата и обыска на предмет наличия на их борту ракет и вооружений. Согласно воспоминаниям бывшего министра обороны США Роберта Макнамары, одного из важных участников событий тех дней, возвращаясь домой ночью в субботу 27 октября, он не надеялся дожить до следующей субботы.

По свидетельству Т. Соренсена, Дж. Кеннеди как-то заметил, что «будущие историки, оглядываясь на 1962 г., имеют все основания считать его годом, в который произошел коренной поворот во внешнеполитическом курсе Соединенных Штатов». Также ссылаясь на слова прези-

дента, Соренсен заявлял впоследствии, что Карибский кризис «способствовал созданию в США благоприятной атмосферы для распространения убеждения о смертельной безысходности тотальной «победы» в ядерной войне и о созидательных возможностях соглашений... Разоружение становилось все в большей степени необходимостью и все в меньшей степени мечтой».

В той международной ситуации и при тех обстоятельствах признание главой американского государства бессмысленности войны и необходимости поиска мирного разрешения международных споров несомненно требовало выдающегося политического мужества, не говоря уже о политическом здравомыслии. Р. Кеннеди вспоминал уже после гибели брата: «Во время прошлогоднего Кубинского ракетного кризиса мы обсуждали возможность войны, обмена ядерными ударами и говорили о том, что мы можем погибнуть – в то время вопрос о нашей личной судьбе казался таким маловажным, чуть ли не легкомысленным. Единственное, что действительно заботило его, действительно имело значение и делало ситуацию намного более опасной, чем она могла быть по определению, была перспектива гибели детей в нашей стране и во всем мире – молодых людей, которые не несли вину за конфронтацию и не имели о ней представления, но чья жизнь была бы так же перечеркнута, как и жизнь всех других людей... Великая трагедия заключалась в том, что в случае нашей ошибки она отразилась бы не только на нас, нашем будущем, нашем доме, нашей стране, но и на жизни, будущем, домах и странах тех, кому никогда не предоставлялась возможность сыграть свою роль, сказать «да» или «нет», засвидетельствовать свое присутствие».

В июне 1963 г. президент произнес в Американском университете (г. Вашингтон) речь, которая сразу же привлекла внимание всего мира. «Я избрал этот момент и это место для того, чтобы обсудить тему, по поводу которой

очень уж часто проявляется невежество и очень уж редко преследуется цель добиться правды, хотя эта тема является наиболее важной в мире, – мир во всем мире, – заявил Кеннеди. – Какой мир я имею в виду? Какого мира мы стараемся добиться? Не Pax Americana, навязанного миру американским оружием. Не мира могилы и не безопасности раба. Я говорю о подлинном мире, мире, который делает жизнь на Земле достойной того, чтобы ее прожить, о том мире, который позволяет людям и государствам развиваться, надеяться и строить лучшую жизнь для своих детей, не о мире исключительно для американцев, а о мире для всех мужчин и женщин, не просто о мире в наше время, а о мире на все времена... Тотальная война... не имеет никакого смысла в век, когда одна единица ядерного оружия содержит в себе взрывную мощь, чуть ли не в десять раз превосходящую ту мощь, которая была применена всеми военно-воздушными силами союзников во Второй мировой войне. Она не имеет никакого смысла в век, когда смертоносные яды, образовавшиеся во время обмена ядерными ударами, могут быть доставлены ветром, водой, через почву и семена в самые дальние уголки планеты и поразить еще не родившиеся поколения».

«Мы, американцы, считаем коммунизм глубоко отвратительным как систему, отрицающую личную свободу и самоуважение, – продолжал президент. – Но мы можем по-прежнему уважать русский народ за его многочисленные достижения в науке и космосе, в экономическом и индустриальном развитии, в культуре, а также за его отважные подвиги.

Давайте не будем закрывать глаза на наше несходство, но давайте обратим внимание на наши общие интересы и на средства, с помощью которых это несходство может быть устранено. И если мы окажемся сейчас не в состоянии покончить с нашими разногласиями, мы можем по крайней мере содействовать тому, чтобы наши разногла-

сия не угрожали миру. Поскольку в конечном счете самой главной точкой соприкосновения является то, что мы все живем на этой маленькой планете. Мы все дышим одним и тем же воздухом. Мы все заботимся о будущем наших детей. И мы все смертны».

В том же месяце США и СССР договорились об установлении «горячей линии» – линии прямой связи между Москвой и Вашингтоном в целях предотвращения случайного возникновения войны, а 5 августа 1963 г. США, СССР и Великобритания подписали Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Это первый с начала «холодной войны» международный документ, ограничивающий дальнейшее усовершенствование ядерного оружия. В октябре 1963 г. президент одобрил продажу Советскому Союзу зерна на сумму в 250 млн. долларов, что помогло советскому руководству справиться с последствиями неурожая.

Трудно не согласиться с Дж. Кеннеди, отметившим, что «мужество жить зачастую выглядит не так драматично, как мужество последних минут жизни, но оно представляет собой ничуть не менее величественное сочетание триумфа и трагедии. Человек совершает то, что должен совершить – несмотря на последствия личного плана, несмотря на препятствия, опасности и давление, – и в этом заключена основа человеческой морали». На его долю выпало явить мужество и при жизни, и перед лицом смерти. У Дж. Ф. Кеннеди хватило политического мужества и благоразумия сделать первый шаг в направлении, ведущем к более безопасному миру, в направлении, которому, выражаясь дипломатически, не всегда следовали его преемники в Белом доме и готовность следовать по которому не всегда проявляли их оппоненты в Кремле.

Кто знает, может быть, именно за этот шаг он расплатился собственной жизнью.

Э.А. Иванян

БИБЛИОГРАФИЯ

Note: The works of Allan Nevins and Herbert Agar are particularly helpful in commencing a study of this nature; and Haynes's history of the Senate, Gate's biography of Lamar, De Witt's recount of the Johnson impeachment, and William S. White's biography of Taft are basic reference works which have been essential to my research. – JFK

GENERAL REFERENCES

(The following books were helpful in several chapters of the book or in establishing the general theme of the book in the opening and closing chapters.)

Agar, Herbert. *The Price of Union*. Boston, 1950.

Coit, Margaret L. *John C. Calhoun*. Boston, 1950.

Douglas, William O. *An Almanac of Liberty*. New York, 1954.

Gallup, George. *Public Opinion in a Democracy*. Princeton University, 1939.

Gillett, Frederick H. *George Frisbie Hoar*. Boston, 1934.

Haynes, George H. *The Senate of the United States*, Vols. 1 & 2. Boston, 1938.

Holcombe, Arthur Norman. *Our More Perfect Union; from Eighteenth-Century Principles to Twentieth-Century Practice*. Cambridge, Massachusetts, 1950.

House Doc. 607: *Biographical Directory of the American Congress, 1774–1949*. Washington, D.C., 1950.

Kent, Frank R. *Political Behavior*. New York, 1928.

Lippmann, Walter. *Essays in the Public Philosophy*. Boston, 1955.

Lowell, Abbott Lawrence. *Conflicts of Principle*. Cambridge, Massachusetts, 1932.

- Luthin, Reinhard Henry. *American Demagogues: Twentieth Century*. Boston, 1954.
- Malone, Dumas. *Dictionary of American Biography*. New York, 1943.
- Moore, Joseph West. *The American Congress*. New York, 1895.
- Morison, Samuel E., and Commager, Henry Steele. *The Growth of the American Republic*, Vols. 1 & 2. London, 1942.
- Morrow, Josiah. *The Works of the Right Hon. Edmund Burke*, Vol. 2. Boston, 1894.
- Nevins, Allan. *Ordeal of the Union*, Vols. 1 & 2. New York, 1947.
- Nevins, Allan, and Commager, Henry Steele. *America, the Story of a Free People*. Boston, 1942.
- Peterson, Houston (Ed.). *A Treasury of the World's Great Speeches*. New York, 1954.
- Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Age of Jackson*. Boston, 1946.
- Turner, Julius. *Party and Constituency: Pressures on Congress*. Baltimore, 1951.

ADDITIONAL REFERENCES ON
HISTORY OF THE SENATE AND
SOURCES FOR MATERIAL
CONTAINED IN THE PROLOGUES
TO THE VARIOUS CHAPTERS

- Benton, Thomas Hart. *Thirty Tears' View, 1820–1850*. London and New York, 1863.
- Binkley, Wilfred. *President and Congress*. New York, 1947.
- Boni, Albert and Charles. *The Journal of William Maclay*. New York, published in 1890 and revised in 1927.
- Brown, Everett Somerville. *William Plumer's Memorandum of Proceedings in the United States Senate, 1803–1807*. London, 1923.
- Connor, R.D.W. *History of North Carolina*, Vol. 1. Chicago and New York, 1919.
- Corwin, Edward. *The President, Office and Powers*, 2nd Edition. New York, 1941.
- Cosgrove, Henry. «New England Town Mandates», *Publications of the Colonial Society of Massachusetts*, Vol. 21 (Transactions in 1919). Boston, 1920.
- Dangerfield, Royden J. *In Defense of the Senate*. University of Oklahoma Press, 1933.
- Dodd, William E. «The Principle of Instructing United States Senators». *The South Atlantic Quarterly*, Vol. 1. Durham, North Carolina, January, 1902.

- Foster, Roger. *Commentaries on the Constitution of the United States*. Boston, 1895.
- Galloway, George Barnes. *Congress at the Crossroads*. New York, 1946.
- Harris, Joseph P. *The Advice and Consent of the Senate*. Berkeley and Los Angeles, 1953.
- Haynes, George H. *The Senate of the United States*, Vols. 1 & 2. Boston, 1938.
- Matthews, Donald R. «United States Senators and the Class Structure». *The Public Opinion Quarterly*, Vol. XVIII, No. 1. Princeton University, Spring 1954.
- McClendon, R. Earl. «Violations of Secrecy In Re Senate Executive Sessions, 1789–1929». *The American Historical Review*, Vol. LI. New York, October, 1945.
- Miller, R., and Hoar, George E. «Has the Senate Degenerated?» *Forum*. 1897.
- Moore, Joseph West. *The American Congress*. New York, 1895.
- Nevins, Allan, and Commager, Henry Steele. *America, the Story of a Free People*, Boston, 1942.
- Pound, Merritt B. *Benjamin Hawkins—Indian Agent*. Athens, Georgia, 1951.
- Rogers, Lindsay. *The American Senate*. New York, 1926.
- Smith, Goldwin. «Has the U.S. Senate Decayed?» *Saturday Review*. 1896.
- Von Hoist, R. «Shall the Senate Rule the Republic?» *Forum*. November, 1893.
- Wilson, Woodrow. *Congressional Government*. Boston and New York, 1885.
- Young, Roland. *This Is Congress*. New York, 1943.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
CHAPTER II
JOHN QUINCY ADAMS

- Adams, Charles Francis. *Memoirs of John Quincy Adams* (His Diary from 1795 to 1848), Vol. 1. Philadelphia, 1874.
- Adams, Henry. *New England Federalism*. Boston, 1905.
- Adams, James Truslow. *The Adams Family*. Boston, 1930.
- Adams, John Quincy. *Correspondence with Citizens of Massachusetts*. Boston, 1829.
- Beard, Charles A. *Economic Origins of Jeffersonian Democracy*. New York, 1949.

- Bemis, Samuel Flagg. *John Quincy Adams and the Foundations of American Foreign Policy*. New York, 1949.
- Buckley, William. *The Hartford Convention* (Pamphlet). New Haven, Connecticut, 1934.
- Clark, Bennett Champ. *John Quincy Adams*. Boston, 1932.
- Dwight, Theodore. *The Hartford Convention*. Boston and New York, 1833.
- Ford, W.C. «The Recall of John Quincy Adams in 1808», *Massachusetts Historical Society Proceedings*, Vol. XLV, p. 354.
- Ford, Worthington Chauncey. *Writings of John Quincy Adams*, Vol. III. New York, 1914.
- Hoar, George F., Representative. Speech of December 12, 1876, on dedication of statues of Samuel Adams and John Winthrop, *Congressional Record*.
- Lipsky, George A. *John Quincy Adams*. New York, 1950.
- Morison, Samuel Eliot. *Life and Letters of Harrison Gray Otis*, Vols. 1 & 2. Cambridge, 1913.
- Morse, Anson Ely. *The Federalist Party in Massachusetts to the Year 1800*. Trenton, New Jersey, 1909.
- Morse, John T., Jr. *John Quincy Adams, American Statesmen Series*, Vol. 15. Boston and New York, 1883 and 1899.
- Nevins, Allan (Ed.). *The Diary of John Quincy Adams, 1794–1845*. New York and London, 1929.
- Premiss, Hervey Putnam. *Timothy Pickering as the Leader of New England Federalism, 1800–1815*. Salem, Massachusetts, 1934.
- Quincy, Josiah. *Memoir of the Life of John Quincy Adams*. Boston, 1858.
- Seward, William H. *Life of John Quincy Adams*. Philadelphia, 1916.
- Sullivan, William. *Public Men of the Revolution*. Philadelphia, 1847.
- Wilson, Woodrow. «A Calendar of Great Americans». *Forum*. February, 1894.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
CHAPTER III
DANIEL WEBSTER

- Adams, Samuel Hopkins. *The Godlike Daniel*. New York, 1930.
- Bemis, Samuel Flagg (Ed.). *The American Secretaries of State and Their Diplomacy*, Vol. 5. Duniway, Clyde Augustus. «Daniel Webster». New York, 1928.

- Benson, Allan L. *Daniel Webster*. New York, 1929.
- Binkley, Wilfred E. *American Political Parties: Their Natural History*. New York, 1949.
- Current, Richard. *Daniel Webster and the Rise of National Conservatism*. Boston, 1955.
- Curtis, George Ticknor. *The Last Tears of Daniel Webster*. New York, 1878.
- Curtis, George Ticknor. *The Life of Daniel Webster*, Vols. 1 & 2. New York, 1870.
- Dyer, Oliver. *Great Senators of the United States 40 Years Ago*. New York, 1889.
- Fisher, Sydney George. *The True Daniel Webster*. Philadelphia and London, 1911.
- Foster, Herbert Darling. *Webster's 7th of March Speech and the Secession Movement, 1850*. New York, 1922.
- Fuess, Claude M. *Daniel Webster*, Vols. 1 & 2. Boston, 1930.
- Harvey, Peter. *Reminiscences and Anecdotes of Daniel Webster*. Boston, 1909.
- Johnson, Gerald W. *America's Silver Age*. New York, 1939.
- Lanman, Charles. *The Private Life of Daniel Webster*. New York, 1852.
- Lodge, Henry Cabot. *Daniel Webster, American Statesmen Series*, Vol. 21. Boston and New York, 1899.
- March, Charles W. *Daniel Webster and His Contemporaries*. New York, 1859.
- McClure, Col. Alexander K. *Recollections of Half a Century*. Salem, Massachusetts, 1902.
- McMaster, John Bach. *Daniel Webster*. New York, 1902.
- Nevins, Allan. *Ordeal of the Union*, Vols. 1 & 2. New York, 1947.
- Sandburg, Carl. *Abraham Lincoln, the Prairie Years and the War Years*. New York, 1954.
- Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Age of Jackson*. Boston, 1946.
- Smyth, Clifford. *Daniel Webster. Spokesman for the Union*. New York, 1931.
- Van Tyne, C.H. *The Letters of Daniel Webster*. New York, 1902.
- Webster, Daniel. *The Private Correspondence of Daniel Webster*. Boston, 1857.
- Whittier, John G. *Whittier's Poetical Work*, «Ichabod», Vol. IV. Boston, 1888.
- Wish, Harvey. *Society and Thought in Early America*. New York, 1950.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
CHAPTER IV
THOMAS HART BENTON

- Benton, Thomas Hart. *Thirty Tears' View, 1820–1850*. London and New York, 1863.
- Dyer, Oliver. *Great Senators of the United States 40 Years Ago*. New York, 1889.
- Fremont, John Charles. *Memoirs of My Life*, Vol. 1. Fremont, Jessie Benton. «Biographical Sketch of Senator Benton, in Connection with Western Expansion». Chicago and New York, 1887.
- McClure, Col. Alexander K. *Recollections of Half a Century*. Salem, Massachusetts, 1902.
- McClure, Clarence Henry. *Opposition in Missouri to Benton*. Nashville, Tennessee, 1927.
- McClure, Clarence Henry. «The Opposition Against Benton», *Missouri Historical Review*, Vol. 10, p. 151. State Historical Society of Missouri; Columbia, Missouri, October, 1907, and January, 1908.
- Meigs, William Montgomery. *The Life of Thomas Hart Benton*. Philadelphia and London, 1904.
- Rogers, Joseph M. *Thomas H. Benton*. Philadelphia, 1905.
- Roosevelt, Theodore. *Thomas H. Benton*. Boston and New York, 1899.
- Violette, Eugene Morrow. *History of Missouri*. Boston, 1820.
- Wilson, Woodrow. «A Calendar of Great Americans», *Forum*. February, 1894.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
CHAPTER V
SAM HOUSTON

- Barker, Eugene C. *Mexico and Texas, 1821–1835*. Texas, 1928.
- Bruce, Henry. *Life of General Houston*. New York, 1891.
- Creel, George. *Sam Houston*. New York, 1928.
- Culberson, Charles. «General Sam Houston and Secession», *Scribner's Magazine*, Vol. 39, 1906.
- Day, Donald, and Ullom, Harry Herbert (Eds.). *The Autobiography of Sam Houston*. University of Oklahoma Press, 1954.
- De Shields, James T. *They Sat in High Place*. San Antonio, 1940.

- Dyer, Oliver. *Great Senators of the United States 40 Tears Ago*. New York, 1889.
- Evans, Gen. Clement A. *Confederate Military History*, Vol. XI. Atlanta, Georgia, 1899.
- Farber, James. *Texas*, C. S. A. New York, 1947.
- Friend, Llerena. *Sam Houston, The Great Designer*. University of Texas Press, 1954.
- Hogan, William Ransom. *The Texas Republic, a Social and Economic History*. University of Oklahoma Press, 1946.
- James, Marquis. *The Raven, a Biography of Sam Houston*. New York, 1929.
- Lester, C. Edwards. *Life and Achievements of Sam Houston*. New York, 1883.
- McClure, Col. Alexander K. *Recollections of Half a Century*. Salem, Massachusetts, 1902.
- McGrath, Sister Paul of the Cross. *Political Nativism in Texas, 1825–1860*. Catholic University of America, 1930.
- Seymour, Flora Warren. *Sam Houston, Patriot*. New York, 1930.
- Smith, Justin. *The Annexation of Texas*. New York, 1911.
- Sprague, Maj. J.T. *The Treachery in Texas (The Secession of Texas and the Arrest of the United States Officers and Soldiers Serving in Texas)*. New York, 1862.
- Weinberg, Albert K. *Manifest Destiny. A Study of Nationalist Expansionism in American History*. Johns Hopkins Press, 1935.
- Winkler, William (Ed.). *Journal of the Secession Convention of Texas, 1861*. Austin, 1912.
- Wortham, Louis J. *A History of Texas*. Fort Worth, 1924.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
CHAPTER VI
EDMUND G. ROSS

- Bowers, Claude Gernade. *The Tragic Era; The Revolution After Lincoln*. Cambridge, 1929.
- Bumgardner, Edward. *The Life of Edmund G. Ross*. Missouri, 1949.
- De Witt, David Miller. *The Impeachment and Trial of Andrew Johnson, Seventeenth President of the United States*. New York and London, 1903.
- Dunning, Charlotte. *Essays on the Civil War and Reconstruction*. New York, 1931.

- Fessenden, Francis. *Life and Public Services of William Pitt Fessenden*, Vols. 1 & 2. Cambridge, 1907.
- Holzman, Robert. *Stormy Ben Butler*. New York, 1954.
- Lesis, H.H. Walker. "The Impeachment of Andrew Johnson", *American Bar Association Journal*. January, 1954.
- Oberholtzer, Ellis P. *A History of the United States Since the Civil War*, Vol. 2, 1868–1872. New York, 1922.
- Ross, Edmund G. «History of the Impeachment of Andrew Johnson», *Forum*. July, 1895.
- Ross, Edmund G. *History of the Impeachment of Andrew Johnson*. Santa Fe, 1896.
- Welles, Gideon. *Diary of*, Vol. 3, January 1, 1867 – June 6, 1869. Boston and New York, 1911.
- White, Horace. *The Lift of Lyman Trumbull*. Boston, 1913.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
CHAPTER VII
LUCIUS QUINTUS CINCINNATUS LAMAR

- Adams, Henry. *The Education of Henry Adams—Autobiography*. Cambridge, 1918.
- Agar, Herbert. *The Price of Union*. Boston, 1950.
- Blaine, James G. *Twenty Years of Congress*, Vols. 1 & 2. Norwich, Connecticut, 1884 and 1886.
- Bowers, Claude Gernade. *The Outlook*, Vol. 125. New York, May–August, 1920 (July 2).
- Bowers, Claude Gernade. *The Tragic Era; The Revolution After Lincoln*. Cambridge, 1929.
- Cate, Wirt Armistead. *Lamar and the Frontier Hypothesis*. Reprinted from *The Journal of Southern History*, Vol. 1, No. 4. Baton Rouge, Louisiana, November, 1935.
- Cate, Wirt Armistead. *Lucius Q.C. Lamar, Secession and Reunion*. Chapel Hill, 1935.
- Congressional Record*. February 15, 1878.
- Hamilton, J.G. de Roulhac. «Lamar of Mississippi», *The Virginia Quarterly Review*, Vol. 8, No. 1. University of Virginia, January, 1932.
- Hill, Walter B. «L.Q.C. Lamar». *The Green Bag*, Vol. V, No. 4. Boston, April, 1893.
- Hoar, George Frisbie. *Autobiography of 70 Years*, Vols. 1 & 2. New York, 1903.

- House Report 265, 43rd Congress, 2nd Session. *Vicksburg Troubles*. Washington, D.C., February 27, 1875.
- Johnston, Frank. «Suffrage and Reconstruction in Mississippi», *Publications of the Mississippi Historical Society*, Vol. VT. Oxford, Mississippi, 1902.
- Mayes, Edward. *Lucius Q.C. Lamar*. Nashville, Tennessee, 1896.
- U.S. Supreme Court. *In Memoriam. Lucius Q.C. Lamar*. Washington, D.C., 1893.
- Woods, Thomas H. «A Sketch of the Mississippi Secession Convention of 1861 – Its Membership and Work», *Publications of the Mississippi Historical Society*, Vol. VI. Oxford, Mississippi, 1902.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
CHAPTER VIII
GEORGE NORRIS

- Baker, Ray Stannard. *Woodrow Wilson, Life and Letters, 1915–1917*. New York, 1937.
- Bolles, Blair. *Tyrant from Illinois: Uncle Joe Cannon's Experiment with Personal Power*. New York, 1951.
- Daniels, Josephus. *The Wilson Era: Years of Peace – 1910–1917*. Chapel Hill, 1944.
- Hechler, Kenneth W. *Insurgency: Personalities and Politics of the Taft Era*. New York, 1940.
- Lief, Alfred. *Democracy's Norris: the Biography of a Lonely Crusade*. New York, 1939.
- Link, Arthur. *Woodrow Wilson and the Progressive Era: 1910–1917*. New York, 1954.
- Millis, Walter. *Road to War: 1914–1917*. New York, 1935.
- Mowry, George E. *Theodore Roosevelt and the Progressive Movement*. Madison, 1947.
- Nebraska State Journal*. March, 1917; October, 1928.
- Neuberger, Richard L., and Kahn, Stephen B. *Integrity: The Life of George W. Norris*. New York, 1937.
- New York Herald Tribune*. October, 1928.
- New York Times*. October, 1928.
- Norris, George W. *Fighting Liberal: Autobiography*. New York, 1945.
- Norris, George W. *Letters*. Library of Congress Collections and files of C. A. Sorensen.
- Omaha World Herald*. March, 1917; October, 1928.

- Paxson, Frederic L. *Prewar Years, 1913–1917*. Boston, 1936.
Senate and House Journals for Nebraska, 1917, 35th Session.
 Tansill, Charles C. *America Goes to War*. Boston, 1938.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
 CHAPTER IX
 ROBERT A. TAFT

- Cleveland *Plain Dealer*. October 7, 8, 10, 1946.
 Columbus *Dispatch*. October 8, 1946.
 Harnsberger, Caroline T. *A Man of Courage*. Chicago, 1952.
New York Times. October 6, 7, 8, 9, 10, 11, 19, 24, 25, 1946.
 Taft, Robert A. *A Foreign Policy for Americans*. New York, 1951.
 Toledo *Blade*. October 8, 9, 14, 1946.
 White, William S. *The Taft Story*. New York, 1954.

ADDITIONAL REFERENCES FOR
 CHAPTER X
 OTHER MEN OF
 POLITICAL COURAGE

- Barnard, Harry. *Eagle Forgotten* (The Life of John Peter Altgeld).
 New York, 1938.
 Bowers, Claude Gernade. *Beveridge and the Progressive Era*.
 Cambridge, 1932.
 Brown, Everett Somerville, *William Plumer's Memorandum of
 Proceedings in the United States Senate, 1803–1807*. London,
 1923.
 Chitwood, Oliver Perry. *John Tyler; Champion of the Old South*.
 New York, 1939.
 Coit, Margaret L. *John C. Calhoun*. Boston, 1950.
 Cralle, Richard K. *Reports and Public Letters of John C. Calhoun*,
 Vol. 2 New York, 1855.
 Fraser, Hugh Russell. *Democracy in the Making*. Indianapolis and
 New York, 1938.
 Hapgood and Moskowitz. *Up from the City Streets: Alfred E. Smith*.
 New York, 1927.
 Kent, Frank R. *Political Behavior*. New York, 1928.
 Marshall, Humphrey. *History of Kentucky*, Vol. 2. Frankfort,
 Kentucky 1824.

- Morgan, Robert J. *A Whig Embattled; the Presidency under John Tyler*. Lincoln, 1954.
- New York Times*. January 26, 1929.
- Pusey, Merlo J. *Charles Evans Hughes*, Vols. 1 & 2. New York, 1951.
- Quisenberry, A.C. *The Life and Times of Hon. Humphrey Marshall*. Winchester, Kentucky, 1892.
- Simms, Henry H. *The Rise of the Whigs in Virginia*. Richmond, Virginia 1929.
- Stoddard, William O. *John Adams, the Lives of the Presidents*, Vol. 2. New York, 1886.
- Stryker, Lloyd Paul. *Andrew Johnson, A Study in Courage*. New York 1929.
- Underwood, Oscar W. *Drifting Sands of Party Politics*. New York, 1928.
- Washington *Evening Star*. January 25, 1929.

Джон Ф. КЕННЕДИ ПРОФИЛИ МУЖЕСТВА

Редактор *К.С. Чигринова*

Оформление художника *В.П. Григорьева*

Художественный редактор *И.А. Горбунова*

Технический редактор *З.Д. Гусева*

Компьютерная верстка *Е.А. Надиной*

Подписано в печать 12.04.05.

Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,5.

Изд. № 96/2005. Тираж 2000 экз.

Цена договорная. Заказ № 4998.

Издательство «Международные отношения»

107078, Москва, Садовая-Спаская, 20

Тел. отдела реализации: 975-30-09

E-mail: info@inter-rel.ru

Сайт: www.inter-rel.ru

Отпечатано с оригинал-макета

издательства «Международные отношения»

на ФГУП ордена «Знак Почета»

Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова.

214000, Смоленск, проспект Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-7133-1242-9

9 785713 312428

